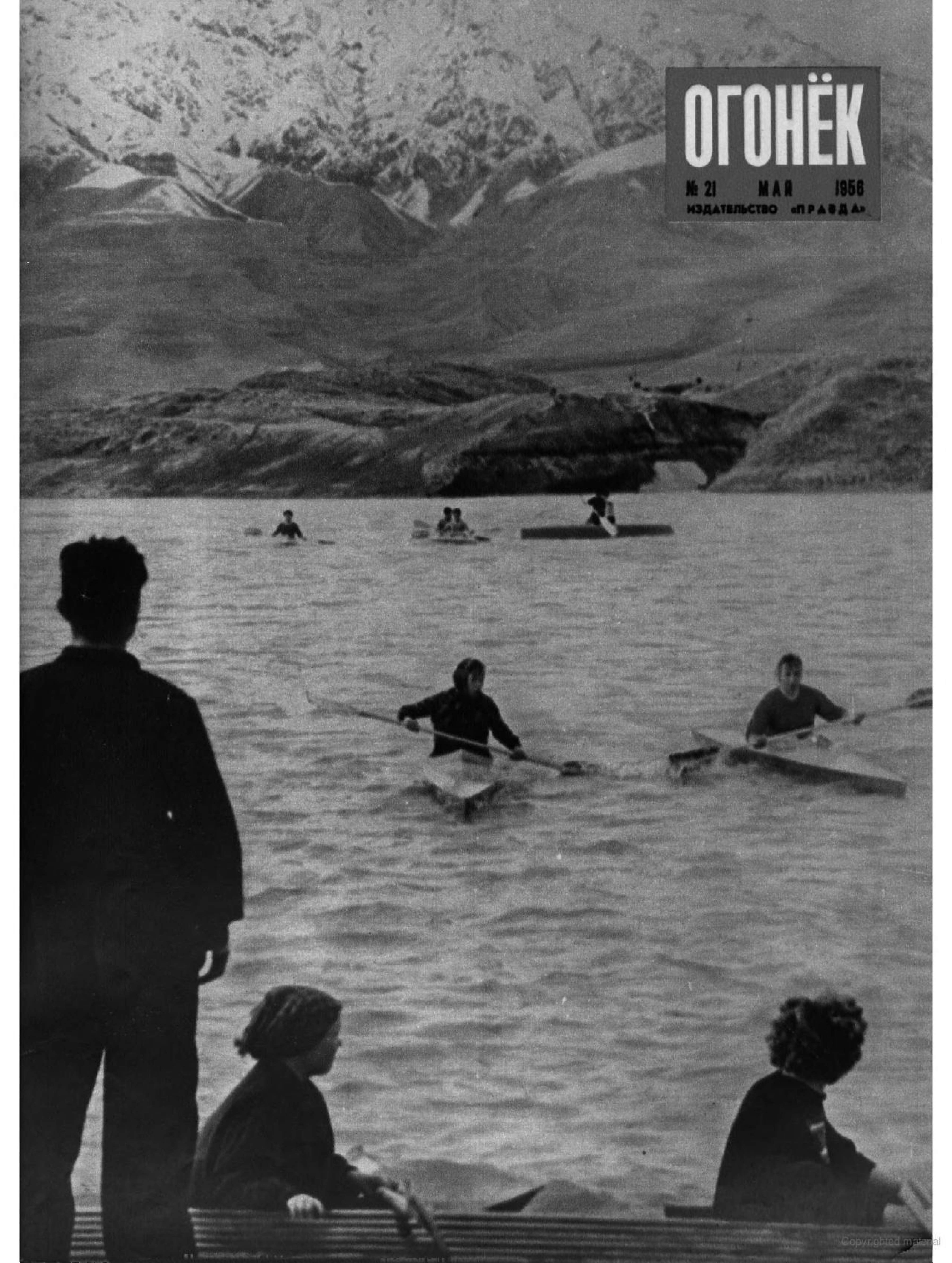

ОГОНЁК
№ 21 МАЙ 1956
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

крупномеханическом цехе Харьковского завода тепловозного оборудования. Токарь Н. Н. Судейченко обрабатывает 68-тонный вал ротора для Каховской ГЭС.
Фото Я. Рюмкина.

а первой странице обложки: Спортсмены Сталинабада готовятся к Спартакиаде народов СССР. Тренировка гребцов на водохранилище.
Фото О. Кнорринга.

На последней странице обложки: «Тетя Луша, возьми меня с собой!» (См. в номере очерк «Лукерья Терентьевна».)
Фото Галины Санько.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ОГОНЁК № 21 (1510)

20 МАЯ 1956

34-й год издания

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

ВКЛАД СОВЕТСКИХ ТРУЖЕНИКОВ

Всего несколько месяцев советские люди исчисляют время по календарю шестой пятилетки, а сколько славных страниц вписано в летопись нашей жизни, сколько радостных событий отметил наш народ! Уже после XX съезда Коммунистической партии задута вторая доменная печь в Череповце, вступила в строй новая коксовая батарея на Челябинском металлургическом заводе, продлена электрифицированная линия на Транссибирской магистрали. Строители Иркутской ГЭС готовятся к перекрытию Ангары, куйбышевская водосливная плотина выдержала боевое крещение, в Москву поступил первый ток из Куйбышева.

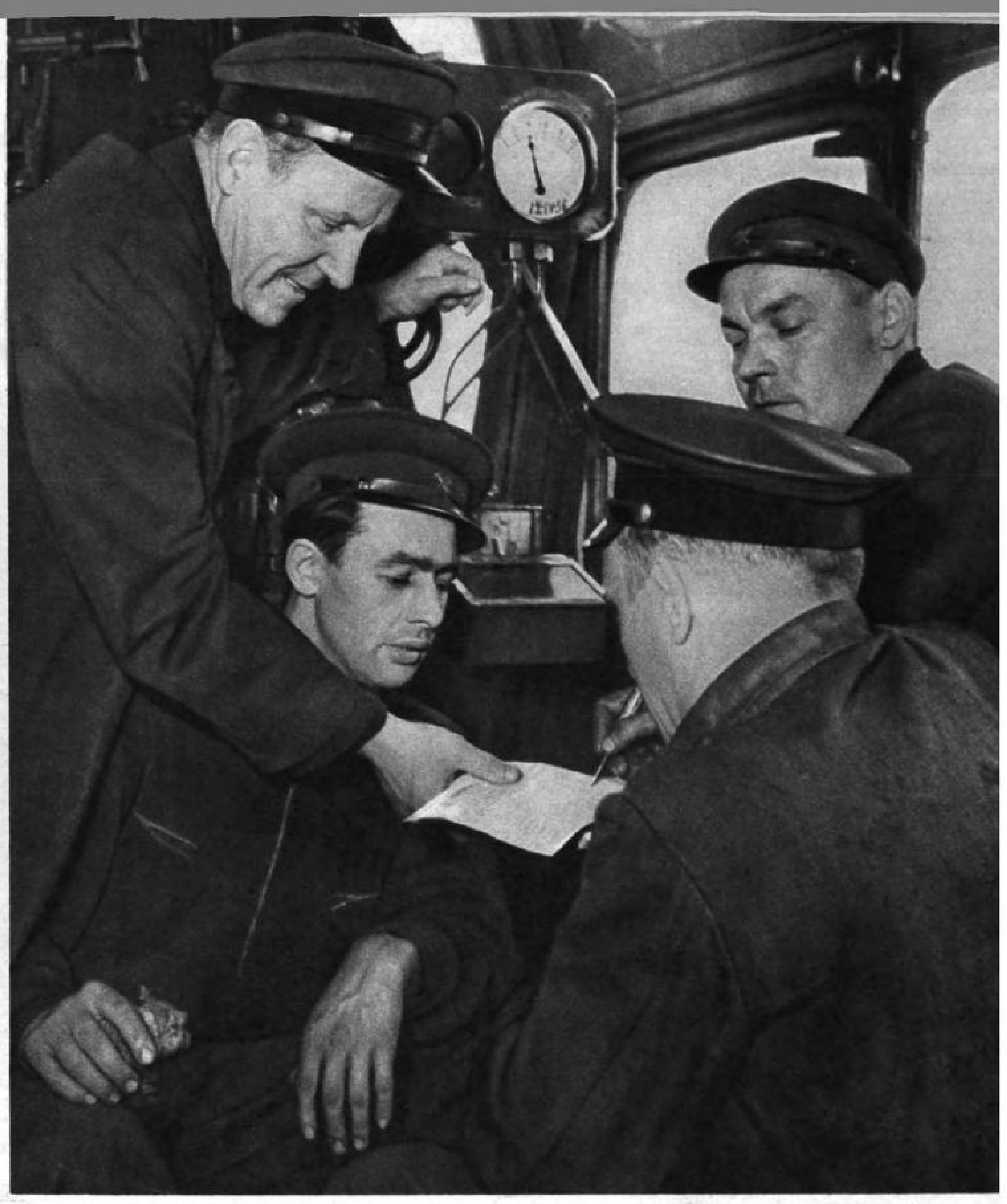
Грандиозная программа социалистического строительства день за днем осуществляется на наших глазах. И вместе с ней претворяются в жизнь разработанные XX съездом партии меры, направленные к удовлетворению растущих материальных и культурных потребностей советских тружеников. В скором времени престарелые люди, инвалиды и семьи, оставшиеся без кормильцев, начнут получать значительно увеличенные пенсии. Неустанная забота об отдыхе выразилась в сокращении рабочего дня в предвыходные и предпраздничные дни, а в дальнейшем предстоит переход на семичасовой рабочий день. Уже ощутили на себе заботу государства женщины, для которых увеличена продолжительность отпуска по беременности и родам.

Непрерывное хозяйственное развитие, рост благосостояния трудящихся — все это ярко выражено в цифрах государственного бюджета. Один из существенных источников этого бюджета — средства, поступающие по займам, размещенным среди населения.

Новый Государственный заем развития народного хозяйства СССР (выпуск 1956 года) будет способствовать осуществлению великой программы, утвержденной XX съездом партии.

— Все мы горячо одобряем выпуск нового займа,— сказал старший сварщик завода «Серп и молот» А. Чикунов.— Сбережения, которые дадут трудящиеся взаймы государству, пойдут на дальнейшее развитие народного хозяйства.

Рабочие, колхозники и служащие с готовностью вносят свой вклад, зная, что вклад этот будет сторицей возмещен дальнейшим укреплением могущества Советского государства, увеличением бытовых и материальных благ для каждого советского человека.

НА СНИМКАХ (сверху вниз): подписывается на заем бригада паровоза «П-36-115» локомотивного депо имени Ильича Калининской железной дороги; молодые шлифовальщицы завода «Красный пролетарий», пришедшие на производство после окончания школы, впервые принимают участие в подписке на заем.

Фото Б. Кузьмина и Е. Тиханова.

Встреча Правительственной делегации Франции на Внуковском аэродроме в Москве.

ГИ МОЛЛЕ и КРИСТИАН ПИНО В МОСКВЕ

По приглашению Советского правительства 15 мая в Москву прибыли Председатель Совета Министров Французской Республики Ги Молле, Министр Иностранных Дел Кристиан Пино и сопровождающие их лица. В тот же день господа Ги Молле и Кристиан Пино были приняты Председателем Совета Министров СССР Н. А. Булганиным и Первым Заместителем Председателя Совета Министров и Министром Иностранных Дел СССР В. М. Молотовым.

16 мая в Кремле начались переговоры между Правительственными делегациями СССР и Франции.

Переговоры между Правительственными делегациями СССР и Франции 16 мая в зале заседания.

Фото Дм. Бальтерманца.

За единство

С момента первой беседы в Моссовете, когда делегация Французской социалистической партии (СФИО) начала знакомство с советской государственной и общественной системой, с опытом социалистического строительства, прошло две недели. Каждый из пятнадцати дней, проведенных делегацией в нашей стране, был, по словам самих делегатов, предельно насыщен событиями. Гости встречались с руководящими деятелями Коммунистической партии Советского Союза и с рядовыми коммунистами. Они побывали на многих заводах, в колхозах и совхозах. Как желанные гости, французские социалисты были приняты в домах советских людей. Повсюду у них состоялись откровенные, дружеские беседы.

И вот путешествие по Советскому Союзу закончилось. Позади Ленинград, Киев, Тбилиси.

Отвечая на вопрос, была ли полезной эта поездка французских социалистов по СССР, Робер Кутан, член руководящего комитета СФИО, депутат Национального собрания, заявил:

— Наша поездка была поучительна.

— Как вы, товарищ Кутан, оцениваете прием, оказанный делегации?

— Повсюду — в Москве, Киеве, Ленинграде, Тбилиси — наша делегация встречала сердечный, братский прием. Многие советские люди просили нас передать привет французским трудящимся, и мы это, конечно, сделаем, как только вернемся на родину.

— Каково, по вашему мнению, значение контактов, установленных между Коммунистической партией Советского Союза и Французской социалистической партией?

— Я лично убежден, что контакты, установленные между КПСС и СФИО во время нашего пребывания в СССР, приведут к лучшему взаимопониманию, будут способствовать сотрудничеству народов, которое сейчас так необходимо.

Робер Кутан подчеркнул далее, что результат поездки делегации французских социалистов в СССР выходит, по его мнению, за рамки чисто партийных интересов.

— То, чего нужно добиться,— говорит он,— это единства сердец трудящихся наших стран. Всеми средствами, которыми мы располагаем, мы должны развивать контакты такого порядка, расширять их. Пусть представители различных слоев общества наших стран встречаются почаще. Чем лучше мы будем знать друг друга, тем быстрее и лучше мы осуществим свои общие идеалы мира и свободы.

Свой последний вечер в Москве французские гости провели в Большом театре, где шел «Бахчисарайский фонтан». В антракте член руководящего комитета Французской социалистической партии профессор Андре Филипп рассказал мне о лекции, которую он прочитал в одной из аудиторий Московского университета. Собравшиеся в зале студенты и преподаватели МГУ с большим интересом выслушали лекцию, посвященную социальным и экономическим проблемам Франции. В конце лекции Андре Филиппу было задано много вопросов.

— Удовлетворены ли вы встречей с московскими студентами и преподавателями? Понравилась ли вам аудитория? — спросил я Андре Филиппа.

— Передо мной была очень симпатичная аудитория,— отвечал товарищ Андре Филипп.— И хотя между мной и студентами не всегда был полный контакт — я имею в виду, что лекция переводилась с ходу,— я получил большое удовольствие от этой встречи. Мне хотелось бы еще не раз выступить в Московском университете.

Члены делегации, присутствовавшие при этой беседе, заметили, что настало время наладить регулярный обмен профессорами между университетами Парижа и Москвы.

На следующий день, 14 мая, французские социалисты отправились на родину.

Не подлежит никакому сомнению, что главный обоюдный вывод о необходимости дальнейшего развития контактов между КПСС и СФИО послужит интересам мира, будет с большим удовлетворением встречен всеми сторонниками франко-советской дружбы.

К. НЕПОМНЯЩИЙ

ФРАНЦУЗЫ О СОВЕТСКО-ФРАНЦУЗСКОМ СОТРУДНИЧЕСТВЕ

Недавно в составе делегации представителей советской культуры мне довелось почти три недели провести на земле дружественного французского народа. Мы побывали на промышленных предприятиях и крестьянских фермах, посещали учебные заведения и больницы. Присутствовали на официальных приемах в мэриях разных городов и вели беседы в нескольких французских семьях. Повсюду нас принимали радушно, с теплым гостеприимством. Члены делегации встречались с представителями самых различных слоев населения Франции, с людьми неодинаковых взглядов и убеждений. В беседах французы охотно делились своими мыслями о значении франко-советского сотрудничества. Некоторые из их высказываний приводятся ниже.

В. ДВИНИН

Фото автора.

Лео А М О Н,
сенатор, заместитель председателя комиссии по иностранным делам Совета Республики

Установление лучших отношений между Францией и Советским Союзом, рост обмена во всех областях — культурной, научной, экономической, парламентской, короче,— франко-советское сближение было встречено с симпатией в самых различных французских кругах.

Французы с радостью видят, как отдаляется кошмар «холодной войны» и вновь расцветает традиционная и жизнерадостная дружба между двумя нациями. Поездка г-д Ги Молле и Пино не изолированный акт — развитие продолжается, и должна быть подготовлена почва для нового движения вперед.

Франция подтверждает свое значение и присущую ей роль, беря на себя инициативу в ускорении решения крупных проблем и создания новой международной атмосферы.

Относясь благоприятно к личному контакту с людьми Франции, Советский Союз, я верю, покажет возможность сотрудничества между Востоком и Западом.

Речь не идет о том, что мы должны принести в жертву франко-советской дружбе другие наши дружеские связи. Речь идет о том, чтобы французы через все свои отношения с другими странами пронесли величие Франции и послужили делу мира.

Внутренний режим Франции — это дело французов, внутренний режим СССР — это дело советских граждан, но дружба наших стран — это наше общее дело, так как она служит общему благу и установлению мира для всех.

Клодиус В О Л Ь,
секретарь федерации социалистической партии департамента Луары

Меня как простого французского гражданина радует поездка Ги Молле и Кристиана Пино в Москву. Когда государственные деятели устанавливают личный контакт, это всегда шаг по пути к взаимопониманию.

Но если я буду рассматривать эту поездку, как активный деятель социалистической партии, то она приобретает еще больший интерес. Недавние выступления Ги Молле и Кристиана Пино, ответственных за внешнюю политику Франции, показали, что стиль нашей дипломатии стал несколько иным, что она освободилась от некоторого «комплекса неполноценности», который иногда порождается дружбой, навязанной извне.

Среди великих держав Франция не должна больше играть роль гостя, приглашаемого из вежливости и не смеющего много говорить, чтобы не показаться навязчивым. Будем искренними: по сравнению с Соединенными Штатами Америки или Советским Союзом наша страна не может считаться великой державой, если измерять величие по численности населения и размерам промышленного или военного потенциала. Но мы, социалисты, полагаем, что величие характеризуется и другими чертами; не боясь, что нас обвинят в шовинизме, мы говорим, что вклад Франции в человеческую цивилизацию был таким, что наша страна может и должна играть эффективную роль в создании действительно мирного сосуществования.

Я убежден: Ги Молле и Кристиан Пино используют свою поездку в Москву, чтобы доказать, что французский народ, верный своим дружеским связям, не намерен быть их пленником.

Создавая звено между тем, что обычно называют Востоком и Западом, Ги Молле и Кристиан Пино выразят чаяния французской нации. Я надеюсь, что, вдохновленные своей социалистической верой, они покажут, что Франция намерена вновь возродить свое призвание — быть вестником передовых идей.

Г-н Р У Б И,
мэр города Террассона, департамент Дордонь

Я всегда хотел, чтобы руководители французского правительства установили непосредственный контакт с руководителями Советского Союза. Я верю, что поездка Ги Молле и Кристиана Пино послужит укреплению дружбы между великими народами России и Франции.

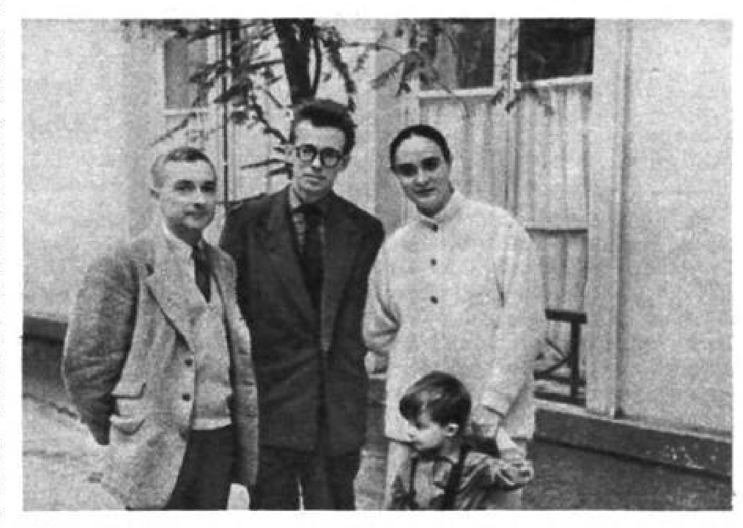
Жители Террассона, которые вели жестокую борьбу с нацистскими оккупантами, хранят в своем сердце признательность советским людям, внесшим такой большой вклад в дело победы свободных народов.

Юбер Ж Ю Э Н,
журналист, сотрудник газеты «Комба»

Если мы хотим спасти мир, если мы действительно хотим стать на сторону гуманизма, нужно слова с их иллюзорным могуществом заменить положительным делом. Поэтому очень важно, чтобы дипломаты, путешествующие сейчас по миру, смогли принести в сердце каждой страны, в самые далекие их уголки чувство доброй воли. Поездка советских руководителей в Англию — это дела. Поездка Ги Молле и Кристиана Пино в Москву — это тоже дела. Мы, французы, ждем от этого визита многого.

Прежде всего мы ждем мира. Затем — понимания, что все мы люди. Мы ждем уничтожения мифа о «железном занавесе»; возможности разделить с Советским Союзом ценности наших культур.

Мы, работники умственного труда Франции, хотели бы, чтобы обмен нашими культурными ценностями явился знаком нашего стремления к миру.

Юбер Жюэн (в центре) со своими друзьями, писателями Доминикой Обье и Жаном Кероль — автором сценария нового французского фильма «Ночь и туман», разоблачающего кошмар гитлеровских концентрационных лагерей. Так же, как и Жюэн, Доминика Обье и Жан Кероль — горячие сторонники расширения культурных связей между СССР и Францией.

«Передайте самый большой, самый сердечный привет советским людям. Скажите, что во Франции у них повсюду есть друзья. Много друзей, которые верят, что дружба между народами Советского Союза и Франции непоколебима!» — так сказал нам простой француз Шарль Перье, старый сапожник из небольшого городка Террассон в департаменте Дордонь.

Э Р М Е Т,
железнодорожный служащий на вокзале Рейналь в городе Тулузе, социалист

Я участвовал в последней войне, был партизаном. В дни Сопротивления наше дело было общим. Речь шла о совместной борьбе французов и русских против общего врага — нацизма. Мы и сейчас должны укреплять эту дружбу двух народов. Это позволит рассеять еще существующее недоверие.

Поездка Ги Молле и Пино в Советский Союз может служить лишь упрочению связей, уже существующих между нашими странами. Эта поездка будет способствовать делу мира.

Директор крупного завода «Антрёприз метрополитэн э колониаль» в г. Руане г-н Саврё показывает советским делегатам металлоконструкции, подготовленные для отправки в Советский Союз на основе торгового соглашения.

Мнение, высказанное социалистом Эрметом (в центре), разделяют также Рене Виньоре, Жозеф Боном, Рауль Эскере и другие его товарищи по работе на вокзале Рейналь в г. Тулузе. Все они сфотографировались для читателей «Огонька».

СОРЕВНОВАНИЕ с СОЛНЦЕМ

Владимир ОРЛОВ

Фото Дм. БАЛЬТЕРМАНЦА.

На величественной путеводной карте освоения атомного мира — менделеевской таблице — существуют две области, с которыми связаны ныне наиболее грандиозные замыслы и мечты человечества. Мы имеем в виду группы клеток таблицы, где находятся элементы, из которых с наибольшей эффективностью можно добывать могучую ядерную энергию. В картографическом смысле эти области полярно противоположны.

На одном из полюсов, в самом хвосте таблицы, помещается область актинидов — неустойчивых тяжелых естественных элементов от тория до урана и вплотную примыкающих к ним элементов искусственных,с нептунием и плутонием во главе. Механизм извлечения энергии из ядер атомов некоторых элементов этой группы известен каждому. Кто не слышал сегодня о делении атомного ядра?

Эта область находится в стадии бурного освоения, и масштабы ведущихся здесь работ были ярко обрисованы на XX съезде КПСС.

Мощность атомных электростанций, воздвигаемых в шестой пятилетке, где энергия будет получаться в результате деления атомного ядра, достигнет двух, двух с половиной миллионов киловатт, мощность, в два с лишним раза бо́льшая, чем была от всех электростанций царской России. В Подмосковье и на Урале вырастут атомные энергетические гиганты мощностью в 400—600 тысяч киловатт. Размышляя над картой нашей Родины, советские атомщики приходят к выводу, что, быть может, именно на основе атомной энергии будет развиваться промышленность и сельское хозяйство европейской части страны, когда будут исчерпаны здесь сравнительно бедные гидроресурсы.

Двухгодичный опыт промышленной эксплуатации первой в мире атомной электростанции Академии наук СССР и проекты новых станций говорят, что уран и торий могут стать серьезными соперниками угля и нефти. Но не следует полагать, как считают некоторые, что энергетические возможности человечества при этом расширятся безгранично. Ведь уран и торий — редкие рассеянные элементы. И хотя количество энергии, содержащееся в мировых запасах урана и тория, превышает в 10—20 раз энергию угля, нефти и торфа, вместе взятых, вероятно, далеко не весь уран и торий, содержащиеся в земной коре, можно будет извлечь и рентабельно использовать. Уран и торий образуют всего лишь второй эшелон топлива, следующий за эшелоном угля, нефти, торфа. Они приносят в энергетику мира огромные качественные изменения, но если рассматривать проблему в перспективе столетий, то в количественном отношении они так же ограничены, как запасы их дымных, коптящих предшественников.

Потому с таким жадным интересом обращается испытующий взгляд исследователя к другому полюсу карты периодической системы элементов — к самому ее началу. Здесь находятся легчайшие элементы: водород, гелий, литий. Они также могут служить источником ядерной энергии, но не в ходе деления ядер, а в процессе прямо противоположном: ядра легких элементов выделяют энергию при слиянии, синтезе.

Апокалиптический взрыв водородной бомбы, равносильный одновременному взрыву миллионов тонн обычной взрывчатки, возвестил о том, что реакция ядерного синтеза впервые осуществлена человеком на земле. В водородной бомбе были созданы условия для слияния атомов водорода, алхимического превращения их в гелий. В результате так называемой термоядерной реакции гигантские запасы энергии, дремлющие в недрах атомов легких элементов, пробудились как бы в исполинском вздохе. Это было достижением советских ученых и инженеров. Но не их инициатива в том, что пришлось поторопиться с этим делом. Слишком долго уж стращали американцы человечество призраком водородной бомбы, этим ликом современной Медузы. Не они ли создали обстановку, в которой советским людям поневоле пришлось поднажать и построить водородную бомбу раньше, чем в Америке?

Благородный гуманизм советской науки заключается в том, что от этого своего достижения она с радостью готова отказаться. Вместе со всем прогрессивным человечеством советские ученые борются за запрещение атомного и термоядерного оружия. С трибуны XX съезда КПСС академик И. В. Курчатов призвал всех ученых мира, и в том числе ученых Америки, совместно работать над мирным применением термоядерных реакций. Надо так научиться управлять ими, чтобы избежать взрыва. И тогда перед человечеством откроется неисчерпаемый океан энергии. Энергетические запасы в ядрах легких элементов неизмеримо велики. Термоядерные реакции являются источником энергии Солнца и других звезд. Можно без преувеличения сказать, что термоядерные реакции служат той силой, которая поддерживает жизнь Вселенной.

Осуществление управляемых термоядерных реакций справедливо расценивается учеными всей земли, как важнейшая, генеральная, но, быть может, и наиболее трудная задача науки.

Мне, да и всем другим, присутствовавшим на Международной Конференции по мирному использованию атомной энергии, помнится научная дискуссия, разгоревшаяся во Дворце наций в Женеве.

Председатель Конференции, известный индийский физик-теоретик Хоми Баба, во вступительной речи заявил:

— Я беру на себя смелость предсказать, что метод освобождения энергии синтеза контролируемым способом будет найден в ближайшие два десятилетия. Когда это произойдет, энергетическая проблема всего мира будет поистине разрешена навсегда, потому что топлива тогда будет так же много, как и тяжелой воды в океанах.

В заключительной лекции «Будущее атомной энергии» вице-председатель Конференции, глава английской делегации, крупнейший физик-экспериментатор сэр Джон Кокрофт полемизировал с индийским ученым.

— Я хотел бы быть в состоянии предсказать сегодня,— сказал Кокрофт,— когда сделается реальностью волнующая нас перспектива производства атомной энергии путем реакции слияния. Но, хотя мы очень серьезно работаем над этой проблемой в Великобритании, моя способность прозрения недостаточно велика для этого. Я не обладаю смелостью нашего председателя. Экспериментатору стоящие перед ним проблемы и трудности неизбежно представляются более значительными, чем они кажутся теоретику.

Примерно в этом же духе высказался, отвечая на вопросы журналистов, и глава американской делегации, председатель Комиссии по атомной энергии США адмирал Льюис Страус.

Потому с таким интересом была встречена известная по газетам лекция академика Игоря Васильевича Курчатова о ближних и дальних перспективах развития атомной энергетики в СССР, прочитанная в английском атомном центре в Харуэлле во время ви-

Н. А. Булганин и Н. С Хрущев и сопровождающие их лица во время пребывания в Англии посетили научно-исследовательский атомный центр в Харуэлле. Н. А. Булганин, И. В. Курчатов, Н. С. Хрущев на вводной беседе в атомном центре.

зита в Англию Н. А. Булганина и Н. С. Хрущева. Особенно большое впечатление, по свидетельству иностранной печати, произвела заключительная часть лекции — о возможности создания управляемых термоядерных реакций в газовом разряде, содержавшая обзор некоторых работ Академии наук СССР в этой области.

Газета «Дейли экспресс» писала, что И. В. Курчатов произвел сенсацию в Харуэлле, показав, что Россия намного опередила Англию и, вероятно, Америку в стремлении поставить термоядерную энергию на службу промышленности. По словам газеты, И. В. Курчатов поразил аудиторию, «во-первых, сообщив, что русские закончили эксперименты, которые в Харуэлле находятся только в стадии планирования; во-вторых, тем, что он привел все подробности используемых методов, иллюстрируя это цифрами и формулами, которые считались бы совершенно секретными в Англии и Соединенных Штатах... Ученые Харуэлла устроили ему овацию». Как сообщало агентство Рейтер, корреспонденты, интервьюировавшие ученых после лекции, нашли эту лекцию сенсационной. Лондонский корреспондент «Нью-Йорк таймс» заявил, что И. В. Курчатов «поразил триста самых видных ученых Англии». Американская газета «Крисчен сайенс монитор» характеризовала лекцию как замечательную и отозвалась о ней как о «самом важном заявлении, сделанном когда-либо об использовании термоядерной энергии в целях мира».

В своей речи на аэродроме в день возвращения в Москву академик И. В. Курчатов, выражая благодарность партии и правительству за заботу о развитии советской науки, сказал:

«С разрешения партии и правительства я доложил на заседании английских физиков о некоторых работах Академии наук СССР по управляемым термоядерным реакциям.

Я счастлив тем, что правительство моей страны проявило благородную инициативу и первым в мире решило снять секретность с этих работ.

Английские ученые тепло встретили доклад и просили меня передать свое восхищение ученым, выполнившим работу.

Поздравляю этих ученых с заслуженной высокой оценкой их труда мировым научно-общественным мнением».

Так призыв, прозвучавший с трибуны XX съезда КПСС, был подкреплен конкретными делами. Советские ученые первыми с открытым сердцем протянули руку зарубежным деятелям науки, приглашая их к совместной благороднейшей работе по мирному использованию управляемых термоядерных реакций.

В качестве корреспондента «Известий» я посетил академика И. В. Курчатова в его институте и нашел его в окружении молодых сотрудников.

Достижения атомной науки — это подвиги юного Геркулеса. Ядерная физика по возрасту своему помоложе многих наших современников. И, встречаясь с академиком Курчатовым, не приходится поражаться тому, что этот высокий, статный, легкий в движениях человек, с чуть затронутой инеем седины бородою, как бы завершающей энергичным росчерком смелый профиль смуглого лица, принадлежит к могучей кучке физиков, от которой все началось, к малочисленной когда-то дружине советских ядерщиков самого старшего поколения, воспитавшей ныне целую армию талантливой молодежи.

Я не пишу здесь биографии ученого, и мы, конечно, понимаем всю условность биографических параллелей, но не можем не заметить мимоходом, что научные интересы молодого Курчатова удивительным образом совпадали с интересами молодого Пьера Кюри. Молодой французский физик в конце XIX века открыл пьезоэлектричество, ввел нас в мир электрически заряженных кристаллов «говорящих камней», вибрирующих под толчками электрического напряжения, поющих, смеющихся и плачущих, как человек. Молодой советский физик еще в начале 30-х годов прославился (совместно с П. П. Кобеко) исследованиями сегнетоэлектриков — веществ, в которых эффекты, открытые Кюри, достигают феноменальной силы. Пьер Кюри со своею великой спутницей Марией Кюри открыл затем радиоактивность. И. В. Курчатов стоит в ряду ученых, приведших человечество от радиоактивности к атомной энергетике, от микроскопических брызг ядерной энергии к ее щедро извергающемуся потоку.

Академик ведет рассказ в своей обычной манере, очень простой и очень конкретной, четкая научная формулировка уживается рядом с шуткой или смелым образным сравнением, показавшимся, быть может, рискованным иному ученому сухарю. На всем том, что написано ниже этих строк, лежит след живой беседы с Игорем Васильевичем. В ходе беседы идеи его замечательной лекции стали мне еще понятней и ближе.

В своей лекции И. В. Курчатов рассказал о некоторых работах в области управляемых термоядерных реакций, которые ведутся в Академии наук СССР под руководством академика Льва Андреевича Арцимовича. Руководящая роль в разработке теоретических вопросов, связанных с этим исследованием, принадлежит академику Михаилу Александровичу Леонтовичу.

Перед слушателями открылась картина того, как при помощи сверхмощной методики преодолеваются гигантские трудности проблемы. Но, быть может, наиболее могучим орудием, сокрушающим все преграды, служит здесь неистощимая изобретательность человеческого мозга.

Термоядерные реакции потому и называются так, что происходят при очень высоких температурах. При таких температурах материя, вещество, может существовать лишь как бы в «полуразобранном» состоянии, в виде хаоса электронов и голых атомных ядер, с которых совлечены электронные оболочки. Из подобного материала построены Солнце и звезды. Это состояние вещества называется плазмой.

Температура — это мера скорости движения частиц в плазме. Для того, чтобы возникла термоядерная реакция, для того, чтобы ядра в плазме при столкновениях начали сливаться, нужно разогнать их до такой скорости, чтобы появилась возможность преодоления могучих сил отталкивания, существующих между ядрами. Минимальный уровень температуры, необходимый для этой цели, в очень сильной степени зависит от вещества, с которым имеем дело. Легче всего возникает термоядерная реакция в смеси дейтерия с тритием, являющихся химическими двойниками водорода. Дейтерий распространен в природе, он входит в состав тяжелой воды и добывается из простой воды при помощи электролиза. Тритий можно искусственно получить в атомных реакторах, бомбардируя нейтронами литий. Но и в этой наиболее легко «воспламеняющейся» в ядерном смысле смеси для того, чтобы подобраться к порогу термоядерной реакции, необходимо поднять температуру до нескольких миллионов градусов.

Первоначальные затраты энергии будут невелики. Волосок электрической лампочки накаляется до тысячеградусной температуры при помощи маленькой батарейки. Для того, чтобы нагреть один грамм дейтерия до температуры в миллион градусов, необходимо затратить всего лишь несколько киловатт-часов.

— Примерно столько же энергии требуется,— говорит, улыбаясь, Курчатов,— чтобы вскипятить воду в большом семейном самоваре.

А энергия, выделяющаяся при синтезе одного грамма гелия из дейтерия и трития — сотни тысяч киловатт-часов, что примерно в пять раз больше энергии, выделяющейся при делении одного грамма урана-235 или плутония-239. Выходит, затратишь энергию на один самовар, а получишь энергию на целый город! Игра, как говорится, стоит свеч. Но какая это сложная игра!

Первая, далеко не самая большая сложность в том, что уже при температуре в сто тысяч градусов в твердом или жидком дейтерии возникают давления, превышающие миллион атмосфер. Такой силы не выдержит ни одна оболочка. Поэтому в веществе с большой плотностью термоядерную реакцию можно возбудить только на миг, и процесс протечет в виде слабого и, быть может, неопасного взрыва. Но эту сложность можно сравнительно легко преодолеть, если опыты вести на газообразном дейтерии. Аппаратура, которая

Академик И. В. Курчатов и Премьер-Министр Великобритании сэр Антони Иден на приеме в советском посольстве.

здесь понадобится, по прочности будет не более солидной, чем обычный паровой котел.

Вторая сложность кажется непреодолимой. Дело в том, что при нагревании дейтерия его частицы, разбегаясь во все стороны, отдают тепловую энергию стенкам сосуда. Уже при температуре в несколько десятков тысяч градусов расточительная деятельность частиц достигает такой степени, что объем дейтерия, заключенного в сосуде, в энергетическом отношении превращается в бездонную бочку. Даже мощные потоки тепла, притекающие сюда, мгновенно растрачиваются. Потери энергии становятся настолько большими, что при отсутствии теплоизоляции дальнейшее повышение температуры становится практически невозможным. Но где найти теплоизоляцию, способную выдержать температуру в миллионы градусов? Ни один материал в мире тут не устоит. Между тем если изобрести такой метод теплоизоляции плазмы, при котором она будет сохранять в себе накопленное тепло, то есть все основания вызвать в ней в лабораторных условиях интенсивные термоядерные реакции.

Несмотря на кажущуюся безнадежность проблемы, она все-таки была решена. Теплоизоляция была создана... «из ничего». Был придуман такой опыт, который позволил удержать частицы в плазме и лишил их возможности передавать тепло стенкам.

Молодому физику Андрею Дмитриевичу Сахарову, ныне академику, было всего двадцать девять лет, когда он совместно с академиком Игорем Евгеньевичем Таммом в 1950 году предложил использовать для теплоизоляции плазмы магнитное поле. Дело в том, что магнитное поле решительным образом меняет характер движения электронов и ядер в плазме. Они перестают метаться по прямолинейным путям и начинают двигаться по малым спиралям. В беседе со мною академик И. В. Курчатов сравнил положение частиц в плазме с положением путника, не могущего выбраться из лабиринта. Еще более яркий образ применен им в его популярной статье: частицы оказываются плененными в плаз-

ме, как белка в колесе. Потеряв свободу, частица в присутствии магнитного поля уже не в состоянии унести энергию из плазмы. Советские ученые показали, что магнитное поле играет роль «незримой стены», ограничивающей плазму и создающей тепловую изоляцию. Так родилась остроумнейшая идея тепловой изоляции, созданной «из ничего». Это еще раз доказывает, что нет таких положений, из которых не нашел бы выхода человеческий разум!

Разреженный газ и тем более плазма электропроводны. Пропуская через газ электрический ток, создавая газовые разряды, можно сделать сразу два дела: разогреть плазму до высокой температуры и образовать вокруг теплоизолирующее магнитное поле. При достаточной силе тока здесь должны возникнуть термоядерные реакции.

В лаборатории, напоминающей мастерскую Зевса Громовержца, началось экспериментальное исследование кратковременных, но зато весьма мощных электрических разрядов в газах. У прямых разрядных трубок, попеременно наполняемых разреженным водородом, дейтерием и другими газами и их смесями, собрался отряд разнообразных измерительных приборов, появление которых было подготовлено всем предшествующим развитием электроники и оптики. Пьезоэлементы приготовились измерять давления, а спектрографы — интенсивность отдельных спектральных линий. Миниатюрные катушки и иголочки пробрались даже внутрь разрядной трубки, чтобы зондировать магнитное и электрическое поля. Провода от всех приборов шли к осциллографам — этим «электронным стенографистам» науки, записывающим ход процессов со скоростью в несколько десятков километров в секунду. Здесь присутствуют фотоаппараты с моментальными затворами электровзрывного действия и киноаппараты для сверхскоростной съемки с быстротою в два миллиона кадров в секунду. Если бы им действительно пришлось поработать на протяжении целой секунды, то кинофильм, снятый ими, надо было бы просматривать в обычном кинотеатре по нескольку сеансов в день почти целую неделю. У разрядных трубок расположился многоглазый Аргус современной науки, приготовившись бдительно наблюдать процессы, протекающие за миллионные доли секунды. Он как бы обладал волшебным свойством, описанным Гербертом Уэллсом в рассказе «Новейший ускоритель», — способностью замедлять бег времени и останавливать мгновение.

Только специалист-электрик может оценить по достоинству все остроумие «генератора молний», способного накапливать электроэнергию и создавать электрические разряды более мощные, чем любая небесная стрела. Поражает здесь не только колоссальная сила тока, доходившая в отдельных опытах до мгновенных значений в два миллиона ампер, но и темп ее нарастания, превышающий сотни миллиардов ампер в секунду.

Изучение документов опытов, расшифровка графиков, вычерченных осциллографами, просмотр фотографий доказали, что способ термоизоляции плазмы, изобретенной А. Д. Сахаровым и И. Е. Таммом, реален и действует.

Кадры сверхскоростной киносъемки показали воочию, что широкий сияющий столб газового разряда, заполнявший вначале всю трубку до самых стенок, как в газосветной лампе, постепенно начинает сужаться. Цилиндрическая стенка нарастающего магнитного поля постепенно сжимала горло разряда, теснила плазму с боков, превращая ее в оторванный от стенок сосуда ослепительно яркий плазменный шнур.

Магнитное поле изолировало плазму от стенок, как оболочка незримого термоса. Температура плазмы стремительно повышалась. При силе тока в несколько сотен тысяч ампер, в момент максимального сжатия шнура, температура в плазме достигла порядка миллиона градусов.

То была большая победа науки. В лабораторных условиях столь высоких температур не получал еще никто.

«Только в водородной бомбе,— пишет академик И. В. Курчатов,— достигается более высокая температура. Однако в этом случае наблюдатель не рискнет приблизиться к месту взрыва на расстояние меньшее, чем в несколько километров. В опытах, о которых идет речь, тонкая струйка раскаленной плазмы безопасна для окружающих, так как содержит небольшое количество вещества».

Но, быть может, ничего не ожидали исследователи с таким волнением, как появления специфических ядерных излучений — нейтронов и жестких рентгеновых лучей, этих вестников начавшейся ядерной реакции. Чувства их, вероятно, можно было сопоставить лишь с переживаниями физиков у прообраза первого атомного реактора, у вошедшей в историю кучи графита и урана, ожидавших с бьющимся сердцем появления потока нейтронов, извещавшего о пробуждении энергии ядра.

В 1952 году серебряные пластинки, погруженные в парафин, зарегистрировали залп нейтронов, а специальные приборы — одновременный всплеск проникающего рентгеновского излучения, исходящего из мощного электрического разряда в газах. Что это, термоядерная реакция или отголосок других, неизвестных еще ядерных процессов, протекающих в плазменном шнуре?

Настоящая наука строга к себе и осторожна в выводах. Эксперименты опрокинули многие привычные представления о свойствах плазмы, укоренившиеся в результате многолетних исследований газовых разрядов в обычных условиях, и, по выражению И. В. Курчатова, «совершенно изменили ландшафт и краски той картины, которая была создана первыми импульсами теоретической мысли».

Плазменный шнур — это не просто хаос элементов и ядер, характерный для обычной плазмы. Электрическое и магнитное поля внесли известную организацию в ее строение, наделили ее своеобразной и сложной жизнью. Советские физики изучили анатомию этого «огненного червя», исследовали его незримую «мускулатуру». Оказалось, что плазма в разрядной трубке испытывает ряд стремительных, следующих друг за другом сжатий и расширений. Вещество волнами то сбегается к центру шнура, то расходится к стенкам с быстротою, в сотни раз превышающей скорость звука. В результате здесь возникают мгновенные, очень большие электрические перенапряжения, которые, быть может, и служат одной из основных причин, вызывающих испускание нейтронов и проникающего рентгеновского излучения.

— Только дальнейшие исследования,— говорит в заключение академик И. В. Курчатов,— смогут ответить на вопрос, удастся ли, идя по этому пути, приблизиться к созданию регулируемой термоядерной реакции большой интенсивности. Вместе с тем следует тщательно изучить и другие направления в решении этой основной задачи. В частности, значительный интерес представляет изучение вопроса о возможности получения термоядерной реакции при непрерывно протекающих процессах большой длительности.

Античные легенды рисуют участь смельчаков, дерзнувших приблизиться к Солнцу. Здесь пылающая колесница Фаэтона, и распавшиеся крылья Икара, и прикованный к кавказской скале Прометей.

Но неукротимо дерзновение ученых!

В 1802 году петербургский академик Василий Владимирович Петров, применяя сверхмощную по тем временам экспериментальную технику, при посредстве «огромной наипаче баттереи, состоявшей иногда из 4 200 медных и цинковых кружков», получил между угольками «яркое, белого цвета пламя». Академик не зря увеличивал количество кружков. Рост количества породил в электрическом разряде новое качество, небывалое, невиданное явление. До Петрова электрический свет был вспышкой, искрой, молнией, а теперь он горел постоянно и непомрачимо, как солнце. Благодарное человечество иногда называет электрическую дугу Петрова «русским солнцем».

Но электрическая дуга не была частицей солнечного огня. Она меркла на фоне солнечного диска. В пламени дуги Петрова были потревожены лишь внешние электронные оболочки атомов, а огонь Солнца и звезд был итогом глубочайших ядерных потрясений.

И лишь в 1952 году, ровно полтораста лет спустя, советские академики, опять применив сверхмощную экспериментальную технику, достойную своей исполинской эпохи, получили в электрическом разряде не только свет, но и ядерное излучение. Электрическая мощность в опытах Петрова, вероятно, не превышала мощности современных сухих радиобатарей, а мгновенная мощность разряда в советских опытах в десять раз превосходила мощность Куйбышевской ГЭС. И опять количество породило новое качество. Впервые в лаборатории был получен огненный шнур с температурой в миллион градусов — подлинное волокно солнечной пряжи, тонкая нить той звездной материи, из которой скроено дневное светило. Пожелаем дальнейших побед советским ученым, одолевшим еще один этап великого соревнования с Солнцем.

12 мая Председатель Президиума Верховного Совета СССР К. Е. Ворошилов принял в Кремле гостящую в Советском Союзе по приглашению Верховного Совета СССР делегацию Народной палаты Германской Демократической Республики во главе с Председателем Народной палаты доктором Иоганнесом Дикманом.

Фото А. Гостева.

Центральная площадь в Бейруте.

ПУТЕШЕСТВУЯ ПО ЛИВАНУ...

О. ВЕРЕЙСКИЙ

Рисунки автора.

Всего два с половиной часа автомобильного пути разделяют столицы двух стран — Сирии и Ливана. Чтобы создать путешественнику иллюзию расстояния, природа резко преображается много раз за это короткое время, сменяя один пейзаж другим так, будто вы проехали бог весть сколько. Только что дорога вилась мимо сурового нагромождения голых скал и выветренной породы — и вот она уже стрелой прорезает веселую долину, взвивается в горы и снова летит вниз.

В этом месте даже бывалые путешественники издают восторженный возглас. Вдали на фоне моря неправдоподобной синевы появляется бело-розовое пятно, которое, постепенно разрастаясь, принимает очертания города.

Особенно красив был далекий город, когда мы смотрели на него сквозь тонкие стволы сосен, увенчанных плоскими кронами. Увидев эти деревья, издали похожие на грибы, мы вылезли из машины и уважительно похлопали их по стволам, вызвав недоумение наших спутников. Мы думали, что это и есть знаменитый ливанский кедр, ставший национальной эмблемой. Мы видели его изображение на государственных флагах, на денежных знаках, на беретах солдат ливанской армии. Недоразумение выяснилось, Нам объяснили, что ливанский кедр растет только в одном месте, высоко в горах. Это место объявлено государственным заповедником, там насчитывается около четырехсот деревьев этой породы.

Объяснив нам все это, наш водитель стал шумно восторгаться красотой Средиземного моря, которое открывается ему вот так не впервые. Он удивлялся, зачем понадобилось называть Черным, Белым или Красным моря, ничего общего с этими цветами не имеющие, а самое синее из морей вместо того, чтобы так и назвать Синим, почему-то оказалось Средиземным. Под эти рассуждения мы въехали на шумные улицы Бейрута.

Бейрут — город-порт, город-курорт, этим и определяется его облик. Портовому городу, к причалам которого пристают на протяжении веков корабли всех стран мира, трудно сохранить первозданный национальный колорит. Этим Бейрут резко отличается от Дамаска. В центре города почти нет прохожих в национальной одежде. Редкая куфия или феска ныряет в толпе, увенчивая европейский костюм.

Автомобилей на улицах так много, что их хочется разгребать руками. В городе царит реклама — светящаяся, вертящаяся, прыгающая, неподвижная, плакаты, афиши непомерной величины; все это приводит к тому, что, на мой взгляд, реклама теряет свой смысл, перестает действовать.

Нас потрясли обилием и красотой фруктовые базары Бейрута. Уже издали, еще не видя фруктовых лавок, вы вдыхаете немыслимый букет ароматов и вскоре безошибочно попадаете в царство плодов. Это какое-то буйство форм и красок. Гроздья винограда, крупного, как сливы, сливы величиной с яблоко, яблоко... Тут я останавливаюсь в страхе вызвать ироническую усмешку. Это нужно видеть, чтобы поверить в столь неправдоподобные размеры.

Но не только величина отличает ливанские плоды. Продавец взял с лотка обычный гранат и легко выдавил из него полный стакан сладкого сока. Влажный климат средиземноморского побережья, как известно, очень хорош для созревания плодов. Фрукты — основная статья ливанского экспорта.

Воздух в Бейруте влажный, душный, ночь не приносит прохлады. Летом обеспеченные семьи обычно уезжают в горы, но, конечно, не всем доступно такое бегство от жары.

Первая же прогулка по городу привела нас в порт. Он занимает огромную территорию и концентрирует вокруг себя массу контор, складов, учреждений, поглотив полгорода. Легко заблудиться в лабиринте улиц и улочек, заваленных ящиками, мешками, тюками. Здесь очень много грузчиков, но не для всех и не каждый день есть работа. Грузчики бейрутского порта — люди огромной физи-

Баальбек.

ческой силы и выносливости. Портовые грузчики — серьезная сила в борьбе ливанского народа за свободу и независимость.

С трудом выбравшись из района порта, мы отыскали на берегу моря здание ЮНЕСКО, где отводилось помещение для выставки советского изобразительного искусства, которую мы привезли в Бейрут. Несмотря на то, что дворец ЮНЕСКО расположен далеко от центра города, посетителей на нашей выставке было постоянно очень много. Приходили рабочие, студенты, профессора университетов и колледжей, торговцы, школьники, воспитанники монастырских учебных заведений, монахи и монахини, русские эмигранты — представители всех слоев населения. Было много желающих приобрести картины советских художников. Пожилая миллионерша очень сокрушалась, что не может купить несколько отобранных ею полотен; мы никак не могли объяснить ей, что картины являются собственностью советских музеев.

Выставку посетил президент Ливанской республики Камил Шамун. Президент и его супруга внимательно осмотрели выставку и в своем отзыве выразили удовлетворение по поводу отсутствия в советской живописи «модернизма, являющегося позором современного искусства».

Мы встречались с деятелями культуры, выдающимися борцами за мир. Познакомились с видным общественным деятелем Ливана архитектором Антуаном Табетом, с известным писателем Жоржем Ханна, которого в нашей стране знают как автора книги «Жрецы храма», недавно вышедшей на русском языке. В его уютной квартире, расположенной над больницей, где Ханна практикует как врач, собрались писатели и художники, и у нас завязался острый разговор о современном искусстве. В споре с немногими сторонниками абстрактного искусства меня и художника В. В. Руднева поддержали хозяин дома и большинство его друзей. Почти вся творческая интеллигенция Ливана стала на путь реалистического направления в искусстве.

Перебирая сейчас переводы отзывов наших ливанских зрителей, я набрел на такую запись:

«...Насколько эта выставка дает больше для завоевания сердец арабского народа, нежели пресловутые «визиты дружбы», выражающие сущность политики с позиции силы». Автор этой записи имел в виду визит в Бейрут кораблей американской эскадры. Несколько дней улицы ливанской столицы пестрели летними форменками слоняющихся по городу американских моряков. Жители Бейрута не любят этих визитов, чреватых уличными скандалами. Но в этот раз «визит дружбы» был особенно неприятен ливанцам: уж слишком точно он совпал с новым нажимом на Ливан с целью вовлечь его в багдадский пакт.

...Бейрут привлекает иностранцев своими пляжами и благоустроенными отелями. Мы были в Ливане в ноябре. Официально это уже за рамками курортного сезона, что, правда, не мешало нам купаться в море. Писать же море мы могли только в тени тентов, да и то не в полуденные часы. В Бейруте прекрасный пляж, песчаное пологое дно, а вода так прозрачна, что на любой глубине видишь морское дно и его обитателей.

Мы с Рудневым однажды отплыли довольно далеко от берега на байдарке — странном сооружении, сплошь зашитом ровной палубой без углубления для гребца. На ней гребут сидя, поджав под себя ноги, либо верхом, свесив ноги в воду. Самые лихие спортсмены управляют лодкой, стоя во весь рост. Байдарки очень неустойчивы, и мы в конце концов оказались в воде. Когда, догнав отплывшее весло, мы плюхнулись животами на ускользающую мокрую «палубу», Руднев обнаружил исчезновение своих очков. Мы стали вглядываться в голубовато-зеленую глубину под нами и сразу далеко внизу обнаружили очки и стайку рыб, с любопытством окружившую непонятный предмет...

Мы поселились в одном из отелей, предназначенном для туристов и курортников. Назывался он «Биарриц», по имени южнофранцузского курорта, расположенного вблизи испанской границы. Поэтому кафе, занимающее первый этаж отеля, отделано мотивами тавромахии. На центральной стене висит огромная голова черного быка с воткнутой в холку бандерильей. Официанты и швейцары щеголяют в черных плоских шляпах и красных курточках — костюмах тореадоров.

С балкона нашего номера видно было море, заросли гигантских кактусов-опунций и песчаные дюны, между которыми в пещерах, превращенных в жилища, живет беднота. Отсюда смуглые женщины в пестрых шальварах группами отправляются за водой в город, неся на головах раскрашенные глиняные кувшины.

Мы совершили несколько поездок по стране, и самой запомнившейся из них была поездка в Баальбек. Это город, расположенный недалеко от сирийской границы. Его достопримечательность составляют руины храмов, которые были во времена владычества римлян украшением города Гелиополис. Теперь со всех концов земного шара в Ливан приезжают туристы, чтобы полюбоваться уцелевшими остатками древних храмов. Шесть девятнадцатиметровых колонн, увенчанных коринфскими капителями, держат удивительной красоты фриз, сложенный из гигантских каменных блоков. Это все, что осталось от знаменитого храма Юпитера. Седьмая колонна с частью фриза рухнула в конце прошлого столетия в результате подземных толчков. Несмотря на частые землетрясения, хорошо сохранился храм Бахуса — сооружение поразительной архитектуры.

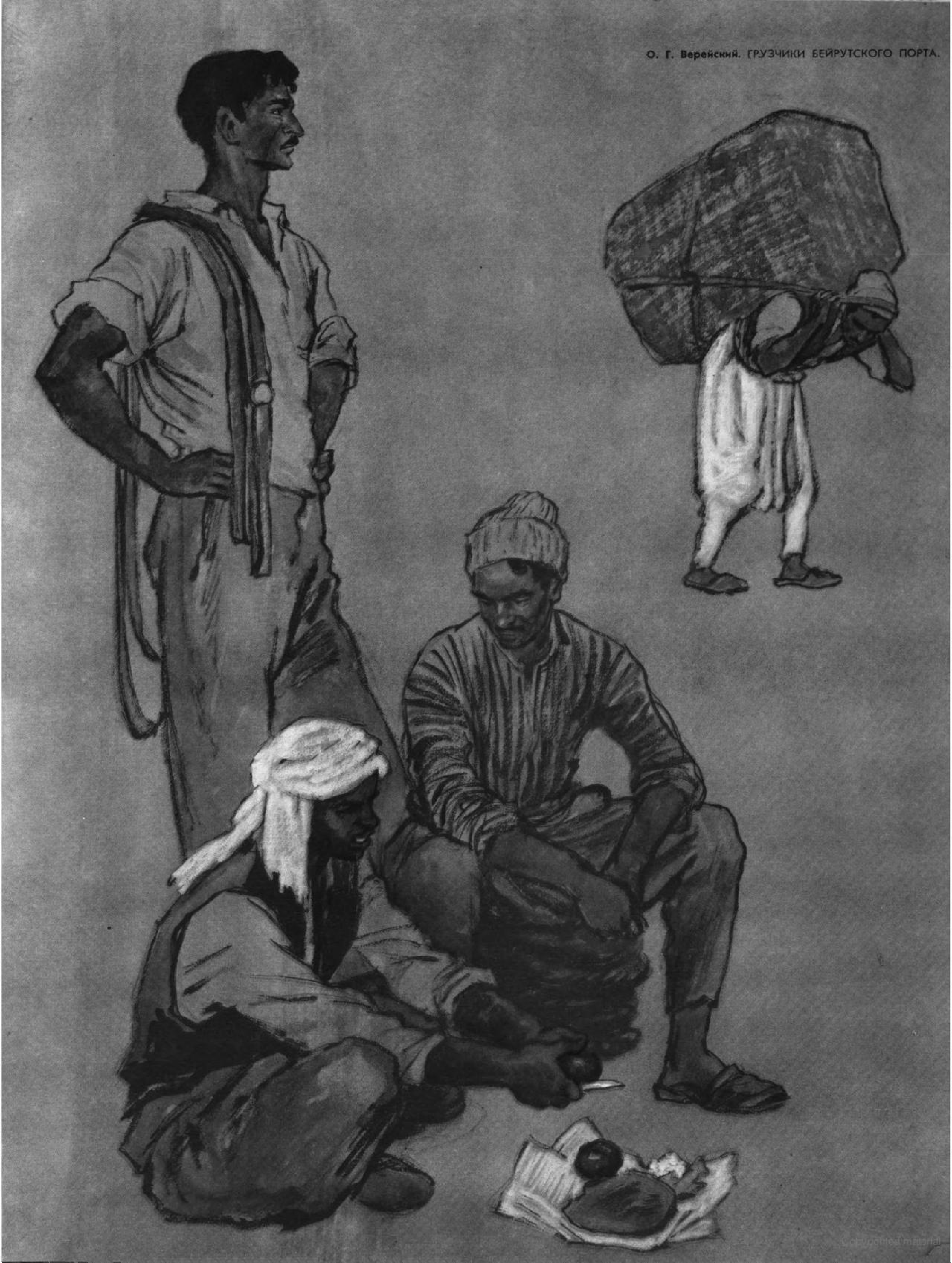
Территория раскопок в Баальбеке значительно меньше, чем в сирийской Пальмире, но сооружения по грандиозности превосходят пальмирские. Баальбек — веселый, живописный городок с непременным базаром в центре города. Бедуины продают здесь верблюдов и осликов. Шумный базар огорожен высокой стеной, из-за которой видны только неподвижные головы верблюдов с печальными выпуклыми глазами. Они удивительно похожи на кустарные игрушки. В любом арабском городе можно купить такого деревянного верблюда, двух, целый караван с погонщиком на осле. Эта распространенная народная игрушка условна, как всякое произведение народного творчества, и очень выразительна.

...До приезда в Ливан мы провели полтора месяца в Сирии. Мы уже много раз имели возможность убедиться в дружеском отношении арабов к нашей стране и к нашему народу. В Ливане мы были свидетелями проявления такой же дружбы и симпатии.

Мы провели в Бейруте наш праздник — годовщину Октябрьской революции. Направляясь в советскую миссию, мы еще издали увидели толпу, запрудившую улицу у входа. Ворота были широко распахнуты, и двор, заполненный шумной толпой, гудел, как улей. Оказывается, это была очень веселая очередь для принесения праздничных поздравлений официальным представителям СССР. Тут были делегации, группы, одиночки, дети и взрослые, старые и молодые. Окна были распахнуты, и, если в одном из них случайно появлялся кто-нибудь из служащих миссии, во дворе поднимались сотни рук, сложенные для приветствия, раздавался гул дружеских возгласов.

Мы прокладывали себе путь в живом коридоре и продвигались очень медленно, потому что переходили из одних объятий в другие, и отвечали, как могли на рукопожатия и дружеские похлопывания по плечу. Каждая, даже самая маленькая, комната миссии представляла собой в этот день приемную, и в каждой кто-нибудь принимал поздравителей. Стемнело, зажглись огни в домах и яркие звезды в черном небе, а толпа не редела. В течение трех дней не иссякал этот людской поток. Это одно из самых сильных впечатлений большой поездки по арабским странам и самое дорогое воспоминание о ней. И мне хотелось, чтобы мои рисунки, посвященные арабам и их чудесным странам, были согреты ответным дружеским теплом. Я был бы рад, если бы это мне хоть в какой-то мере удалось.

О. Г. Верейский. ГРУЗЧИКИ БЕЙРУТСКОГО ПОРТА.

О. Г. Верейский. БЕЙРУТ.

Подземный американский шпионаж в Берлине

Стефан ГЕЙМ

«Холодная война» свила себе гнездо в маленьком пригороде Альт-Глиникке, который лежит в нескольких сотнях шагов от границы, отделяющей восточный и западный секторы Берлина.

«22 апреля с. г., — писал исполняющий обязанности начальника штаба советских войск в Германии генерал-майор И. Л. Царенко начальнику штаба войск США в Европе, — связисты группы советских войск в Германии вскрыли в районе Альт-Глиникке подкоп, проведенный американской службой к линиям связи советских войск, а также к линиям связи Германской Демократической Республики, проходящим по территории ГДР».

...Дикость! Вот первое слово, которое приходит на ум, когда думаешь о вышеозначенной американской «операции», сочетавшей в себе самую новейшую технику с приемами средневековой крепостной осады. Так и встает перед глазами образ заокеанского «мозгового треста», кропотливо разрабатывающего план полукилометрового подкопа с тщательно продуманным оборудованием и хитрейшей маскировкой...

Когда они приступали к осуществлению своего «проекта», оплачиваемого деньгами американских налогоплательщиков, неужели они думали, что все это сойдет им с рук безнаказанно? Неужели они не допускали мысли, что эта затея в стиле «плаща и шпаги» обернется против них самих?

Наверно, они до того увлеклись сложным техническим оснащением, неоновым светом, кондиционированным воздухом и прочим «комфортом» своего шпионского гнездышка, что забыли об элементарных предосторожностях, какие принимают на случай провала даже простые уголовники...

Поэтому, когда советские войска накрыли их с поличным, все улики оказались в полной сохранности. Нужно ли лучшее доказательство стопроцентной правоты советской стороны, неоднократно протестовавшей против шпионской деятельности западноберлинских агентов США? И не доказывает ли это, что правительство Германской Демократической Республики поступило мудро, приняв меры к усилению пограничного контроля?

...Асфальтированная дорога спокойно бежит среди старых деревьев. Она ведет от Альт-Глиникке к Шенефельду и к аэропорту, которым пользуются совместно советское командование и новый гражданский воздушный флот ГДР — «Люфтганза». Налево — дома пригородов, многие из них выстроены заново. Справа раскинулся уже пустивший почки молодой фруктовый сад, к нему примыкает старинная стена кладбища Альт-Глиникке.

Пройдемте вдоль кладбищенской стены и двинемся дальше через пустырь. Вскоре мы увидим несколько белых камней — они и обозначают границу секторов. За этой линией лежит пригород Рудов, домики, схожие с теми, что в Альт-Глиникке; но это уже другой мир: здесь начинается американский сектор Берлина.

Там стоит группа новеньких с иголочки зданий, обнесенных оградами. Сторожевые будки, на крышах — сложные антенны и прочие устройства. Это радарная станция американских военно-воздушных сил, по крайней мере, так она именовалась официально, когда здесь начались в 1954 году строительные работы.

А сегодня... Сегодня уже известно, что «радарная станция» — конечный пункт подземного туннеля, другой конец которого находится под дорогой Альт-Глиникке — Шенефельд, то есть на территории Германской Демократической Республики.

Дорога сейчас охраняется народной полицией. В трех — четырех шагах от кювета мы видим три толстых обнаженных телефонных кабеля. Они похожи на каучуковые трубки, по которым отсасывается кровь у донора. Так и эти свинцовые трубки, которые были запрятаны в земле, под дорогой, «отсасывали» телефонные передачи из сотен проводов, заложенных в оболочку кабелей советских войск и Германской Демократической Республики...

Молодой инженер из службы связи ГДР объясняет, как все это было устроено. «Тонкая работа», — говорит он. Они, должно быть, трудились медленно и аккуратно, когда вырыли туннель во всю длину. Забравшись под шенефельдскую дорогу, они продырявили прочное покрытие кабелей и срастили со своими отводными проводами каждый провод, заключенный в кабель, тщательно избегая разрыва телефонной связи. Аккуратно сплетенные в пучки отводные провода были вставлены в свинцовые оболочки и протянуты через деревянную перегородку в круто уходящий в землю лаз, а оттуда — через две солидные стальные двери — в туннель, начинающийся на территории ГДР.

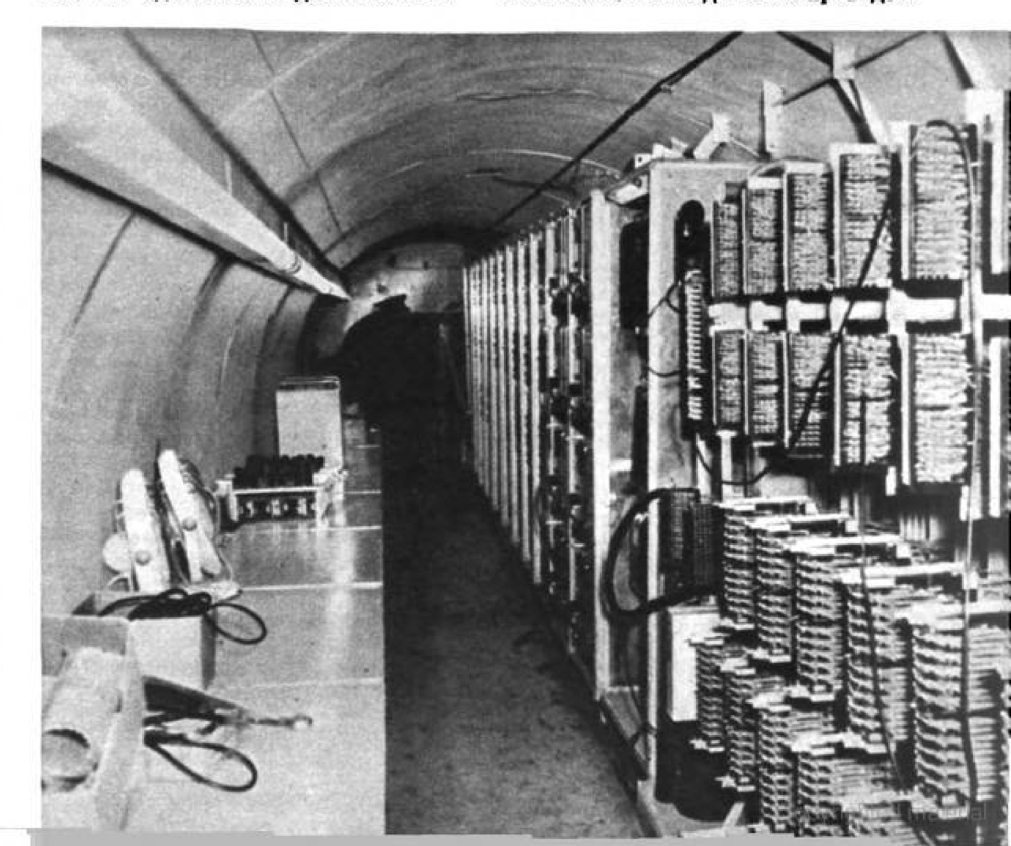
Туннель обложен прочной стальной трубой около шести футов в диаметре. Круглые стены и потолок окрашены в цвет буйволовой кожи. Неоновый свет подается из противоположного, западноберлинского конца туннеля. Аппараты кондиционирования воздуха работают автоматически. Автоматические насосы оберегают туннель от просачивания грунтовых вод.

Шенефельдский конец туннеля — это, так сказать, «глотка» всего сложного организма подслушивания. Сюда были отведены токи, бегущие по линиям дальних передач Карлсхорст — Москва и Восточный Берлин — ГДР. Через 432 (мы сосчитали их) усилителя они направлялись в распределительное устройство. Оттуда сквозь третью стальную дверь шел пучок из полдюжины одетых в свинец кабелей, они тянулись через 460 метров туннельного «пищевода» и попадали в «желудок», в «радарную станцию». Возможно, что там «добыча» подхватывалась магнитофонами или иным способом. Насчет этого американцы предпочитают молчать — как в рот воды набрав! В свой конец туннеля они, конечно, отказываются кого-либо пускать. А если и допустили бы международную инспекцию, то не ранее, как очистив свою «радарную станцию» от неприятных для них вещественных доказательств. Мы не удивились

Проволочное заграждение, установленное американцами.

Сложное устройство для распределения и усиления разговоров, перехватываемых с отдельных проводов.

На месте, где вскрыты отводные шпионские кабели, полковник И. А. Коцюба, исполняющий обязанности советского коменданта Берлина, проводит пресс-конференцию с журналистами.

бы, если бы «радарная станция» вдруг превратилась в «детский сад» или что-либо в этом роде.

В части туннеля, находящейся на территории ГДР, дежурная шпионская «смена» работала, ничего не подозревая, до той знаменательной ночи с 21 на 22 апреля, когда в их микрофонных наушниках вдруг послышался стук кирок и лопат, которыми действовали советские солдаты.

Американцы кинулись наутек, бросив впопыхах даже коробки с сигаретами и пылесосы, стараясь поскорее проскочить через стальную дверь № 3, на которой красовалась фальшивая надпись на русском и немецком языках. Еще бы: за дверью была красная черта, нанесенная на стены туннеля,— граница секторов! Тут уже эти типы были «дома», в безопасности, они хорошо знали, как безупречно выполняет советское военное командование соглашение четырех держав о порядке перехода военнослужащих из сектора в сектор.

Но им этого показалось мало: они наскоро выставили в туннеле проволочное заграждение, а еще в 50 шагах — целую баррикаду из мешков с песком.

Советское командование не делало тайны из своего открытия. Вместе с властями ГДР оно открыло свободный доступ в «свою» часть туннеля корреспондентам газет — восточным и западным. Американцы же, прикинувшись невинными младенцами, разумеется, опустили железный занавес перед своей таинственной... «радарной станцией».

Я лично наблюдал, как четверо западногерманских журналистов, убедившись, что «радарной станции» им не видать, как своих ушей, попытались пробраться через баррикады в туннеле. Майор Народной армии ГДР, представитель отдела печати, кинооператор «Дефа» и я провожали эту четверку до «красной черты».

Западногерманские корреспонденты рассказали нам о том, что с ними хотели идти еще многие их коллеги, но в последнюю минуту не решились. Хотя все эти люди были гражданами Федеративной Республики Германии, они прямо сказали, что боятся, как бы американская ФБР не занесла их в «черный список» и тем не создала для них угрозу быть выброшенными с работы. Я подумал: видно, это пугало их даже больше, чем возможность попасть под обстрел с «радарной станции».

Мы остановились по эту сторону «красной черты», а те четверо двинулись в направлении проволочного заграждения. Мы видели, как они берут лежащие у стен туннеля мешки с песком, кладут их на колючую проволоку и перебираются на ту сторону. Потом они исчезли из поля зрения: наши электрические фонарики не могли посветить так далеко.

Было как-то странно стоять здесь, на передовой линии «холодной войны», которая ведется с Запада. У наших ног тянулись шпионские провода, глухо гудели алюминиевые аппараты для кондиционирования воздуха, наши башмаки были мокры от натекшей дождевой воды. Мы выключили фонари, полдюжины ламп в потолке слабо освещали теряющуюся во тьме горловину туннеля. Было ясно, что и с той стороны чей-то глаз издали следит за нами, может быть, даже сквозь прицельную рамку автомата. Все казалось каким-то нелепым и нереальным, вроде второсортного голливудского гангстерского фильма. Мелькнула мысль: «мозговой трест» там, за океаном, должно быть, вдохновлялся этими фильмами, когда проектировал свой шпионский подземный центр...

Прошло немало времени, пока четверо корреспондентов вернулись назад. Им удалось пройти дальше баррикады из мешков всего лишь на десяток шагов. Они пробовали объяснить, что они западногерманские корреспонденты, что они находятся на территории ФРГ и поэтому вправе пройти туда, куда им хочется. Голос с явным американским акцентом отрезал: «Бляйбен зи цурюк!» («Ни с места!»)

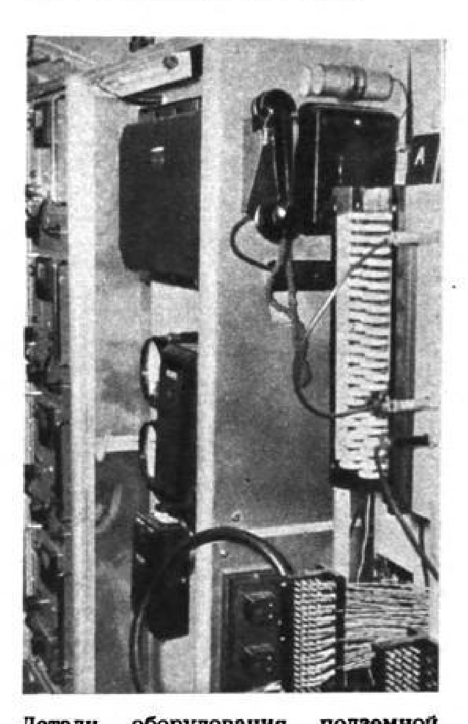
Откуда-то из темноты застрекотала кинокамера, должно быть, работающая на инфракрасной пленке. Она зафиксировала физиономии «непрошенных гостей», граждан ФРГ, осмелившихся вторгнуться в «святая святых» американского шпионажа.

В заключение хочется сделать несколько замечаний, касающихся уже не внешней стороны этого неслыханного дела.

Попытка шпионского подслушивания телефонных разговоров, предпринятая американскими войсками в Германии на территории ГДР,— грубое нарушение суверенных прав Германской Демократической Республики. Согласно международному праву, суверенитет распространяется на телеграфную и телефонную связь. Далее, это — нарушение статей 32 и 45 подписанного в 1952 году в Буэнос-Айресе международного соглашения по вопросам связи, соглашения, под которым стоят подписи США и Советского Союза. Соглашение призывает подписавшие его государства взаимно соблюдать тайну телефонных связей.

Все уловки устроителей туннеля, направленные на сокрытие их роли в этом шпионском предприятии, оказались напрасными; даром были истрачены большие деньги. Войска связи Советской Армии располагают техническими знаниями и средствами, необходимыми для того, чтобы нащупать «утечку» в своих проводах. За одну ночь они положили конец всему этому дорогостоящему американскому предприятию. Американская «техническая мысль», создававшая его, оказалась битой советской техникой.

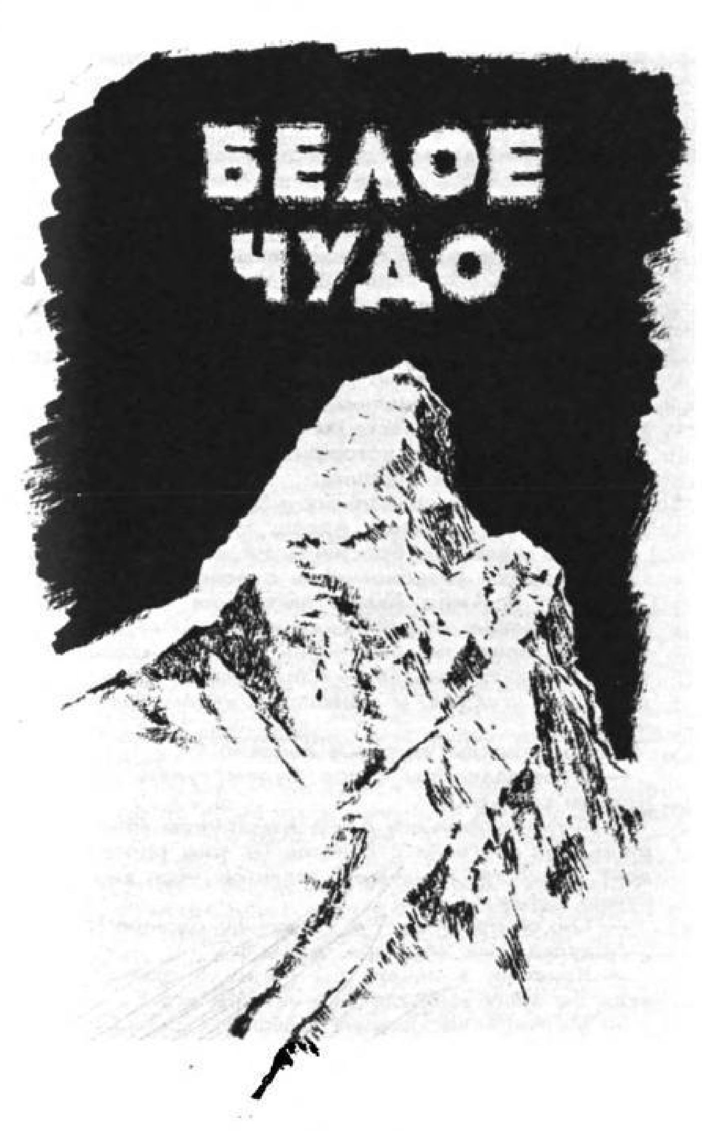
Туннельная эпопея американцев под землей Германской Демократической Республики вызвала, разумеется, возмущение и отвращение у всех передовых людей. Но пусть этот случай охладит некоторые не в меру горячие головы, пусть он поможет людям доброй воли изгнать «холодную войну» с поверхности земли, похоронить ее много глубже, чем лежат провода ныне уже безмолвствующего американского туннеля под Альт-Глиникке.

Детали оборудования подземной шпионской станции подслушивания.

Общий вид туннеля.

Повесть

Николай ТИХОНОВ

Рисунки О. ВЕРЕЙСКОГО.

ГЛАВА ПЯТАЯ

Салиха Султан не только вела все хозяйство большого дома Аюба Хуссейна, не только знала, как принять гостей и с кем и как поговорить или устроить ту или иную встречу, но и обладала широким умом, который давал ей преимущество над женами купцов и чиновников, составлявшими ее общество.

Если бы она к тому же имела возможность самостоятельно выступать как деятель женского движения, она была бы одной из самых популярных пакистанских женских руководительниц, и кто знает, до каких размеров дошло бы ее влияние, если бы дать полный простор ее честолюбию и сильной воле. Но Аюб Хуссейн твердо условился с ней, что она никогда не будет принимать открытого участия в женском движении и ограничится пожертвованиями с благотворительной целью.

Она прекрасно понимала свою любимую племянницу Нигяр, мать которой умерла во время войны, а отец жил в своем имении за Равальпинди, предоставив Нигяр заботам доброй тетушки в Лахоре. Нигяр кончала Лахорский университет, и в доме Аюба Хуссейна ей жилось так спокойно, что ее отец мог весь досуг отдавать разным земледельческим затеям, не беспокоясь о жизни Нигяр.

Салиха Султан и Аюб Хуссейн имели двух взрослых дочерей, которых благополучно выдали замуж: одну за сына купца из Синда, куда она и переехала, а другую за адвоката. В настоящее время она жила на курорте в Марро и дышала горным свежим воздухом, в то время как в Лахоре уже начинали задыхаться от жары.

Салиха Султан все любила делать по-своему, и для этого у нее был штат многочисленной прислуги, которая была предана ей и держала ее в курсе всех новостей. А сведения из кухни иногда значительнее тех, что печатаются в газете.

Поэтому, зная все и ничему не удивляясь, она знала также, что Нигяр, добрая, тихая, женственная, с глазами лани и таким тонким рисунком лица, что казалось, она сошла со старинной миниатюры и сам Бекхзад[1] работал над ее подбородком и ртом,— ее любимая Нигяр ходит по кварталам, где живут бедные люди, и помогает им, ведет, как она говорит, просветительную работу, над которой посмеивается ее другая племянница, та самая задумчивая подруга Нигяр, что спрашивала гостя — надменного американца — про Белое Чудо.

Эту племянницу Салиха Султан и хотела выдать замуж за молодого ученого, работавшего в Лахорском медицинском колледже. Купить ей обновку было всегда заботой Салихи Султан, больше всего любившей одарять подарками тех, кто ей близок или на кого падала тень ее щедрости и благорасположения.

Но были у доброй и сильной Салихи Султан и свои странности. Она не переносила самолета, не любила автомобиля, она была верна старине. Все, что действовало на нее раздражающим образом, она отодвигала от себя подальше. Так, ей не нравилось радио, потому что оно приносило дурные вести со всех сторон света, или распевало глупые песенки, или занималось всяким рекламным вздором. Оно могло принести и такое горе, что вся страна закричала бы от страха.

Ей не нравилось американское и европейское кино, потому что все, что происходило там на экране, было ей чуждо и не вызывало никаких сердечных ощущений. А Салиха Султан любила и поплакать втихомолку и посмеяться так, чтобы надолго остался в памяти этот смех.

Вот почему она ходила на индийские фильмы, где говорили на урду, где было много понятной музыки и песен, где под страстные мелодии страдали, любили и побеждали люди, которых она понимала и которым сочувствовала.

Вот почему, когда она хотела ехать на базар, шум и гам которого всегда развлекали ее, и посмотреть в лавках, что там привезено нового, она не брала автомобиля, а выбирала хорошую тонгу и вместе с неизменной Нигяр отправлялась по городу.

В лавках торговали, как в старину, всегда можно было пошутить с продавцом, всласть насмотреться на материи и украшения, поторговаться, как простой женщине, а не как жене купца, известного всему Лахору.

Нигяр, сопровождая Салиху Султан, чувствовала себя героиней старого романа. Сидя на тонге, остановившейся перед магазином, они, полузакрывшись покрывалами от солнца, выбирали сари, покрывала, платки, браслеты, не сходя с легкого, подвижного экипажа. Возница дремал, иногда приоткрывая полусонный глаз, чтобы взглянуть на лошадь. Но лошадь стояла смирно, и он знал, что выбирать будут долго и можно не беспокоиться: ему заплатят за труды хорошо.

Нигяр надоедали длинные разговоры тетушки с продавцами, которые также любили этот старинный порядок долгого рассматривания и торговли. Он делал их труд серьезным, и, кроме того, можно было говорить не только о товарах.

Совсем было бы хорошо, если бы покупатель заходил в самую лавку, располагался на подушках, услужливо предложенных ему, и, попивая мелкими глотками желтый прозрачный чай, не спеша беседовал и одновременно смотрел товары. Но пригласить женщину было нельзя: женщине не полагалось сидеть в лавке на подушках и пить с мужчинами чай. Салиха Султан, сидя на тонге, прикрывая лицо тончайшим белым покрывалом, не торопясь, разговаривала с приказчиками, и это им нравилось. Они охотно приносили из глубины лавки все новые и новые товары.

Развертывая на колене сари, приказчик говорил о его мягкости и цвете, и Салиха Султан, щупая ткань, поднимала ее к глазам, отодвигала от себя, наслаждаясь переливами материи. Она требовала, чтобы Нигяр тоже принимала в этом участие. Но когда Нигяр наклонилась посмотреть принесенную шаль, к тонге подошел мальчик, одетый в полосатую рубашку и короткие штаны, и начал хвалить лошадь, говоря, что такой красивой лошади он не встречал еще в Лахоре.

Приоткрыв один глаз, полусонный возница слушал это восхваление своей лошади, которая и в самом деле была красивой, здоровой кобылой. В гриву ее были вплетены ленты, а между ушами утвержден такой великолепной красоты султан, что казался цветком, распустившимся только на рассвете. Когда она встряхивала гривой, звенели все мелкие бубенчики, которые были вплетены в гриву вместе с разноцветными лентами.

Мальчик, с книжками подмышкой, с тонкими, чистыми руками, весь какой-то подобранный и гибкий, как обезьяна, однако, не только отсыпал щедрой горстью похвалы лошади. Прерывая эти восхваления, он обращался к Нигяр. Он говорил нараспев, как будто читал стихи:

— Посмотрите на меня, дорогая Нигяр-бану, прекраснейшая из султанш Лахора, дайте взглянуть на вас Азламу, верному слуге...

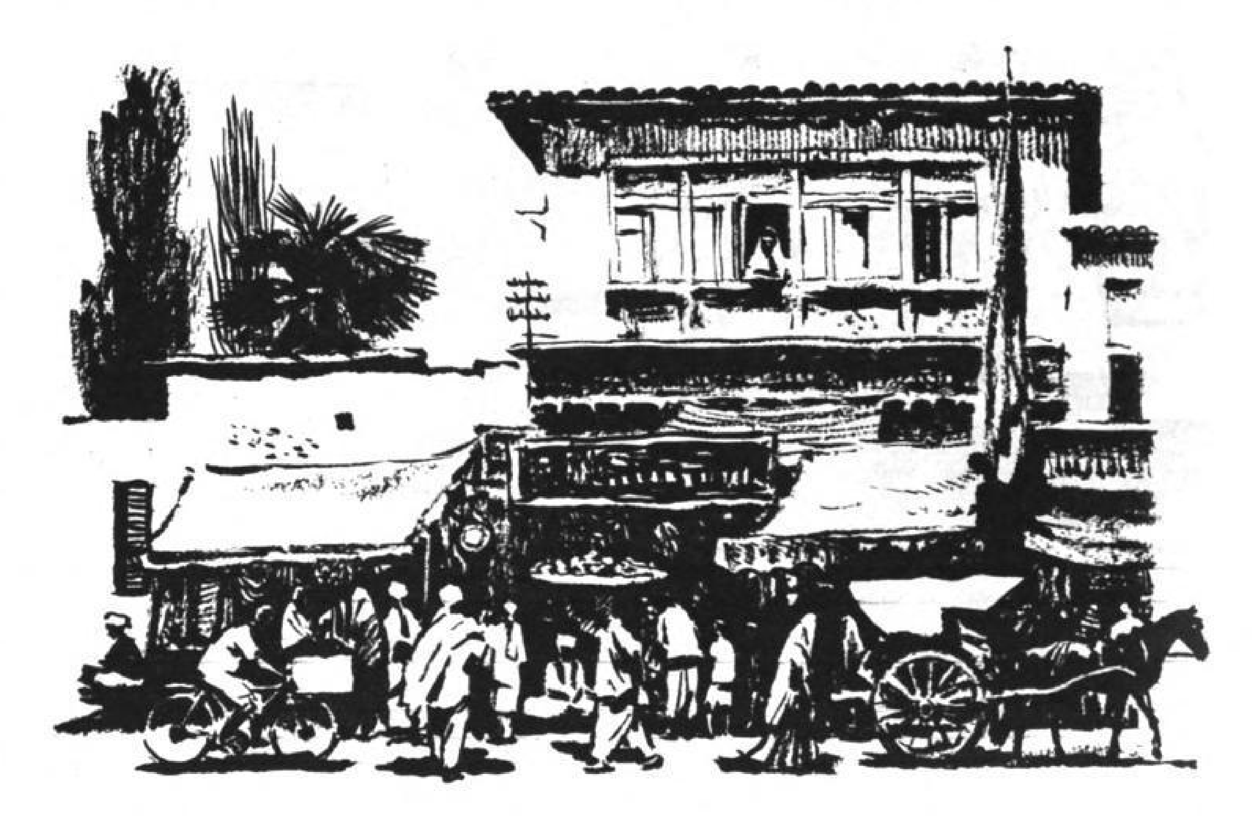
Нигяр, услышав этот знакомый лукавый и звонкий голос, повернулась и посмотрела через плечо. Она засмеялась и сказала:

— Это ты, ученый Азлам? А говоришь, как будто занимаешься не науками, а стихами.

— Что сказать месяцу с гор, если он спустится с небес?

Девушка рассмеялась, и в ту же минуту он протянул ей записку.

[1] Бекхзад — выдающийся мастер-миниатюрист XV—XVI веков.

См. «Огонек» №№ 18, 19, 20.

Салиха Султан была так занята новой пачкой сари, что не видела, как записка исчезла в руке Нигяр.

— Если месяц спустится? — продолжая игру, сказала Нигяр.

— Да, если он осветит Лахорскую долину и если свет его уже упал на меня. Ох, какая чудесная тонга! Ее сделали специально для Солнца Пенджаба...

— Скажи, что я приду,— сказала она, быстро пробежав записку.

— Что там такое? — спросила Салиха Султан, но уже никого не было около тонги.

— Я разговаривала с одним хорошим мальчиком, который читал стихи о месяце, спускающемся с гор.

— Какая чепуха! Посмотри,— сказала Салиха Султан,— это покрывало лучше и идет больше к тому светлому сари, чем к темнозолотому. Приказчик ничего не понимает и хочет меня убедить, как будто я слепая.

Мальчик уже бежал по улице. И, смотря ему вслед, возница пробормотал в своем полусне:

— Какие глупости наговорил мальчишка! Чему их только учат в школе!..

Азлам был уже далеко. Ноги легко несли его по знакомым лахорским улицам. Он был сыном клерка, который всегда сопутствовал как секретарь богатому промышленнику, занимающемуся соляными разработками. Его отца ценили как способного работника. А сам Салим-Багадур имел одну мечту: сделать своего мальчика образованным человеком. Склонности маленького Азлама к наукам были необыкновенны. Он учился в частной школе, был одним из первых учеников и дома проводил все время за книгами. Сестра отца заменяла ему мать, которую он потерял еще в раннем детстве.

Азлам нашел дом, где жил студент и начинающий писатель Амид Ахмет. Он вошел в комнату Амида Ахмета, как к себе. Его уже ждали. Трое мальчиков шумно боролись друг с другом, катаясь по старой кошме, закрывавшей пол, а в углу сидели два молодых человека, один из которых был хозяином комнаты — Амидом Ахметом, а другой — тем самым месяцем с гор, который, по словам Азлама, осветил Лахорскую долину.

Это был Фазлур, начинающий поэт, студент-горец, чьи родные места лежали далеко на севере, в долинах, над которыми вставали снежные пики великих вершин.

— Нигяр получила записку и будет здесь! — закричал еще с порога Азлам.

Тут же мальчики бросились на него, и потешная драка возобновилась с новой силой.

Фазлур и Амид Ахмет растащили их, тяжело дышащих от возбуждения.

— Ну, теперь тишина! — Они сели на низкой тахте, и Фазлур сказал: — Азлам, Амид Ахмет хочет нас угостить, и знаешь, по какому случаю?

Азлам трижды ударил в ладоши:

— Я отгадал. Мы скоро будем гулять на чьей-то свадьбе.

— Фу,— укорил его Амид Ахмет,— ты говоришь, как торговка с базара! Ты еще президент общества будущих талантов или уже нужно переизбрание?

— Он, он президент! — закричали мальчики.

Абдулла, сын аптекаря, добавил:

— Конечно, я ничего бы не имел против, если бы меня выбрали вице-президентом.

— Молчи! — воскликнул большой и сильный Керим.— Дай послушать, что говорят взрослые.

— Я еще президент,— важно произнес Азлам.— Раз я основал этот клуб, я пожизненный президент.

Все засмеялись.

— А, правда! — закричал Азлам. — Мальчики, друзья мои, сегодня двухлетие нашего общества. Как хорошо, что ты вспомнил об этом, Амид Ахмет!

— Я тоже помнил об этом,— тихим голосом сказал самый маленький мальчик, сын железнодорожного служащего, крошечный Нажмуддин, похожий на девочку маленьким и нежным лицом.— Но ведь нам нечем праздновать...

— Как нечем? — Амид Ахмет встал со своего места.— Мы сейчас выпьем чаю, поедим сластей и пойдем в музей. Сегодня будет прогулка в далекую древность: мы будем говорить о городе, самом нашем древнем городе — о Мохенджо-Даро. А сейчас, мальчики, идите за мной.

И он увел мальчиков из комнаты. Через несколько минут они появились снова, выступая гуськом, как в священной процессии, неся деревянные плоские блюда, на которых были разложены сушеные засахаренные фрукты, финики, конфеты, пастила, стояли чашки и чайник, лежали бумажные салфетки и печенье. Все это было расставлено на столике посреди комнаты, мальчики чинно уселись прямо на кошму и стали угощаться этим неожиданным подношением. Пока они пили чай и истребляли сласти, Амид Ахмет рассказывал им о том, как нашли, как откопали древний город Мохенджо-Даро. Никто не знает, как назывался этот город, потому что Мохенджо-Даро не его имя. Это значит на языке синдхи «курган мертвеца». Там был большой курган, и когда его раскопали, нашли доисторический город.

— Вы уже знаете, я вкратце говорил вам о нем, а теперь наш председатель приготовил материал, и он будет моим ассистентом. Я в музее покажу найденные в Мохенджо-Даро вещи. В те далекие времена были города такие же, как Лахор...

— О, как Лахор! — вскричал почти испуганно Абдулла.— Значит, люди умели в то время строить такие же дома, как сейчас?

— Ну, не такие. Но этот город стоял уже тогда, когда в Европе не было ни одного такого же большого, как он, города. Это было пять тысяч лет назад.

— Да,— сказал важно Азлам,— я вам в музее тоже кое-что расскажу. Я основательно

подготовился благодаря моему дорогому учителю, — добавил он, гладя руку Амида Ахмета.— Значит, наша история начинается не вчера. Мальчики, вы увидите, что наши далекие предки были не глупее нас. Они умели строить и делать прекрасные вещи. Вот вы увидите. А ты, Атеш Фазлур,— он обратился к молодому горцу,— пойдешь с нами?

— Нет, сейчас придет Нигяр-бану, и если я уйду с вами, она меня не застанет, а я должен поговорить с ней по делу.

— Почему ты называешь его Атеш Фазлур? — спросил маленький Нажмуддин. — Это значит Огонь Фазлур.

— Да. А разве он не огонь? Ты слышал, как он читает и поет стихи? Он горит, и в нем все горит. Но сейчас я могу назвать его по-другому. Он пришел к нам весной, и я назову его Бахар Фазлур.

— Пусть будет он Атеш Бахар Фазлур — огненной весной! — воскликнул увлекающийся Абдулла.

— Ну, это уже слишком! — засмеялся Фазлур.

— Атеш Фазлур, ты все знаешь, объясни: почему нам не дали подписаться под воззванием против войны? — сказал Азлам. — Мне очень грустно, что я не мог подписаться.

— Фазлур,— засмеялся Абдулла,— он даже спросил у одного англичанина, почему ему не дают расписаться, а тот... Скажи: как тот на тебя посмотрел?.. О, как он на него посмотрел! И я сказал, что ты спросил самого поджигателя войны об этом. Вот мы смеялись! Мне показалось, что англичанин пустит в ход свою палку.

— У него не было палки,— возразил Азлам. — Ты всегда врешь, Абдулла, ты любишь всегда врать...

— Ну, ударит тебя трубкой, трубка была у него в зубах.

Фазлур поднял руку.

— Детям подписываться еще рано. Это будет несерьезно, если будут подписывать дети. Не все такие, как ты, президент. Ваше дело — еще учиться.

— Но зато, когда мы вырастем, мы покажем всем, что мы таланты и недаром изучали жизнь и искусство...— проговорил нежным голоском Нажмуддин.

Это было так неожиданно и так не шли эти громкие слова к его крошечной фигурке, что новый взрыв смеха пронесся по комнате.

— И мы будем героями, — провозгласил молчаливый Керим, сжимая кулаки.— Эти руки пригодятся народу.

— Да, мы совершим подвиги в честь народа. Правда, Фазлур? — сказал Азлам.— Если бы ты знал, как я хочу совершить подвиг! Я столько читал, как совершают подвиги...

Фазлур потрепал его по плечу:

— Тебе всего четырнадцать лет, и ты уже столько знаешь. В твои годы я еще ходил с отцом на охоту, убивал горных козлов и раз даже видел, как убили снежного барса.

— Ну вот, значит, ты уже совершил подвиг в мои годы. — Азлам грустно покачал головой.

— Ты проверь сначала свои мускулы! — Керим ударил шутливо по спине Азлама.

Азлам ловким движением схватил его за голову и опрокинул на пол. Они боролись, катались по кошме, и, когда подкатились к порогу, дверь открылась, и они чуть не сшибли с ног вошедшую Нигяр-бану, остановившуюся на пороге и смотревшую на молодых людей и мальчиков большими глазами.

— Что здесь происходит? — спросила она, кивая головой Фазлуру и Амиду Ахмету и наклоняясь к мальчикам.

Азлам выпустил Керима и сел на кошме.

— Здесь происходит юбилей,— сказал он, широко обводя рукой подносы и чашки,— юбилей нашего научного общества.

— Какого общества? — спросила, подходя к тахте, Нигяр-бану.

— Сегодня двухлетие со дня основания клуба юных будущих талантов и политических деятелей. Я, как его первый президент, приветствую вас, Нигяр-бану, и хочу угостить вас чаем.

— Господин президент сегодня ведет себя от радости, как школьник,— сказала, улыбаясь, Нигяр-бану.— Что подумают члены общества об его авторитете?

— Физические упражнения входят так же

в наши занятия, как и книги,— сказал Азлам, наливая Нигяр чаю и подвигая к ней подносы со сластями.

— Какие же у вас успехи? — спросила Нигяр, когда, поздоровавшись с Фазлуром и Амидом, она стала пить чай и мальчики снова пришли в состояние покоя.

— У нас много успехов,— сказал Азлам.— Вся страна должна учиться, и мы здесь сегодня обсуждали судьбы древности. Мы пойдем в музей и будем изучать наше прошлое. Атеш Фазлур только что пришел и рассказывал нам о том, как он путешествовал.

— Кто это Атеш Фазлур? — спросила Нигяр.

— Мы так прозвали нашего Фазлура,— сказал Азлам,— потому что он всегда так быстро и так зажигательно говорит. Он уже в детстве был знаменитый охотник и даже охотился на снежного барса, а мы, несчастные, живем в ожидании подвига, и нам все время говорят, что мы еще маленькие.

— А чем же занимаются маленькие в ожидании подвига? — спросила Нигяр, которой было очень приятно сидеть в такой дружеской компании.

Она знала молодых людей слишком хорошо, а мальчиков встречала не часто, но о существовании общества, где был председателем Азлам, она знала от Фазлура.

— Чем мы занимаемся? Мы много читаем по географии, по литературе, по политике.

— Что же знают будущие ученые?

— Будущие ученые изучают географические журналы, научные книги и знают, что Пакистан — богатая страна и бедная страна.

— Как это понимать, мальчик?

— Она богатая, потому что в ней много всяких богатств и в земле и в горах. Она могла бы кормить полмира, а между тем люди живут в ней бедно, потому что еще не всё в том порядке, в каком должно быть...

— Ох, вы! — сказала Нигяр, шутливо ударив Амида Ахмета и Фазлура по рукам. — Это ваши лекции...

— Не знаю, — сказал Фазлур, смотря на нее с восхищением. — Они сами доходят, своим умом...

— А что вы знаете по литературе?

— Мы знаем стихи Икбала, — сказал Абдулла.

— Мы читаем Фаиза Ахмеда Фаиза,— добавил Нажмуддин.

— И Джафри, — сказал Керим. — Хорошо пишут, я все понимаю.

— Знаем книги Захура, знаем историю, — сказал Азлам. — Я даже читал рассказы Ходжары Масрур (веселой) и Хадиджи Мастур (закрытой). Правда, я не все понял. Я люблю читать о героическом.

— Да, знаю, вы все хотите подвига, — сказала Нигяр.

— Да! — Глаза Азлама засверкали. Он поднялся, легкий, как клинок фехтовальщика. — Я хочу, чтобы Фазлур взял меня в горы. Там иногда воюют по-настоящему. Я знаю, что была война в Кашмире и кончилась. А я не успел в ней участвовать...

— Что же ты? Хотел подписывать воззвание против войны, а сам жалеешь, что нет войны? — сказал Фазлур.

— Я говорю о войне за правду, — ответил мальчик. — Я хочу революционного подвига, да, да, не смейтесь! Я знаю и о второй мировой войне, и о фашизме, и обо всем я знаю. Я читал Ленина, да, и даже заучил наизусть. Слушайте: «У европейского сознательного рабочего уже есть азиатские товарищи, и число этих товарищей будет расти не по дням, а по часам». Это он писал про нас и про меня. Мы — эти товарищи.

— Ну, — сказал Амид Ахмет, — ученый должен знать и комментарий к тексту. Это сказано о бомбейских рабочих по поводу их стачки в 1908 году.

— Ах, — сказал Азлам, — точно я этого не знаю! Но Ленин писал не для одних бомбейских рабочих, а для всех нас, и не для одного года, а для всех времен.

— Он удивителен! — воскликнула Нигяр-бану. — Это просто маленькие подпольщики. Куда я попала? Куда вы их ведете?

— Пока в музей!

— Зачем? Неужели они не были в музее? — удивилась Нигяр.

— Они посещают музей не так, как все. Мы сначала серьезно готовимся по какой-нибудь теме, а потом уже идем, причем я или он, — сказал Амид Ахмет, указывая на Фазлура, — являемся ответственными руководителями экскурсии, а кто-нибудь из них ассистентом.

— Что же вы будете смотреть сегодня? — спросила Нигяр.

— Сегодня у нас лекция по древней истории нашей родины, — сказал Азлам. — Наш руководитель — Амид Ахмет, а я его ассистент. Мы будем смотреть вещи, откопанные в Мохенджо-Даро. Вы знаете, что когда в Европе пять тысяч лет назад жили дикари, не знавшие водопровода, он был уже в наших городах? Нашли трубы, честное слово, Нигяр-бану, а Америки еще не было на свете, как меня, когда был жив дедушка...

— Я бы с удовольствием пошла с вами, — сказала Нигяр. — Когда еще будут такие ученые мужи объяснять мне древнюю историю! Но я должна остаться с Фазлуром. Я его давно не видела, и у меня есть к нему дела. Поэтому я пойду с вами в другой раз.

— Мальчики, — сказал Амид Ахмет, — собирайтесь. Нам пора. Не останется времени все хорошенько рассмотреть. А мы должны провести экскурсию, не торопясь.

Они вскочили на ноги, такие азартные и горластые, что, когда попрощались и ушли, в комнате наступила тишина, как будто в ней никого не осталось.

— Все-таки Азлам из них самый забавный,— сказала Нигяр.— Если бы ты видел, как он появился сегодня передо мной. Мы с тетей ездили в лавки покупать подарки. Ее другая племянница, ты ее знаешь, выходит замуж. Мы выбирали все эти сари и покрывала прямо с тонги, и вдруг появляется он и говорит почти стихами. Это твое влияние.

— Не хватает, чтобы он начал говорить мисры! — воскликнул Фазлур и громко прочел нараспев:

Отдам имущество и жизнь, всю кровь свою сейчас,
Но дайте мне взглянуть в глаза любимой только раз!

Это не мое. Это народное. Но я могу это повторить, как будто писал я. Особенно, когда не вижу долго тебя.

Если лицо твое — книга, а губы — страницы,
Сердцем читая, готов я над ними склониться.

— Ох! — сказала Нигяр. — Мы с тобой старые и верные друзья, и нашу дружбу ничто не может разрушить, кроме нас самих. Но куда исчез влюбленный мой друг и так долго не давал о себе вести? Ты думаешь, я не имею сердца, а в сердце не бывает страха за людей, к которым оно привязано?

— Разве я так долго отсутствовал? — спросил Фазлур. Ему было приятно видеть волнение в лице Нигяр, которое она не могла скрыть. — Что же было без меня?

Она рассказала ему городские новости, куда кто разъехался на каникулы из университета, потом рассказала ему о приеме известного путешественника-американца в доме Аюба Хуссейна.

— Как же он тебе понравился? — спросил Фазлур.

— Ты знаешь, я его не могла понять. Скажу только, что люди, любящие природу, не такие. В его словах есть неискренность. Может быть, он хотел прикрыть истинные чувства показными фразами, чтобы не показаться смешным. Европейцы и американцы боятся больше всего быть смешными. Этот американец собирается в твои края, на север.

— Их много бродит в тех краях, и разных, очень разных. Я бы не хотел иметь с ними дела. С тех пор, как возникла кашмирская проблема, они слетелись, как мухи на мед. А я тоже путешествовал, но иначе, чем все эти прославленные туристы.

— Где же ты был? — спросила Нигяр. — Так далеко, что не мог дать о себе знать и прислать хоть самую малую весточку?

— Ты знаешь, не мог. Я вел жизнь странствующего дервиша. Мы начинали свой путь с рассвета и ложились спать, когда наступала темнота. Конечно, мы сами выбирали маршрут. Природа перед нами не скрывала своих тайн. Когда первые птицы расправляли свои перья и мы видели, как проступают в утреннем тумане ветви старых тамариндов, мы уже были в пути. Мы шли по горным тропинкам, где кусты дикого шиповника спускались в обрывы, откуда доносился голос реки; мы шли в равнинах, где солнце жгло нас и пыль дорог стояла облаками, в которых исчезали машины, буйволы и люди. Мы были в деревнях и видели жизнь такую, какая она есть. Мы радовались деревьям и ручьям, небу и звездам, которые для нас вели свои хороводы на синих полянах. Мы не могли не печалиться при виде того, как живут люди. Милая Нигяр, мы спустились с гор, были у моря — и вот я в Лахоре. Видишь, мы немало прошли по нашей стране.

Как прекрасна земля, как хорошо вечером услышать издали песню у пруда, где собирается молодежь! Как хороши голоса детей, которые далеко разносятся под сводами старых деревьев, стоящих, как патриархи, охраняя наши деревни! Как хороши наши большие города с их бесчисленными огнями, которые вечером похожи на опрокинутое небо! Но знаешь, мой друг Нигяр, эти большие города, полные огней и шума, как корабли, окружены тихим и темным океаном нищих полей.

Я много передумал за время своего странствия. Народ живет в другом веке, чем мы, интеллигенция. Там такие времена и нравы, что чем больше их наблюдаешь, тем яростнее ширится чувство негодования и возмущения. Люди существуют, но не живут. Представь себе человека, который никогда не бывает сыт, ему надо накормить большую семью, и он никогда не может ее накормить, он работает день и ночь круглый год и не имеет денег на новую одежду, не имеет жилья, которое он мог бы назвать своим домом. Он обогащает своих хозяев и ничего не получает, кроме жалкого пропитания, держащего его на краю голодной смерти. Если он умирает, его смерть, как смерть падающего с дерева листа, так же не заметна никому. Он знает все ремесла, но все, что он делает, уходит в руки других; он выращивает рис и пшеницу — все это отбирается у него; он выращивает джут и хлопок — и на его трудах богатеют другие. Он делает все, чтобы жизнь была лучше,— другие получают от этого все выгоды, а он умирает на голой земле, истощив свои силы. Это наш крестьянин. Глиняные мазанки, откуда смотрят глаза всех болезней; туберкулезные юноши малярийные старики, дети, у которых глаза закрыты серым туманом трахомы, соломенные хижины, где хозяйствует горе; умирающие на улицах городов дети и нищие; беженцы, до сих пор не могущие понять, что с ними случилось и почему кровавая буря пронеслась над их головами!..

Сколько горя, как все не устроено! Ты знаешь, я был ночным сторожем. Да, в одном месте мы встретили ночью человека, который падал от усталости. Этот человек очень нуждался. Чтобы не попасть, как муха, в паутину ростовщика, он пошел к своему помещику и за долг должен был сторожить его владения ночью, пока не вернет долга. Но днем он работал в саду, который сторожил ночью. Он давно уже не знал, что значит сон. Я уговорил его спать. И пока он спал целую неделю, я сторожил сад помещика. Но я был рад, что этот человек выспался, может быть, первый раз за всю свою жизнь.

Я видел, как управляющий ударом ноги свалил на землю крестьянина, робко умолявшего его о сложении недоимки. Я хотел вступиться, но крестьянин просил меня не делать этого, так как тогда управляющий его убьет. Так было день за днем.

Я видел человека, сидящего у дороги как раз на полпути между городом и деревней. Он ушел от помещика, кулака, сельского ростовщика. Его увел в город вербовщик, и вот в городе он попал в руки этого вербовщика и городского ростовщика. Он ушел из деревни в город, а из города в деревню как ему вернуться? Средний доход крестьянина — тридцать рупий в год. Он испугался, он в отчаянии сел у дороги и ждал. Чего? Он не знал, он ждал утра: а что принесет утро? Мы тоже сидели с ним и ждали утра, чтобы продолжать путь.

А мы путешествовали, как богачи, — Фазлур горько усмехнулся. — Нигяр, мы путешествовали, как ханы, все было к нашим услугам: бархат ночного неба, атлас луговой травы, шелк полевой тропинки, пир птичьих песен и вина всех ручьев. Каждую ночь я вспоминал тебя. Когда мне было хорошо, я жалел, что тебя нет со мной, когда мне было плохо, я радовался, что тебя это не касается.

— Я жалею об одном, — сказала Нигяр, — что я не была с тобой. Я тоже могла бы быть ночным сторожем или могла бы помочь больным женщинам и детям.

— Почему ты не спрашиваешь, с кем я странствовал?

— Потому что по твоему рассказу я вижу, что это была не женщина. Или же такая, которая оставляет сердце спокойным. Ведь не со своей же старой нянькой ты странствовал, и не с мамашей, и не с сестрой, которой у тебя нет...

— О, я, сын бедного старого охотника, студент Лахорского университета, работающий еще иногда для радио, пишущий стихи, песенки и рассказы, участник движения за мир, поставивший свою подпись против всякой войны, и атомной в особенности, получил счастье ухаживать за человеком, перед которым я чувствовал себя таким маленьким, как Азлам!

— Говори дальше. — Нигяр сидела неподвижно, сжав на коленях свои тонкие пальцы, на которых сегодня не было ни одного кольца. — Я постараюсь угадать, кто это. Если я только знаю...

— Ты хорошо знаешь... В пути мой спутник сказал раз, когда я спрашивал о смысле пути: «Копатели колодцев проводят воду, куда хотят, плотник придает любую форму дереву, мастер самострелов натягивает по желанию тетиву, а мудрый человек вырабатывает, совершенствует себя. Так говорил древний мудрец, но это действительно и сегодня. Мы должны выработать себя...» Он еще говорил: «Наш народ не лучше, не хуже другого. И нас хотят заставить ненавидеть других, а мы не хотим. Мы должны заботиться о хлебе, а не о пушках. Мы должны заботиться о мире, а не о войне. От мира зависит наше собственное счастье и будущее нашей страны». Он еще говорил: «Смотри и запоминай. И никогда не уходи от народа. И ничего не бойся. И не думай, что наша родина, наша родная страна печальна. Она прекрасна. В ней живет добрый, смелый народ. Он копит силы и верит в будущее. Вместе с ним верь и ты». Я был счастлив поправить на нем одеяло в холодную ночь, чтобы он не простудился, когда мы ночевали у дороги...

— Но все-таки скажи, кто был твоим спутником. Я начинаю ревновать, ты так говоришь о нем. Не утомляй меня ревностью.

Фазлур налил себе чашку холодного чая и выпил ее сразу.

— Я люблю, когда ты меня ревнуешь, но я не буду терзать твое любопытство... Ты сейчас отгадаешь... Он сказал мне: «Посмотри, как живут люди. Раз нам грозит преследование и надо искать убежище, пойдем к народу, он лучшее убежище, потому что он породил нас... Будем с ним и укрепим себя для борьбы через его силу...» И мы пришли. И он просил

никому об этом не говорить. Я был связан честным словом, дорогая Нигяр...

— Как! Это был Ариф Захур? Ни о ком другом ты бы так не говорил.

— Да, это был наш любимый и славный писатель Ариф Захур.

— Не может быть! — воскликнула Нигяр с такой тревогой, что Фазлур оглянулся по сторонам.

Но комната оставалась такой, какой была, и никто не заглядывал с улицы в окно. И дверь на террасу была закрыта. Только шум города слышался издали, как ветер, пробегающий по лесу.

— Что с тобой? — Фазлур протянул к ней руки, боясь, что ей станет сейчас дурно.

Но она справилась с волнением и спросила, наклонившись к нему:

— Он в Лахоре?

— Что с тобой, дорогая Нигяр? — повторил, сам пугаясь своего голоса, Фазлур. — Ты так побледнела!

— Когда же ты пришел?

— Вчера. Что случилось?

— Ариф Захур погиб. И ты вместе с ним.

— Почему?

Нигяр встала, быстро подошла к двери, открыла ее, оглядела террасу и, вернувшись, сказала, глядя в упор на Фазлура:

— Слушай, его арестуют, как только он появится. Отдан приказ немедленно схватить его. Где он? Я была уверена, что он в безопасности. Ведь его предупредили, чтобы он на некоторое время исчез из Лахора. Я была уверена, что он далеко, и поэтому не придавала угрозе значения. Но тогда дело было только в угрозе. Сейчас есть приказ, и они его выполнят. Ты знаешь этих людей. Они ни перед чем не остановятся. Где он?

— Его еще нет в Лахоре! — сказал Фазлур совсем другим голосом, серьезным и суровым.

Его первое волнение прошло. В нем проснулся горец со всей жестокостью и осторожностью горца.

— Его еще нет в Лахоре! О Валлахи![1] — сказала Нигяр. — Хорошо, что его нет в Лахоре.

— Но завтра он будет обязательно в Лахоре...

— Ему нельзя входить в город.

— Откуда ты знаешь о том, что отдан приказ?

— Я не могу тебе сказать. Я даже не знаю, на каком основании этот приказ. Но это правда, клянусь тебе! Но я не могу сказать больше ничего. Это тайна!

Фазлур пожевал губами, как будто он хотел выплюнуть чесночную корочку.

— Англичане оставили нам в наследство замечательный закон о безопасности. По этому закону начальник полиции может арестовать кого угодно, стоит ему написать простую записку. А раз человек арестован, он уже не может ни жаловаться, ни требовать объяснений, он даже может получить пожизненное тюремное заключение без предъявления обвинения.

— Что же мы будем делать? — сказала тихо Нигяр. В ее больших глазах стояли слезы.

— Сейчас мы будем думать, как на джирге[2], — сказал Фазлур.

Он возвращался в то спокойное состояние, когда мог обдумывать положение без волнения, ослепляющего сознание.

Фазлур заговорил как бы сам с собой:

— Мы расстались с ним, потому что он пошел к друзьям. У него много друзей всюду, и он хорошо был укрыт в пути. Он бы не пошел в Лахор, но получил известие, что его мать очень тяжело больна. Правда это или тут есть какой-то обман?

— Правда, она очень больна, и я сама справлялась о ее здоровье. Я посылала Азлама с запиской, ей передавали от меня фрукты и лекарства. Тут нет обмана. Она почти умирает...

— Узнав о болезни, Ариф Захур сказал: «Мы должны быть в Лахоре. Я хочу видеть мать в ее, повидимому, последние дни. Она давно и тяжело болеет». Вот почему мы пришли, но я опередил его.

— Он не должен идти домой. Его схватят, потому что за домом всегда наблюдение. Я это точно знаю, — сказала Нигяр. — И сама я не ходила, чтобы не оставить нити для шпиона. Но сейчас они не знают, что он в Лахоре. Они думают, что он скрывается где-то в горах. У нас есть немного времени...

— Мы не сможем уговорить его. Ты знаешь, какой это человек. Это наш лучший писатель, человек глубокого ума, большого сердца, борец за народ, все, кто знает его, любят его преданной и чистой любовью. Это наш Ариф Захур. Его любят и в Индии.

В чем же состоит его преступление? Оно состоит в том, что он слишком любит свой народ и не хочет, чтобы его использовали иноземные поджигатели войны как пушечное мясо. И второе его страшное преступление, еще страшнее первого, — он говорит правду в своих книгах. Да, за это его нужно немедленно схватить, пока не поздно.

Ты знаешь, он сказал мне в дороге: «Один советский народный поэт замечательно написал о себе. Эти слова я охотно беру эпиграфом к собственному творчеству. Вот они, эти слова: «Кинжал моего стиха до смерти моей не покроется ржавчиной, ибо я точу его... Я точу его на черном камне моей ненависти к прошлому и на красном камне любви к сегодняшнему...»

Что же мы будем делать? Если бы он был потомок Магомета, его не посмели бы арестовать.

Нигяр, несмотря на слезы в глазах, слабо улыбнулась.

— По нынешнему времени арестовали бы и тебя, не посмотрели бы, что ты саид из саидов[3].

— Но он трудный человек, с таким цельным характером, что не найдешь в нем ни малейшей трещины. Кто может его остановить, если он пришел взглянуть на свою мать, которая при смерти? Кто может сказать ему, что он не должен дать арестовать себя, если он видит свою правоту, которую он готов защищать перед всеми инквизиторами мира?..

— Ты думаешь, что его арестуют? — спросила Нигяр, и рука ее задрожала.

— Нет, мы должны его спасти. Мы должны сделать все возможное, чтобы он мог снова уйти. Я начинаю в этом тумане что-то различать, дорогая Нигяр. Он пришел в Лахор повидать больную мать. Я привел его в Лахор, я выведу его из Лахора. Он должен повидать свою мать и исчезнуть. Пусть он ничего не узнает о приказе.

— Но мы берем на себя большую ответственность, не говоря ему о приказе...

— Хорошо, о приказе мы скажем после. Не надо, чтобы его друзья сегодня уже известили его об опасности. Надо, чтобы они были готовы укрыть его после того, как он увидит мать. И надо сделать так, чтобы те, кто уверен, что Захура нет в Лахоре, остались в этой уверенности.

— Как же это может быть?

— Кто находится при матери Ариф Захура? Кто всегда у ее постели?..

— Там две женщины: одна ее сестра, другая их прислуга.

— Очень хорошо. Надо известить их, что Захур придет тогда-то и чтобы они, не рассказывая ему о том, что я напишу в записке, уговорили его ввиду тяжелого состояния матери пробыть только самое короткое время у ее постели.

— Я не понимаю хода твоих мыслей. Ведь если он войдет в дом, шпион, который следит за домом, его увидит.

— Он его не увидит. В этом весь мой план...

— Куда же он денется в это время?..

— Он исчезнет на это время, и ты мне должна в этом помочь.

— Я? Что я могу сделать? Увлечь шпиона своей женской хитростью... О, какой ты щедрый, мой дорогой Фазлур!

— Нет, Нигяр, тебе не надо будет разыгрывать Далилу перед этим негодным человеком. Ты очень обяжешь меня, если отыщешь сегодня тетушку Мазефу и скажешь ей, чтобы она прислала ко мне моих друзей братьев Али и Кадыра, своих племянников. Ты слыхала про тетушку Мазефу? Я тебе сейчас объясню.

— Мне ничего не надо объяснять. Я прекрасно знаю тетушку Мазефу. Я часто бываю в том же квартале. Я не знакома с братьями Али и Кадыром, я только слыхала о них.

— Они работают в железнодорожных мастерских. Я их знаю с юности, когда отец служил в управлении дороги.

— Но, Фазлур, после всего, что произойдет, тебе самому придется снова исчезнуть из города, потому что все станет известно. Ты будешь так связан с этим делом, что тебя можно будет преследовать как соучастника.

— Я этого не боюсь. Мне кажется, мы можем сделать это довольно чисто. Если все будет по плану, ты удивишься и после даже улыбнешься этой истории, которая сегодня грозит нам серьезными опасностями.

— Фазлур, ты должен мне объяснить твой план, когда все будет тебе ясно, потому что я тоже хочу принять участие и думаю, что не буду бесполезна.

— Ну вот, ты отыщешь тетушку Мазефу.

— Кроме этого, обещай посвятить меня в подробности, потому что я могу серьезно помочь всему нашему маленькому заговору. У меня тоже есть кое-что на уме...

— Дорогая Нигяр! Ты помнишь слова Азлама? Азлам хочет подвига. Мы все его хотим, а нужно делать самое обыкновенное дело. Вот мы его и будем делать. Дай я разберусь в чувствах и мыслях. Если бы ты сказала, откуда все это идет, мне было бы легче разобраться...

— Поверь, дорогой, я не могу это сказать. Я боюсь. Я боюсь за тебя и за других.

— Нигяр, каждый вечер, когда я смотрел на вечернюю звезду, и каждое утро, когда я смотрел на утреннюю звезду, я думал о тебе, Нигяр. Поцелуй меня, Нигяр.

И она его поцеловала.

(Продолжение следует).

---

[1] «О Валлахи!» — восклицание изумления, как наше «боже мой!».

[2] Джиргой называют общее собрание рода или племени в горах, где имеют право голоса и женщины.

[3] Саид — прямой потомок Магомета.

ТРЕТЬЯКОВСКОЙ ГАЛЕРЕЕ СТО ЛЕТ

Сергей ГЕРАСИМОВ,
народный художник РСФСР

Юбилей Третьяковской галереи — подлинный праздник. Как национальный музей Третьяковская галерея вряд ли имеет себе равных. Это — настоящее зеркало России, ее духовной жизни, ее истории и прогресса, передовых идей, волновавших русское общество. С 1856 года, с момента приобретения Павлом Михайловичем Третьяковым первой картины, здесь сосредоточивается все лучшее, что создают русские художники. И ныне галерея дает исчерпывающее представление о великом искусстве нашего народа.

Личность основателя галереи П. М. Третьякова сама по себе очень примечательна. В нем совместились ясное понимание целей и задач искусства, тонкий художественный вкус, объективность, особое доверие к художнику-творцу, деловитость. Он очень редко ошибался в своих оценках, почти не было «отсева» из экспозиции картин, им приобретенных. Третьякову в высшей степени было свойственно чувство нового: в своих поисках он всегда попадал в главное русло художественной жизни эпохи. Так, в передвижничестве он сразу разглядел могучее реалистическое течение, которому было суждено сыграть такую роль в истории русского искусства. Можно сказать, что если Крамской и Стасов были идейными вождями передвижников, то деятельность Третьякова помогла осуществлению их идей, их воплощению в работах русских художников.

Павлу Михайловичу Третьякову мы обязаны тем, что все лучшее, самое характерное среди произведений передвижников сохранено, собрано воедино.

Третьяков поддержал и помог развиться многим крупным и своеобразным явлениям в нашем искусстве, таким, как живопись Репина, Сурикова, Серова, Виктора Васнецова и Нестерова. Выдающийся коллекционер собирал не только работы современных ему художников, но и мастеров XVIII века — Боровиковского, Левицкого, Рокотова. Еще в восьмидесятых годах он начал собирать русские иконы, рассматривая их как произведения большого национального, народного искусства. При содействии Третьякова художниками осуществлена замечательная серия портретов писателей, ученых, композиторов, артистов и других деятелей русской культуры.

Третьяков редко действовал необдуманно, наспех, но уж когда встречался с настоящим, большим творением искусства, не отступал от принятого решения и смело рисковал очень крупными суммами. Известно, что московские купцы хотели назначить над Третьяковым опеку за расточительство после приобретения им «Туркестанской серии» Верещагина.

Авторитет Павла Михайловича как знатока живописи был необычайно велик. Для художника попасть в Третьяковскую галерею значило получить настоящую «путевку в жизнь».

Верность действительности, реализм, демократические устремления — вот основные критерии, которым Третьяков никогда не изменял. Недаром он равно нетерпимо относился и к увлечениям некоторых художников «салонным» искусством и к мертвому, косному академизму, тяготевшему над творчеством ряда живописцев. Поэтому вся галерея представляется нам необычайно цельной, единой. Третьяковская галерея — редкий пример художественного музея, созданного столь последовательно, по заранее задуманному, определенному плану. Принципы, заложенные Третьяковым в основу, оберегаются и сейчас.

Конечно, Павел Михайлович не был одинок в своей деятельности. Сохранилась огромная его переписка с художниками, литераторами, критиками. Наиболее интересные из этих писем изданы. Читая их, видишь, каким уважением пользовался Третьяков среди художников, как прислушивались к его мнению Стасов, Крамской, Репин, как высоко оценивали его деятельность Л. Н. Толстой и И. С. Тургенев. В организации национальной художественной галереи были кровно заинтересованы все передовые люди тогдашнего русского общества.

Со свойственной Третьякову скромностью он утверждал, что создание галереи — это его долг по отношению к народу, Родине, любимой им Москве. «...Для меня, истинно и пламенно любящего живопись,— писал он,— не может быть лучшего желания, как положить начало общественного, всем доступного хранилища изящных искусств...».

В 1892 году П. М. Третьяков передал в собственность городу Москве свою галерею, оставшись ее попечителем. Конечно, он не мог тогда предполагать, какой огромной популярностью будет пользоваться среди самых широких народных масс его детище. Сейчас Третьяковскую галерею ежегодно посещают более миллиона человек,— при жизни ее создателя такая цифра показалась бы фантастической!

Третьяковская галерея не только исторический памятник. Ее фонды беспрерывно пополняются, открываются новые залы. Здесь ведется очень большая работа по изучению и популяризации русского изобразительного искусства, издаются монографии, каталоги, репродукции. Галерее давно уже тесно в старом здании, хотя оно много раз перестраивалось и расширялось. И надо сказать, что новое помещение необходимо ей, как воздух.

У нас стало традицией помещать в Третьяковскую галерею все лучшее из того, что создают советские художники. Это очень большая честь — находиться в соседстве с полотнами классиков русской живописи. Имея перед глазами великие образцы, зритель перестает быть снисходительным.

Роль, которую играет Третьяковская галерея в жизни каждого из нас, нельзя ограничить каким-либо определенным, конкретным этапом. Можно сказать, что она «сопровождает» нас, художников, всю жизнь как советчик и друг, как строгий, но справедливый судья.

Конечно, значение Третьяковской галереи не только в том, что это великолепная школа мастерства. Думаю, что мало найдется в Советском Союзе людей, для которых Третьяковская галерея не была бы дорога как воплощение русской национальной культуры, как что-то очень родное, близкое.

...Мне приходилось бывать в западноевропейских музеях. Это по большей части прекрасные музеи, но в них мало зрителей. Одинокие фигуры туристов, пустота, тишина. Тишина в музее — это, конечно, очень хорошо, и иногда в Третьяковке ее не хватает. Но у меня всегда появляется особое ощущение праздника, когда я вижу здесь множество людей всех возрастов и профессий,— иные из них, может быть, утром приехали в Москву, а вечером уезжают, и все-таки пришли сюда посмотреть Репина и Серова.

Сто лет для музея — небольшой возраст. Наша национальная галерея, в сущности, еще очень молода, а прекрасные произведения искусства, собранные в ней, навсегда сохранят ее молодость. Жизненная правда, которой следовали великие русские художники, правда искусства никогда не умирает!

И. С. Остроухов (1867—1929). «СИВЕРКО». 1890 г.

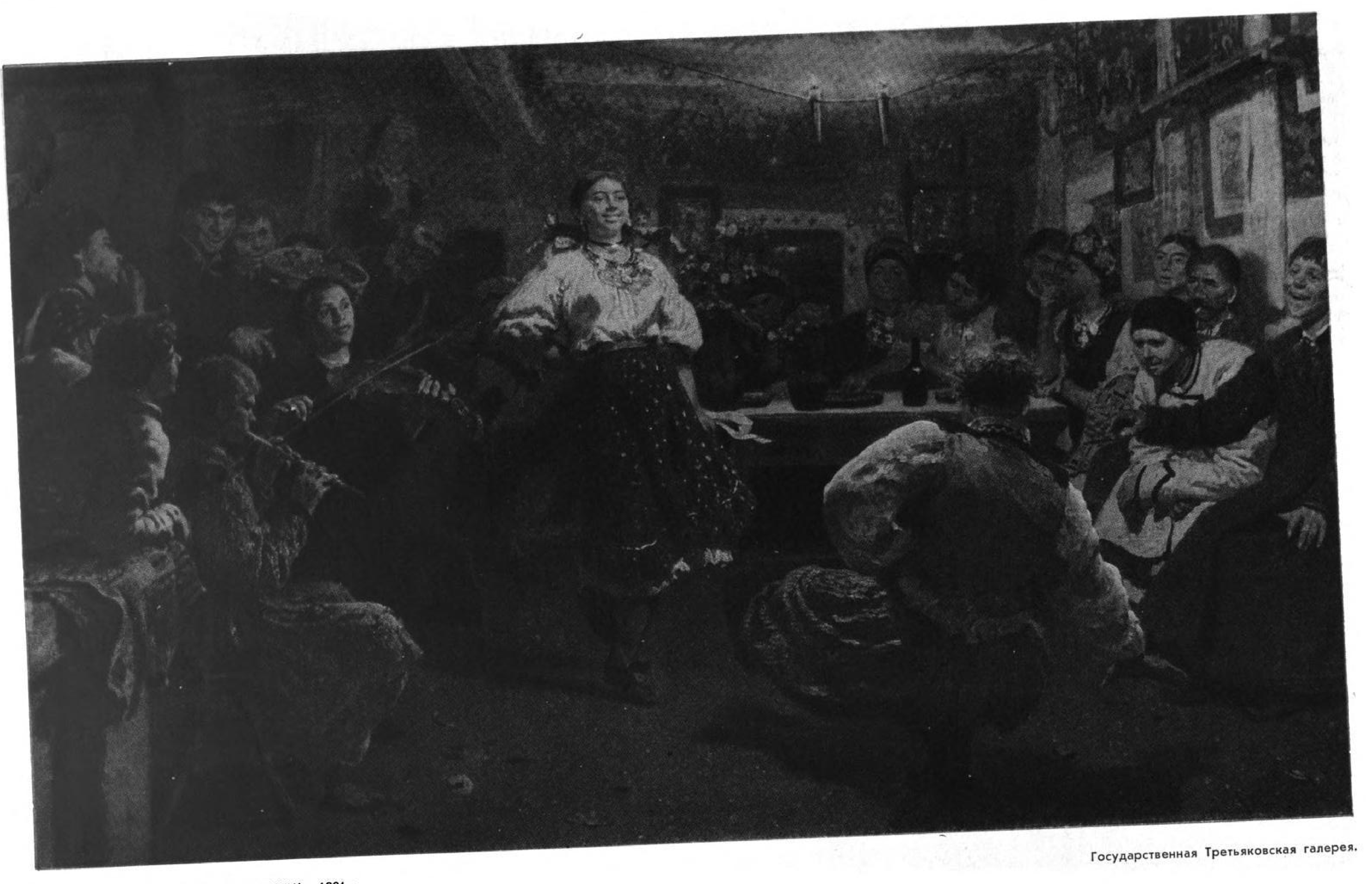
Государственная Третьяковская галерея.

В. И. Суриков (1848—1916). БОЯРЫНЯ МОРОЗОВА. 1887 г.

Государственная Третьяковская галерея.

Государственная Третьяковская галерея.

И. Е. Репин (1844—1930). «ВЕЧОРНИЦІ». 1881 г.

ПОСЛЕДНЯЯ МОЛОДОСТЬ

Рассказ

Николай АСАНОВ

Рисунки В. ВЫСОЦКОГО.

Утром Василий Федорович проснулся рано, но не от того, что выспался, а от тяжелой усталости, так сжавшей сердце, будто он всю ночь брел, задыхаясь, на высокую гору, и вот, оказавшись на вершине, почувствовал, что там совсем нечем дышать. Он долго лежал, прислушиваясь к тому, как неравномерно бьется сердце: то начинает частить до того, что в висках стучат кузнечные молоты, то вдруг останавливается, как будто у него уже нет больше сил толкнуть застоявшуюся кровь, и тогда Василия Федоровича охватывал страх, что вот так это и произойдет,— сердце встрепенется последний раз и остановится на половине такта, как это случается с мотором, когда засорится карбюратор.

А ведь ему всего шестьдесят пять лет! Разве это старость?

Он приподнялся на подушках, стараясь дышать реже и сильнее: это почти всегда помогало восстановить необходимый ритм,— и с завистью подумал о том, сколько людей в эту минуту бодро вскакивает с постели, сколько их подходит к окну, делает гимнастику,— откуда-то как раз донеслись размеренные звуки музыки, передаваемой по радио для этих молодых и здоровых людей. Василий Федорович осторожно опустил ноги на пол, нащупал туфли и встал.

На смятую постель он не оглянулся. Вечером она была необходима: казалось, что за ночь он может отдохнуть и завтра проснется бодрым, сильным, как это случалось раньше, несколько лет назад. Но по утрам она его страшила, ему хотелось как можно скорее уйти из спальни, — ведь когда-то случится и так, что в одно утро он просто не сможет встать с постели. И он боялся этой мысли, как в известном возрасте люди начинают бояться разговоров о смерти, участия в чужих похоронах, черной рамки в газете, потому что все эти явления невольно примериваешь к себе. Не оглядываясь, Василий Федорович подошел к распахнутому окну, посмотрел в сад, попытался сделать несколько гимнастических движений непослушными руками и бросил.

В саду было тихо и солнечно. Знакомый скворец, крупный, жирный, пока еще серый с крапинками — позже он почернеет,— обирал с куста смородины букашек. Скворец внимательно посмотрел на Василия Федоровича своими черными бусинками и даже не взлетел. Он давно отнес старика к тем неподвижным предметам, которые не опасны ни ему, ни его потомству, щебетавшему в дупле старого дуба. Василий Федорович крикнул ему «Кш!» и взмахнул рукой, но скворец, косясь одним глазом, продолжал деловито склевывать насекомых. Старик медленно отошел от окна.

Занимаясь утренним туалетом, Василий Федорович прислушивался к тишине в доме. Жена еще не встала, сын и дочь, конечно, в городе. Им скучно со стариками, они приедут только в воскресенье. На столе стоял его обычный завтрак — простокваша, сливки, булка. Это был раз навсегда заведенный порядок: утром Василий Федорович работал над своей книгой, и его не беспокоили.

Умываясь, бродя по обширному кабинету, Василий Федорович старался не замечать испарины на лбу, перебивчивого пульса, подозрительной слабости в руках. В последнее время он все чаще ловил себя на том, что совсем по-ребячески пытается забывать о своем возрасте. Как будто можно было помолодеть, не думая о старости! А старость все равно напоминала о себе: то таким вот сердечным припадком, то приступом черной меланхолии, то усталостью, хотя, казалось, уставать было не от чего.

Он продолжал спорить сам с собою, что, в сущности, не так уж стар. Среди его друзей в академии были люди, и в восемьдесят и в девяносто лет продолжавшие трудиться и причинявшие своим противникам по научным воззрениям немало хлопот. Они до сих пор называли Василия Федоровича Васей и снисходительно похлопывали по плечу, считая чуть ли не мальчиком. Но Василий Федорович, завидуя им, невольно испытывал боязнь, что ему не дотянуть до их лет. И эта боязнь вместе с сожалением о том, как много еще не сделано, действовала на сердце хуже всякой болезни.

Он сел к столу, на котором лежала недавно начатая рукопись. В этой книге Василий Федорович хотел подвести итоги всей своей деятельности. Он умрет, но книга еще долго будет служить людям, собирая вокруг себя его друзей и последователей, вызывая на споры и размышления. И, может быть, придет время, когда идеи академика воплотятся «в пароходы, в строчки и в другие долгие дела», как говорил Маяковский. Василию Федоровичу это воплощение виделось в новых зданиях энерготехнологических комбинатов, которые поднимутся вместо привычных электростанций, в измененном облике металлургических заводов, в чистом небе над городами, в больших зимних садах, цветниках в любой точке нашей страны. Мечты Василия Федоровича были весьма обширны, и он часто задумывался о новой технической революции, активным участником которой себя ощущал.

Едва он вспоминал о своем предложении — он не боялся говорить: об открытии, — хотя оппоненты упорно отрицали его право говорить так, — к нему неизменно приходило то рабочее настроение, когда мысль становится взволнованной, когда рука словно сама собой скользит по бумаге и перо не успевает записывать льющиеся потоком слова. Это было самое лучшее ощущение в жизни, только из-за него и стоило жить. И Василий Федорович, взяв чистый лист, размашисто написал:

«Век раздельного производства электрической энергии и промышленной продукции кончается. Наступает эпоха объединения этих двух процессов, и вновь созданные энерготехнологические комбинаты наравне с электричеством будут производить смолы, искусственный газ, пластмассы, горючее, различные металлы, цемент, лаки и краски, минеральные удобрения и ароматические вещества. И все это даст то самое топливо, которое сейчас просто сжигается в топках для производства энергии...»

Он поправил несколько букв, которые показались ему неясными, и долго смотрел на написанное. До сих пор он только думал этой фразой, изредка произносил ее, но никогда не видел написанной. Она должна была заканчивать рукопись, к созданию которой Василий Федорович готовился почти двадцать лет.

На мгновение ему показалось, что во фразе чего-то еще не хватает, какого-то маленького довеска, разъяснения. Может быть, следовало сказать, что, несмотря на развитие атомной промышленности в мирных целях, обычное топливо еще много десятилетий будет служить основным источником для добывания электрической энергии. А сколько его будет сгорать в топках промышленных предприятий, в доменных печах? Между тем его метод позволит добывать металл прямым путем, посредством применения пылевидного топлива и размельченной руды, без доменных и коксовых печей, а любая, даже маленькая электростанция с паровым котлом позволит снабдить искусственным газом близлежащие пункты. Можно было бы сказать и о том, что автомобили будут двигаться при помощи сжатого и сжиженного газа и над городами вновь откроется ясное небо, ныне застланное пеленой копоти, замаранное сажей, замутненное выхлопными газами машин. Впрочем, все это он скажет в предпосылках и доказательствах. Как завершающая книгу о новой технической революции фраза была вполне уместна и точна.

Ему вдруг захотелось увидеть ее напечатанной, поспорить с оппонентами, доказать ее справедливость. Сейчас, на чистом листе бумаги, она выглядела сиротливо и беззащитно.

Ученый вздохнул, смял листок и бросил под стол. На столе остались начальные страницы рукописи, картотека с расчетами и цитатами из чужих работ — эти цитаты еще надо опровергнуть! — и чертежи первого энерготехнологического комбината, строительство которого все откладывается. До последней фразы было далеко, записывать ее не требовалось, Василий Федорович помнил ее наизусть.

Но рабочего настроения не было. Он сидел, подперев голову руками, и думал о том, что уже стар и, наверно, не увидит воплощения своих замыслов. И вся его долгая и такая рабочая жизнь вдруг показалась ему бесплодной...

К исполнению своей мечты, к осуществлению ее в расчетах и чертежах он шел много лет, порой блуждая, сворачивая, попадая в тупик. Впервые идея создания простейшего энерготехнологического комбината родилась больше двадцати лет назад. Выраженная кратко, она обозначала: перед сжиганием топливо должно быть нагрето, из него извлекаются все ценные продукты, оставшийся кокс сжигается в топке электростанции, а зола используется для производства цемента. В результате этого объединения процессов расход запасов топлива уменьшится в два — три раза, а количество продукции неизмеримо возрастет. Надо было только найти способ такого предварительного нагрева.

Но к тому времени, когда он разработал чертежи своих установок, когда он начал свои первые опыты, оказалось, что он постарел. Собственно, даже не постарел, а устал. Все труднее и труднее становилось спорить и доказывать, все сложнее становились сами опыты, а противниками владело старое представление о том, что никому еще не удавалось создавать подобную установку, значит, не удастся и ему. Так просто объявить чужую

работу еще одной несбыточной фантазией, попыткой создать перпетуум-мобиле!

И он начал отступать. Он уже не помнил, когда ступил на эту позорную, но легкую дорогу. Может быть, в тот день, когда ушел с дискуссии в академии, оскорбленный грубым недоверием, или в тот раз, когда взял из журнала свою статью, узнав, что редакция собирается опубликовать ее с примечанием о спорности вопроса, а может быть, тогда, когда отказался переписать «Проблемную записку» для министерства, так и оставив в ней все запальчивые и резкие выражения, хотя ближайший его помощник Павел Игнатьевич совершенно резонно — теперь-то академик соглашался с ним — заметил, что брань еще не доказательство. Во всяком случае, произошло непоправимое. Он свернул работу лаборатории, а противники только и ждали этого отступления, и вот уже его главного помощника нет в лаборатории: перешел на партийную работу,— а остальные его ученики доделывают «хвосты» и даже не торопятся навестить своего учителя. Так он сам, своими руками пустил собственную идею плыть по течению, а течения в науке капризны, они могут вынести ее и на отмель, вместо того, чтобы протолкнуть в широкую реку общественного внимания.

Теперь остается только одно: написать книгу и оставить ее вместо завещания. Может быть, кто-нибудь из молодых подхватит его мысль и доведет ее до осуществления. А сам он устал...

Он поднялся из-за стола и вышел через застекленную веранду в сад.

В доме уже все встали. Там начался обычный день: что-то пекли и жарили, дым из кухонной трубы пахнул сладко и душисто.

Старый академик медленно шел по саду, выбирая те дорожки, что были подальше от окон. Внешне он оставался все таким же стройным, прямым, высоким, каким помнил себя с юности. Новой в нем была лишь та осторожность, с какой он двигался, и та боязнь людей, которая заставляла его сторониться знакомств. И, может быть, еще одно, в чем он боялся признаться даже себе,— отказ от пропаганды своей идеи. А между тем, размышляя о прожитой жизни, он понимал, что эта идея и была тем главным, из-за чего стоило жить. Звание академика он получил за другие работы, но наиболее совершенной и, может быть, самой большой была именно та, которую он хоронил теперь в книге. Ибо, когда он хотел быть злым к себе, он не мог не признаваться, что это именно похороны, пусть по самому высокому разряду.

Забывшись, старик пробормотал вслух ядовитое ругательство, относившееся, как ему казалось, к противникам, хотя ему тут же пришло в голову, что так могут обругать его самого те, кто прочтет когда-нибудь его книгу. Что же, скажут они, сам-то ты испугался, что ли, что заставил нас расхлебывать эту кашу, когда у тебя и справок не навести? Прикажешь теперь пойти на Новодевичье кладбище и постучать камешком о твой памятник: не выйдет ли твой слабый дух на поверхность? Василий Федорович поморщился и заторопился по дорожке туда, где за ягодными кустами начиналось царство цветов.

Василий Федорович давно прилепился всей душой к этим прекраснейшим созданиям природы. Кто знает, может быть, именно быстротечность их жизни и кратковременная, но великолепная красота цветения и привлекали внимание старика? Он не задумывался над этим. Он просто любил цветы, выводил новые сорта, сам копался в грядках, хотя с каждым годом физические усилия давались все труднее и труднее, и безмерно гордился своими гладиолусами, которых насчитывал больше ста сортов.

Цветы успокаивали его. И на этот раз он озабоченно склонился над больным цветком, размышляя, срезать ли его или попытаться вылечить. Это был голубой гладиолус, достаточно редкий, чтобы потрудиться над ним. Он слышал хруст гравия, которым была усыпана дорожка, но даже не обернулся на звук шагов, вспоминая разные способы лечения цветов. Короткая тень упала на цветы, и голубой гладиолус потемнел, стоявший рядом алый стал красным. Василий Федорович и так знал, кому принадлежит эта тень-коротышка. И,

14 мая 1956 года исполнилось пятьдесят лет со дня рождения узбекского поэта и драматурга Уйгуна.

АХ, КАКОЕ ВДОХНОВЕНЬЕ!

УЙГУН

Петухи об утре прокричали,
Побледнели в небе лики звезд.
Засверкали, загорелись дали,
Будто там павлин расправил хвост.

Будто в далях — пышный хвост павлиний,
Будто разливает высота
Золотистый, изумрудный, синий,
Прочие оттенки и цвета.

Воздух льется, блещет многоцветный:
Бронзовый, зеленый, голубой.
Мне в окошко ветерок рассветный
Постучал, сказал: «Лети со мной!»

Из окна я выглянул, и ветер,
Растрепав мне волосы, исчез.
Гаснут, тают звезды на рассвете,
«До свиданья!» — мне кричат с небес.

Я гляжу на светлое рожденье
Молодого, солнечного дня.
Ах, какое утром вдохновенье!
Ах, какая радость у меня!

Перевел с узбекского
Николай УШАКОВ.

лишь разрыхлив землю вокруг больного цветка, он поднял голову.

Толстяк-доктор стоял рядом, широко расставив ноги, и смотрел, как руки ученого, все в темных венах, бережно рыхлили землю.

— Опять микстуры? — с вежливой иронией спросил ученый, втыкая огородную лопатку возле дорожки, чтобы легче было ее найти потом.— Вам еще не надоело?

— А мы попрежнему пренебрегаем советами врача и лечим больное сердце физической работой? — сердито спросил доктор и, ловко поймав руку Василия Федоровича, сразу нащупал пульс.— Ну вот,— недовольно поморщился он,— девяносто ударов! В такую жару нам лучше сидеть дома!

— Сидеть лучше, чем стоять, лежать лучше, чем сидеть! — передразнил его Василий Федорович.— Но если все будут лежать, кто станет работать?

— Мы в плохом настроении? — бесцеремонно спросил доктор.

— Да! — ответил Василий Федорович.

Впрочем, он покорно зашагал рядом с доктором, невольно разглядывая ползущие впереди тени: длинную и узкую, как лента, свою и кругообразную спутника. Ему вдруг, как в детстве, захотелось увидеть свою тень в профиль. Он даже сделал попытку остановиться и повернуться, косясь глазом; тень тоже повернулась. Доктор недовольно замедлил шаги.

— Иду, иду! — проворчал Василий Федорович.

Его раздражала опека доктора, его привычка говорить о пациенте от собственного лица и во множественном числе: «Мы примем это лекарство!», «Сегодня нам лучше!»,— и Василий Федорович со злостью думал, что этому толстому, здоровому человеку кажется, будто он очень остроумен. Но он, наверно, не ошибется и не скажет в последний час: «Мы вместе ляжем в могилу!»,— а хладнокровнейшим образом спровадит туда его одного. Он угрюмо сказал:

— Даже тень рядом с вашей кажется старой...

— Ничего, мы еще растолстеем и станем выглядеть молодцом,— равнодушно утешил его доктор.

— Одного не понимаю,— вдруг с осуждением сказал Василий Федорович,— как это произошло, что мы, ученые, создатели технических наук, за какие-нибудь сто лет проникли в самые сокровенные тайны мироздания, заставили служить человечеству сначала пар, затем электричество, газ и даже атом, а вы, медики, до сих пор врачуете человечество по методу Гиппократа? А ведь мы дали вам сначала микроскоп Левенгука, потом электронный микроскоп, радиевые излучения, меченые атомы. Вы же попрежнему пичкаете больных лекарствами типа «Каскара саграда» — слабит легко и нежно!»,— как писали еще в дореволюционной «Ниве». Кстати, что такое эта «Каскара саграда»?

— Ольховая кора,— невозмутимо сообщил доктор.

Он так давно лечил Василия Федоровича, что в совершенстве изучил его характер. Не надо противоречить, и он сразу успокоится.

— И чем же вы собираетесь отравлять меня сегодня? — не скрывая своего раздражения, спросил Василий Федорович.

— А мы сначала подышим кислородом, чтобы освежить легкие. Вам, небось, хочется со мной доругаться, а одышка не дает? — лукаво спросил доктор и, уловив сердитый взгляд своего пациента, добавил: — Ничего, ничего, если не со мной, так с кем-нибудь поругаетесь! Это необходимо для нервов, как моцион для пищеварения! Затем мы выпьем успокоительного, полежим часок в постели и снова возьмемся за работу...

Василий Федорович не ответил на вызов, хотя мог бы сказать, что доктору хорошо известно, как плохо подвигается его работа. И ругаться ему не с кем. Его как будто забыли, никому он не нужен. Конечно, он получает всяческие билеты и повестки на заседания и совещания, но если он не приходит, никто не справляется, почему он не был и каково его мнение по обсуждавшемуся там вопросу. Вот и в плане работ академии для его лаборатории оставлены какие-то прошлогодние огрызки, занятий над которыми хватит едва ли на два — три месяца, между тем как все другие ученые жалуются на перегрузку новыми темами. Одним заказаны новые сплавы с заранее определенными их качествами, другие ринулись в глубины внутриатомной физики и химии, третьи привлечены к созданию гидротурбин небывалой мощности, только у Василия Федоровича никто не спросил, над чем он хотел бы работать. А между тем у него есть мысли и относительно этих гидротурбин, например, ему кажется, что пришло время вообще менять эту конструкцию; сколько можно увеличивать их вес и размер лопаток? Наступит же когда-нибудь предел вязкости металла? Почему бы не попробовать поставить вместо цельнолитых валов сварные конструкции? Впрочем, о чем это он? Там, в академии, наверно, решили, что после провала своей энергоустановки он вообще стремится уйти от дел, вот и оставили его в покое, как и надлежит поступать со вздорными стариками...

Доктор искоса взглянул на пациента. Раньше упоминание о работе оживляло Василия Федоровича. Сегодня его лицо осталось замкнутым.

Врач знал, как опасно при лечении смешивать лекарства с сочувствием к пациенту. Недаром же испокон веков доктора не лечат своих родственников и близких. А он наблюдал за здоровьем Василия Федоровича так давно, что не только привык, но и полюбил

ворчливого старика. И вместе с ним тоже сетовал на то, что старого академика словно забыли, хотя отлично знал: любое волнение для его пациента опасно. Но сейчас врач проникался мыслями пациента, сочувствовал ему, забывал о том, что сам же постоянно докладывал о состоянии больного: нужен полный покой! И если бы кто-нибудь попытался нарушить покой Василия Федоровича, он немедленно пресек бы такое вмешательство...

Задержавшись немного, доктор шел за больным, наблюдая за его усталой походкой, отмечая, что Василий Федорович шаркает ногами, что его спина согнута, голова опущена. Вид больного ему не нравился. Следовало прописать постельный режим...

Они поднялись на ступени веранды, из окон которой под напором ветра вырывались похожие на воздушные шары парусиновые занавеси. Вдруг ученый остановился.

У ворот, в конце длинной аллеи, обсаженной гладиолусами, резко затормозила «Победа». Распахнулась дверца, и из машины вылез молодой человек в летнем костюме, без шляпы, с таким загорелым лицом, что его можно было признать за узбека, если бы не нос картошкой и не выгоревшие брови. Он поспешно шел по аллее, еще издали помахивая рукой, чтобы привлечь внимание хозяина.

— Василий Федорович! — воскликнул внезапный посетитель и бегом взбежал на ступени веранды.

— Павел Игнатьевич? — удивленно произнес хозяин и сейчас же насупился.

Это посещение было так далеко от того, чего он желал бы! После того, как Павел Игнатьевич перешел на партийную работу, академик вычеркнул его из списка своих последователей. Вот уж действительно кого он не ждал увидеть!..

— Ну что ж, рассказывайте! — с чуть заметным неодобрением сказал хозяин, проходя на веранду.

Он опустился в плетеное кресло, и гость уселся напротив, за круглым столиком. Академик внимательно оглядел его: брюки помяты на коленях, на светлом пиджаке пятна, на подбородке двухдневная щетина. Павел Игнатьевич поежился под колючим взглядом старика и торопливо объяснил:

— Я прямо из аэропорта. Обследовали строительство на Ниме.

— Побриться все-таки не мешало бы, — проворчал хозяин, но голос его смягчился.

— Василий Федорович, а процедуры? — напомнил врач. Он надеялся, что режим дня удастся сохранить.

Академик, не глядя на него, ответил:

— Потом, потом...— Он что-то усиленно вспоминал, морща тяжелую белую бровь над правым глазом. Так, видимо, и не вспомнив, безразлично спросил: — Ну и что там, на Ниме?

— Строительство электроцентрали! — сказал гость.— Вы еще подавали докладную записку в министерство о том, что ее следует строить на горючих сланцах,— напомнил он.

— Мало ли докладных я подавал! — хмуро ответил хозяин.— Если бы их все собрать и переплести, получилось бы полное собрание сочинений, да жаль, в Толстые не вышел...

Однако за этой сердитой отговоркой и гость и доктор услышали внезапный интерес и все то же мучительное желание припомнить нечто важное. Да и лицо старика, прежде замкнутое, словно застывшее, теперь меняло выражение в зависимости от того потока мыслей, что пробегали под этим широким лбом. Вдруг оно посветлело, неожиданный румянец слабо окрасил щеки, старик легко вздохнул и неприметно улыбнулся. Было понятно, он что-то вспомнил, но не хотел говорить об этом. Доктор насупился и сел поодаль. Он понял, что потерял свою власть над пациентом.

— Так что же все-таки на Ниме? — прежним ворчливым тоном переспросил академик, но теперь и голос был иной, наполненный живыми красками.

— Электростанцию предложено построить на сланцах,— сказал гость, испытующе глядя на хозяина.— В министерстве согласились с вашим предложением.

— Не знаю, не знаю,— неестественно равнодушным голосом ответил академик.— Со мной, по-моему, никогда еще не соглашались.

— Согласились, Василий Федорович, согласились! — значительно произнес гость, но хозяин молчал. Тогда гость, как бы перебарывая молчание, резко добавил: — Предложено строить опытный энерготехнологический комбинат по вашей системе!

Он исподтишка взглянул на хозяина и пожал плечами. Василий Федорович не шелохнулся. Павел Игнатьевич впервые подумал, что старик сдает. Вот даже осуществление его долголетнего труда не вызвало у старика ни радости, ни возбуждения. А жаль, старик мог бы помочь строителям и новыми мыслями и своими многолетними опытами. Гость опустил голову и принялся разглядывать пятно на брюках. Костюм был окончательно испорчен за время поездки.

— Что же вы замолчали? — ровным голосом спросил Василий Федорович.— Продолжайте!

— Мы подсчитали, что при вашем методе сжигания сланца можно пятьдесят процентов топлива перевести в газ и в химическую продукцию, а мощность электростанции останется той же...

— Шестьдесят! — строго сказал академик.— Кстати, кто это мы?

— Ну, сотрудники вашей лаборатории, партийная организация, я, наконец.

— Так,— тем же ровным голосом продолжал старик.— А обо мне вы забыли?

— Вы же больны! — с упреком сказал гость.

Доктор уловил, что академик становится все более злым. Как видно, гость рассердил старика. Все остальное прошло мимо внимания

доктора. Но гневливое настроение противопоказано пациенту, это доктор помнил. Поэтому он встал, осторожно дотронулся до плеча Василия Федоровича и напомнил:

— Пора на процедуры!

На этот раз он не рискнул применить привычное множественное число. Лицо старика странно просветлело. Вероятно, такие лица бывают у великих людей, но доктор никогда не видел великих людей и не знал, как они выглядят. Он только боялся какого-нибудь взрыва со стороны своего строптивого пациента и пытался отвлечь его внимание от посетителя.

— Доктор, голубчик, идите вы, пожалуйста, в комнаты! — вдруг совсем не сердито, а скорее умоляюще сказал больной.— Там жена чай приготовила, пироги испекла, с утра по всему саду запахи разносились. А нам еще надо потолковать немного.

— Знаю я ваше немного! — с досадой сказал доктор.— Только я выйду — и двери на замок! А потом крик, сердечный припадок, и я же возись с вами! Вам надо отдохнуть!

— Крика не будет! — резче и настойчивей сказал ученый.— Когда мы закончим разговор, я вас сам позову!

И столько неожиданной силы было в его взгляде, что доктор пожал плечами и пошел к выходу, оглянувшись на гостя, который спокойно сидел, не поднимая головы. Доктор еще стоял за дверью, когда Василий Федорович жестом пригласил гостя в кабинет и повернул ключ в замке.

— Вот так-то лучше,— хитро подмигнул он.— А то никогда не дадут спокойно поработать! — И вдруг сердито сказал: — Так вы думаете, что добились максимума? Нет, дорогой, мой. То, чего вы добились, пустяк! Начало! А нам надо подумать о том, что пора все электростанции превратить в энерготехнологические комбинаты. Вот тогда мы получим свыше 20 миллиардов кубометров высококачественного газа и значительное увеличение химической продукции!

Доктор, все еще боявшийся за своего пациента, вышел в сад другим ходом. Когда он заглянул в окно кабинета, откуда доносился ворчливый голос академика, он увидел, как хозяин и гость ползают под столом. Академик бормотал:

— Понимаете, бросил, думал, долго еще не пригодится! Ищите, ищите, он где-то тут!

Гость поднялся с листом бумаги в руке. Академик взял со стола очки, взглянул:

— Этот самый! Читайте! — и продекламировал сам, с особой твердостью произнося каждое слово: — «Век раздельного производства электрической энергии и промышленной продукции кончается. Наступает эпоха объединения этих двух процессов, и вновь созданные энерготехнологические комбинаты наравне с электричеством будут производить смолы, искусственный газ, пластмассы, горючее, различные металлы, цемент, лаки и краски, минеральные удобрения и ароматические вещества. И все это даст то самое топливо, которое сейчас просто сжигается в топках для производства энергии...» Ну, как? Ничего? А вы, может, думали, что старик даром ел хлеб, пока вы там за него работали? — Он хитро улыбнулся и подмигнул Павлу Игнатьевичу.— А я между тем многое уже обдумал! — похвалился он, словно и забыв о том отчаянии, которое испытал сегодня утром.— Вот с этой самой фразы мы и начнем нашу «Проблемную записку» и направим ее прямо в Совет Министров. И говорить мы станем не об одной Нимской электростанции, а о полном переустройстве всего энергетического хозяйства страны...

Павел Игнатьевич молчал, покачивая головой. Он с удивлением думал о том, как просто и спокойно старик дал новое значение фактам, которыми Павел Игнатьевич хотел удивить учителя. Сам Павел Игнатьевич никогда не рискнул бы заглядывать так далеко!

Академик диктовал первые фразы «Записки», а молодой ученый старался поспеть за ним. Старик вдруг сказал:

— Добавьте: «...этот новый процесс в ближайшее время разовьется во всем мире...» А относительно возраста — все это глупости. Я еще сам увижу этот век!

— Записывать? — недоуменно спросил Павел Игнатьевич, следя глазами за академиком, ходившим из угла в угол.

— Нет, это я о докторе. Он дает мне один — два года, а мне нужно не меньше десятка лет! Но это уж я сам как-нибудь устрою,— непонятно ответил Василий Федорович и добавил: — Пишите, пишите!

Академик ходил наискось по кабинету большими шагами, выпрямившись, заложив руки за спину, и диктовал, диктовал, так что Павел Игнатьевич только умоляюще вскрикивал: «Подождите, я еще не записал!»

Доктор смотрел в щель между занавесями и не узнавал своего больного.

ЧТО НОВОГО

Л. ТЮРИНА

Бродвей — одна из самых шумных улиц Нью-Йорка, улица рекламы, торговых, зрелищных, питейных заведений. Но когда вас спрашивают, что нового на Бродвее, это прежде всего означает: что нового в нью-йоркских театрах.

В свое время в центральной части Бродвея и на прилегающих к нему сороковых и пятидесятых улицах было сосредоточено до 80 театров. За последние два десятилетия число их сократилось почти втрое: одни театры были вытеснены более богатыми кино и телевизионными студиями, другие переселились в Даунтаун, где живет трудовая публика. И все же Бродвей остается центром театральной жизни Америки.

Итак, что же нового на Бродвее?

В начале сезона здесь выступал французский театр «Комеди Франсез», впервые посетивший Америку. Показал свои спектакли английский театр Браттл. Недавно закончил гастроли французский комик Марсель Марсо...

Однако подлинной «новинкой» этого сезона было то, что на подмостках бродвейских театров появилось несколько пьес, затрагивающих большие социальные вопросы. Необычайный успех, который имели эти пьесы у зрителей, дал повод театральным критикам заговорить о возрождении в Америке «театра идей».

Владельцы варьете и различных «шоу» обычно говорят, что «на сценах Бродвея всё может быть голым, кроме идеи». Бизнесмены от искусства создали даже теорию, по которой серьезная пьеса никогда не будет рентабельной. Небезызвестный в США театральный критик Уолтер Керр выступил с трактатом «Как писать пьесы», в котором предписывалось, что пьеса, рассчитанная на успех у зрителя, должна быть прежде всего... безидейной.

Второразрядные драматурги, следуя этому рецепту, изготовляли в большом количестве пустые, стандартные пьески, быстро сменявшие друг друга. Однако залы пустовали. Драматический театр переживал в США затяжной кризис. Критики объясняли это засилием телевидения. Однако театральный сезон нынешнего года принес полное посрамление такому объяснению.

В этом сезоне была поставлена в театре Буфф замечательная пьеса ирландского драматурга Шона О'Кейси «Красные розы для меня». По общему мнению, появление этой пьесы на Бродвее еще два года назад — во время разгула маккартизма — было бы совершенно немыслимо.

Драма повествует о дублинской забастовке транспортных рабочих 1913 года. Сюжетная линия ее не сложна: главный герой — молодой рабочий Айямон — жаждет знаний и большого счастья, он любит жизнь и, конечно, любит девушку. Девушка тоже любит Айямона и тоже стремится к счастью, но только к маленькому счастью для двоих. Ради этого она пытается толкнуть Айямона на путь штрейкбрехерства. Тогда Айямон отвергает ее любовь. Он говорит:

«— Оставь для робких путь, на котором растут блеклые цветы. Я пойду дорогой, где цветут красные розы, хотя они и усеяны острыми шипами».

Айямон гибнет: его убивают при разгоне митинга. Но, несмотря на трагическую развязку, пьеса пронизана светлой верой в будущее счастье людей.

В третьем действии пьесы есть «песня о счастливом городе». Бастующие рабочие поют:

«Наши руки будут тянуться
к работе,
Пока мечта не расцветет
в тебе...
Мы избавим тебя от невзгод
и мучений,
От уродства, низости,
нищеты,—
Сообща построим чудесный
город,
Прекраснейший из всех на
земле».

«Красные розы» были исключительно тепло встречены нью-йоркской публикой. Пьеса ставилась по 8 раз в неделю, достать билеты было почти невозможно. Зрители горячо аплодировали постановке, игре актеров, горячим словам о братстве и солидарности, вложенным автором в уста героев.

Некоторые буржуазные критики пытались исказить идею драмы и приписать О'Кейси чуждый ему «мистицизм». Но и они после «Красных роз» вынуждены были признать О'Кейси «крупнейшим из живущих драматургов». Один критик справедливо объяснил необычайный успех пьесы тем, что в ней «искусство схватило самую квинтэссенцию жизни». В нью-йоркских газетах можно было прочесть и много восторженных писем читателей, просмотревших «Красные розы». Автор одного письма говорит: «Пьеса О'Кейси доходит до самого сердца. Она прославляет такие дорогие сердцу «старомодные» вещи, как поиски истины, идеалы маленьких людей. Это гимн таким добродетелям, как любовь, смелость и верность»...

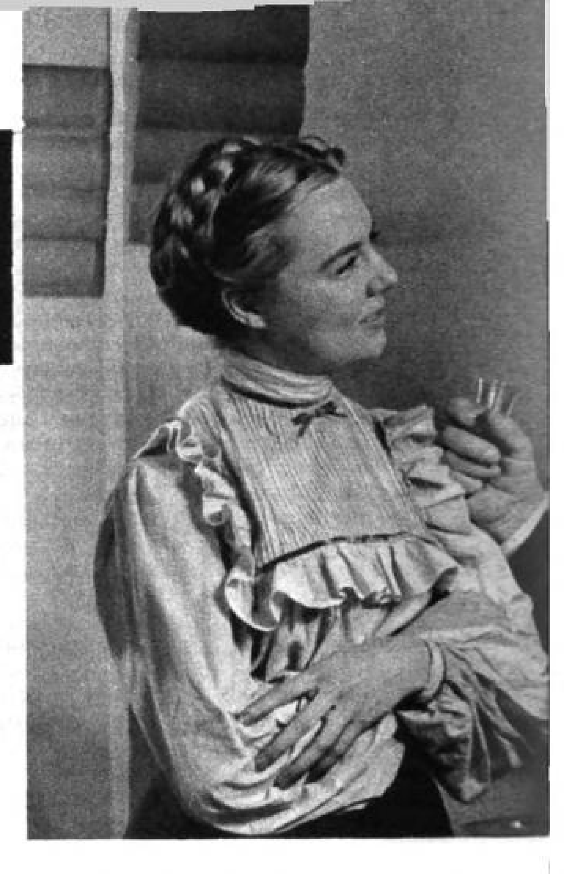
На Бродвее была поставлена (в театре Коронет) и пьеса Артура Миллера «Вид с моста». В ней также в центре поставлена тема верности, хотя решается она как бы методом «доказательства от противного». Главный герой пьесы, Эдди Карбон, влюбленный в свою воспитанницу, в припадке ревности выдает полицейским властям своего соперника Родольфо, которому он сам же помог перебраться без визы в Америку из голодающей сицилийской деревни. Родольфо и его товарищей арестовывают и готовятся выслать. Все друзья и соседи Карбона — портовые рабочие из итальянского предместья Ред Хук у Бруклинского моста — отворачиваются от Карбона, как от иуды. Родной брат плюет ему в лицо. Во многом пьеса созвучна «Красным розам» О'Кейси. Успех ее у зрителей был также велик.

«Дневник Анны Франк». Четвертая слева — актриса Сюзен Страсберг в роли Анны.

Сцена из пьесы «Пожнешь бурю».

Пегги Маккей в роли Сони и Франкот Тоун в роли Астрова в пьесе Чехова «Дядя Ваня».

НА БРОДВЕЕ

Список серьезных, идейных пьес, пробивших себе дорогу на Бродвей, на этом не кончается. В этом же ряду идут пьесы: «Тигр у ворот» французского писателя Ж. Жироду, «Меловой сад» английского драматурга Э. Багнольда и «Дневник Анны Франк» (инсценировка Гудрич и Хакет).

Эти пьесы непохожи одна на другую, и в то же время в них есть общее. По выражению одного критика, все они «говорят зрителю нечто важное о мире, в котором мы живем», и каждая «своим особым путем снова превращает театр в храм искусства, каким он и должен быть». Характерно, что пьесы эти до нынешнего сезона отвергались директорами бродвейских театров как «нерентабельные»: постановка их рассматривалась как неоправданный коммерческий риск. Но именно эти пьесы принесли подлинный успех и актерам и постановщикам, успех не только профессиональный, но и кассовый.

В «Тигре у ворот» — пьесе, написанной Жироду еще до первой мировой войны,— действуют герои Илиады. Гектор возвращается из похода и узнает, что «тигр войны снова у ворот города». Гектор, возненавидевший войну за бессмысленные страдания, которые она приносит людям, клянется, что «Троянской войны не будет». Он делает все, чтобы мир был сохранен, изобличает тупость, низость и подлые стремления людей, толкающих страну к войне. Сила и злободневность пьесы „в том, что она заставляет зрителя задуматься над проблемой войны и мира.

«Дневник Анны Франк», пьеса, поставленная в театре «Корт»,— это инсценировка подлинного дневника 15-летней девочки, погибшей в фашистском лагере смерти. На сцене мы видим восемь очень разных по характеру людей, скрывающихся на чердаке от гитлеровских оккупантов. Рядом со страхом смерти в этих людях живут любовь, мечты и надежды. Авторы инсценировки сумели передать тонкую поэзию детского восприятия жизни. Пьеса кончается словами дневника: «И все-таки я верю, что люди хорошие».

Роль главной героини, Анны Франк, прекрасно исполняет талантливая 17-летняя актриса Сюзен Страсберг. История американского театра не знает случая, когда в таком раннем возрасте актриса после исполнения своей первой роли получила бы общее признание и заняла бы заметное место среди «звезд» Бродвея...

Наконец, нельзя не упомянуть о пьесе молодых американских драматургов Лоуренса и Ли — «Пожнешь бурю». Она, правда, не является новинкой сезона: пьеса идет в Национальном театре второй год подряд, и прошел уже 400-й спектакль.

Пьеса рассказывает о пресловутом «обезьяньем процессе», который тридцать лет назад возмутил передовых людей всего мира: в американском штате Теннесси судили тогда учителя биологии за преподавание теории Дарвина. Постановка этой пьесы знаменательна еще и тем, что в ней впервые после долгого перерыва появился на сцене выдающийся актер Поль Муни. Муни известен как создатель ярких образов Луи Пастера, Эмиля Золя и Дон Хуареса в одноименных кинофильмах. В театральных кругах Америки его считают одним из наиболее талантливых и принципиальных служителей подлинного искусства. По творческому методу он очень близок к Станиславскому. За свою долгую жизнь актера (Муни начал играть 12-летним мальчиком, в 1907 году) он неоднократно отказывался от крупных заработков, требовавших от него сделки с совестью художника. Однажды Муни разорвал договор с голливудской фирмой на несколько миллионов долларов после того, как ему была предложена роль в гангстерском фильме вместо роли Бетховена, о которой он мечтал.

Десять лет назад Муни бросил играть, предпочитая уединение в своем домике в Калифорнии безвкусице и пошлости, царившим на Бродвее и в Голливуде. Но он вернулся на сцену, когда Национальный театр предложил ему сыграть главную роль — адвоката Дарроу — в пьесе «Пожнешь бурю».

В нынешнем сезоне в бродвейских театрах было поставлено и несколько комедий: «Не время для сержантов», «Автобусная остановка» и другие. Наконец, недавно состоялась премьера мастерски поставленной музыкальной версии комедии Бернарда Шоу «Пигмалион».

Заметно повысился интерес театров и публики к классике, в частности к Шекспиру. В театре Феникс с успехом идет пьеса Тургенева «Месяц в деревне», прекрасно поставленная английским актером и режиссером М. Рэдграйвом.

Тяга к хорошим, содержательным пьесам еще резче выявилась во «внебродвейских» театрах, которые долгое время были прибежищем подлинного театрального искусства в США. Эти маленькие театры здесь в шутку называют «субсидируемыми»: получая ничтожную плату, артисты как бы «субсидируют» театры из своего кармана, чтобы иметь возможность играть то, что они хотят, и так, как они хотят. Билеты здесь в 3—4 раза дешевле, чем на Бродвее. Поэтому в залах совсем другая публика.

В «Театре 4-й улицы» второй год ставятся только чеховские пьесы. Сейчас там идет «Дядя Ваня». Роль Астрова исполняет Франкот Тоун. Много лет он снимался в Голливуде в ковбойских фильмах. Желание создать настоящий образ привело его из Голливуда в маленький театр на окраине Нью-Йорка. И он действительно сыграл Астрова так, что критики раскрыли рты от удивления. Весь коллектив артистов вложил в постановку чеховской пьесы много труда, любви и таланта.

Прогрессивные деятели американского театра, с которыми нам довелось беседовать, считают нынешний сезон на Бродвее знаменательным. Однако они предпочитают не делать обобщений, опасаясь, что новые веяния могут оказаться недолговечными. С этим мнением трудно не согласиться, особенно если учесть, что вокруг прогрессивных драматургов, режиссеров и артистов попрежнему создается атмосфера недоброжелательства и травли. К тому же в большинстве бродвейских театров попрежнему ставятся по преимуществу пустые и пошлые пьесы.

Так или иначе, нынешний сезон показал, что бизнесмены от искусства, отстаивая пустоту и безидейность, клеветали на американского зрителя, отрицая в нем здоровый вкус и здравый смысл. Зритель сказал свое слово, поддержав со всей искренностью настоящий идейный театр.

Нью-Йорк, апрель.

Поль Муни в роли адвоката Дарроу.

Джозеф Шильдкраут и Сюзен Страсберг в пьесе «Дневник Анны Франк».

ЛУКЕРЬЯ ТЕРЕНТЬЕВНА

З. ХИРЕН

1

Вскоре после приезда из Москвы делегат XX съезда партии Лукерья Терентьевна Крит шла из райкома партии к себе домой, на хутор Безымянный.

Высокая, плечистая, в длинном синем пальто с черным меховым воротником, в пуховом платке, завязанном большим узлом на затылке, Лукерья Терентьевна шагает по знакомой дорожке. Вновь и вновь обдумывает, что скажет, когда в воскресенье соберется колхозный актив, а сказать нужно много...

Никто из хутора Безымянного до этого на съездах партии не бывал. Лукерья Терентьевна первая. Все время там, в Москве, она старалась «прикинуть», что можно применить у себя дома из того, что услышала, записывала, хотелось уловить главное. Об этом главном думала затем в поезде, думала и теперь, шагая домой.

Метель не унимается, автомашины не ходят. Сугробы перемещаются с одного конца степи на другой, образуя то холмы с искрящимися на солнце вершинами, то белые гофрированные дюны. Снегу в этом году много, и Лукерья Терентьевна, как истая крестьянка, вместе со всеми радуется не нарадуется. Только бы все талые воды сохранить.

Летом так земля запекается, словно картошка на костре, смотреть тяжко. Трава под ногами хрустит, как битое стекло. А солнце палит и палит, и зерно иной раз так сожмется, словно под прессом побывало. Но и этого мало. Ветер развеет последние зернышки. Сорвешь колосок, смотришь, не колосок это вовсе, а колючая солома. Так и кажется, что бескрайние степи кричат: «Пить, пить!» А попробуй напои такие обширные поля! Десять тысяч гектаров пашни у колхоза «Заветы Ильича».

Станция давно осталась позади. Сквозь мглу видно, как идут и идут люди.

На съезде Лукерья Терентьевна почти все перерывы между заседаниями проводила среди украинских товарищей. Удивительного ничего в том не было. Она родилась на Украине и прожила там больше половины своей жизни.

Тянуло ее к землякам не только потому, что соскучилась по Украине. Было среди украинских делегатов немало колхозных вожаков, с которыми она до войны зачинала много славных дел. Хотелось повидаться с ними, посоветоваться.

Она все надеялась почерпнуть что-либо новенькое, а земляки норовили больше сами расспрашивать. Всем им было интересно узнать, как их землячка устроилась на Волге, председательствует там девятый год в одном и том же колхозе. И Лукерья Терентьевна все рассказывала и рассказывала. Она говорила по-украински, и обычно делегаты других областей подходили ее послушать, и уж, конечно, никому в голову не приходило, что эта женщина прибыла на съезд от саратовской организации.

— В нашем Заволжье...— скажет она.

— Как в Заволжье? — удивляются многие.

Она и сама долгое время удивлялась. Попав на хутор Безымянный в войну, во время эвакуации, надеялась затем вернуться домой, на Украину, в село Козино. Да не вышло. Уговорили остаться — и осталась. Поначалу считала, что смалодушничала, что должна была уехать с Заволжья, особенно после того, как муж погиб на фронте и дети умерли.

Осталась-то она на хуторе, чтоб работать зоотехником, да обстановка так сложилась, что надо было повсюду поспевать: всех мужчин забрали на фронт.

Рассказывая об этом на съезде землякам, Лукерья Терентьевна больше всего вспоминала о том, как бились со стихией, как сделали землю производительной, как перестали жаловаться на ее неудобства и, добросовестно обрабатывая, заботясь о почве, добились устойчивых урожаев.

Председательница одного из украинских колхозов, что неподалеку от района, где прежде жила Лукерья, выслушав все это, возьми и скажи:

— А не брешешь ты?

Лукерья Терентьевна покраснела.

— С какой же это стати?

— Да с такой, что не могли вы добиться таких результатов без людей, а их, сама ты сказала, раз, два — и обчелся.

— Да, мало,— подтвердила Лукерья Терентьевна,— но зато какие люди!

— Чем больше кошку гладишь, тем выше она горб подымает,— засмеялась в ответ ей землячка. — Зря ты, Луша, обиделась. Я к тому тебе сказала, чтоб прямее на дело смотрела. У нас, думаешь, все ладно? Мы тоже, было время, жаловались: людей нет, людей нет, а хорошенько поскребли — и нашлись люди, да сколько!.. Еще на один колхоз наберется...

Тут Лукерья Терентьевна должна была признаться, что они искали народ большей частью на стороне.

Больше всего страдал их колхоз от недостатка рабочей силы. Сколько бы тракторов и комбайнов ни было, но если на каждого трудоспособного приходится более пятидесяти гектаров пашни, тут спокойствие потеряешь.

В «Заветах Ильича» не переставали думать о том, где взять еще людей.

Как-то узнали, что в Курской области есть крестьяне, готовые переехать в Заволжье. Тотчас же послали им письмо, те ответили, что пришлют ходоков. Тогда стали всем колхозом готовиться к встрече. Отвели две избы, побелили, помыли полы, застелили кровати новыми простынями, накрахмалили тюлевые занавески, назначили кухарку и пекаря. Конечно, легче всего было в то время упрекнуть Лукерью Терентьевну в том, что она собирается охмурить переселенцев. Но такое могло придти в голову тому, кто привык к легкой, беззаботной жизни. А Лукерье Терентьевне ничего другого не оставалось, как всеми силами удержать в Заволжье людей. Ожидали, что приедет человек пятнадцать, а прибыло меньше. Пожили несколько дней, распрощались и сказали, что едут за остальными. Время шло, а никто не приезжал. Тогда Лукерья Терентьевна сама отправилась в Курскую область. Кое-кого уговорила. Вскоре отпросилась на несколько дней к себе на Украину. Дома, в Козино, ее встретили хорошо. Пригласили на правление, потом, когда заседание кончилось, стала рассказывать про свое Заволжье. Особенно не приукрашивала, но все же напомнила, что поблизости от них большой город Саратов, что там Волга, что по ней днем и ночью ходят пароходы. Некоторые заинтересовались, стали расспрашивать, нужны ли там люди. Лукерья Терентьевна обрадовалась. Но должно же так случиться: подошла в этот момент женщина и стала расспрашивать, где у них там, на хуторе, речка протекает. Лукерья в ответ опять про Волгу, а та все про свое, про речку. Опять Лукерья про Волгу. Не вытерпела женщина:

— Что ты мне: «Волга, Волга»! Отвечай: есть у вас речка, где белье стирать, где гусям и уткам плавать можно, ну, хоть такая, как наша Росавка, что ли?

Пришлось ответить, что речки на хуторе нет. Тут сразу все к ее рассказам остыли. Лукерья расстроилась и в тот же день собралась в обратный путь.

2

— Сыночки,— слышу я, переступая порог кабинета Лукерьи Терентьевны,— чего носы задираете? Или небо хотите вспахать? Того ни вам, ни людям не требуется. На фермах ждут, когда вы привезете корм коровам, а вас из парикмахерской не выманишь, не иначе, все разом жениться задумали.

— Не в том дело,— пытается перебить ее молоденький прицепщик, а самого от последних слов председательницы смех душит,— не в том дело, тетя Луша.

— А в чем же? — усмехается она.— Что же, спасибо тебе сказать за то, что совесть потерял?

Не любительница она отчитывать людей, но тут уж, как говорится, терпение лопнуло.

Парнишки рады бы поскорее уйти, да Лукерья Терентьевна, словно догадываясь об этом, не пускает.

Открывается дверь, и в комнату входит маленькая женщина в короткой черной жакетке. Поверх светлого клетчатого платка надета черная шаль с бахромой.

— В самый раз, Варечка, ты пришла,— встречает ее Лукерья Терентьевна,— а то вот целый час вдоль и поперек исповедую этих ребят, а до их душонок, вижу, не добраться мне. Может, ты, Варвара, поможешь, найдешь для них ласковое слово.

Доярку Варвару Рыбальченко многие, улыбаясь, называют «Дух противоречия». И действительно, дня не проходит, чтобы Варя не выражала решительного протеста по самым неожиданным поводам.

Вот и сейчас Лукерья Терентьевна объясняет ей, что ребята виноваты: из-за них коровы не получили во-время корм. А ведь кто-кто, а уж Варя из-за одной соломинки драться полезет. Все, что ее коровам положено, отдай сполна и во-время. Приготовились парнишки выдержать натиск Вари. Ничего не поделаешь, провинились! И вот, представьте себе, Варвара и не подумала их бранить.

— Что их винить,— прострочила она как из пулемета,— виновники не они. Есть виновники поважнее. Что, Луша, забыла, как нас район все подгонял: «Давайте все поля под хлеб, под хлеб»? Уши прожужжали: под хлеб, под хлеб, под хлеб! С утра до вечера только одно и слышно было. А с коровами как будет, никто не спросил.

...Когда Лукерья Терентьевна уезжала на съезд, у нее для огорчений причин не было. Прошедший год принес и ей и всему колхозу много хорошего. Начать с того, что урожай увеличили в три раза. Из всего того, что она слышала на съезде, Лукерья Терентьевна сделала для себя вывод, что только там дело спорится, где живут своим умом, где не стесняются в нужный момент отстоять свой план, резко сказать: «Нам виднее», — где не ждут готовенького.

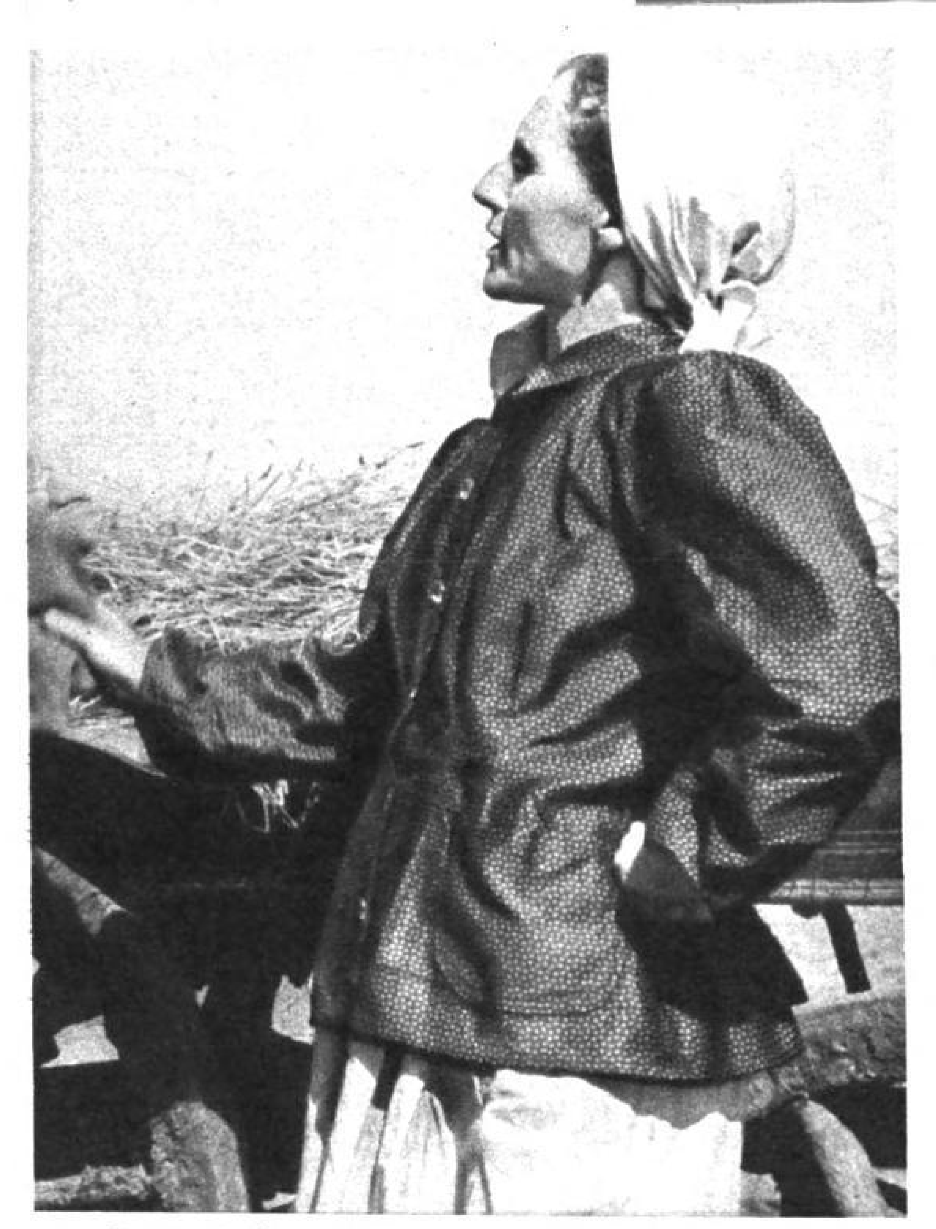
3

В воскресенье собрался актив колхоза. Заранее условились: никакой повестки дня не будет.

— Мы должны подумать, как нам применить решения съезда,— начала Лукерья Терентьевна, когда все уселись,— как нам дальше жить. Собираемся увеличить валовой сбор зерна в два раза, а ведь совсем недавно мы его утроили, — значит, нелегко будет такой скачок сделать, а мы уверены, что совершим его, все у нас подсчитано.

— У нас и семена приготовлены и очищены,— перебил ее сухощавый человек с маленькими веселыми глазками. Это был бригадир полеводческой бригады Никита Рыбальченко, брат доярки Варвары. Внешне он был мало похож на сестру, пожалуй, только глаза, как и она, щурил. Но тут, на хуторе, все привыкли так смотреть. Горячие ветры приучили защищать глаза от пыли.

— Семена-то мы приготовили, Лукерья Терентьевна, а все же кое-что придется заменить,— про-

Варвара Рыбальченко.
Фото Г. Санько.

должает Никита.— Вот просо попалось несортовое, кукуруза негибридная. Есть ли у нас возможность достать хорошие семена кукурузы? Думаю, что есть. За нашу пшеничку мы получим любые гибриды.

Хотя Лукерья Терентьевна и не любила, чтоб ее перебивали, но тут пришлось согласиться, что реплика Никиты вполне уместна и надо ее принять во внимание.

И таких-то реплик было на совещании много. Хоть бери да каждую в план заноси. Люди все подсчитали, никто на ветер слов не бросал. Люди после съезда стали деловитее, научились прямее смотреть на многое, все они принимали близко к сердцу дела колхоза.

— Я сидела на съезде,— продолжала Лукерья Терентьевна,— всех внимательно слушала, а подумала о наших фермах — и стало мне очень тяжко. Вот тут кто-то, я слышала, сказал, что фермы надо перевести на хозрасчет. Боюсь, как бы в первый же месяц наш заведующий фермой не вылетел от такого хозрасчета в трубу.

Отозвался заведующий фермой Борисов. Сперва достал гребенку и стал с ожесточением расчесывать свалявшиеся под шапкой густые волосы.

— Что нам нужно предпринять, чтобы удвоить урожай? — спросил он и сам ответил: — Надо зимой и летом работать с одинаковой энергией. Ведь у нас многие летом свой «минимум» сделают — и прощай. Говорят, у нас мало пастбищ. А чего бы нам не подумать о лагерно-стойловом содержании коров?

— Людей не хватит! — крикнул с места предшественник Борисова на ферме Василий Емельянович Фролов.

— Должно хватить,— вдруг встрепенулась Варя. — Конечно, если жены трактористов будут и дальше составлять целую империю, людей не хватит. Ту не трогай, она на базар опаздывает, другая ребенка накормить не успела, третья печку разжигает, четвертая далеко живет. Послушаешь — так выходит, что нам, дояркам, и на базар не надо ходить, ни детей кормить, ни печек растапливать, и все мы вроде как на персональных «Победах» коров приезжаем доить. А сторожей, Емельяныч, забыл? Мало их у нас? Бывает, сидим на ферме, доим коров, а возле нас сторож расхаживает. Спросишь у него: кого караулишь, нас, что ли, доярок, коров ли? А он и не знает, что ответить. Возьми теперь конюхов. Все лето спят в пустых конюшнях. Лошади-то все на работе, а конюхам что? Трудодни им идут и идут. А ты, Емельяныч, за старое берешься, все твердишь: «Нет людей, нет людей...»

Лукерья Терентьевна с удовольствием слушает Варвару. Правильно, Варваре виднее, во весь голос высказывается. Разве такие переживания можно остановить?

«Где мы лучше поработали, там большего и достигли,— думает она.— Значит, никаких чудес в нашей жизни нет. Надо только не лениться, жить своим умом». И ей хочется рассказать односельчанам о своей беседе с землячкой, как та уверяла, что людей надо искать не на стороне, а у себя дома. Ведь об этом же говорила теперь и Варвара. Удивительное дело: похоже, что Варвара рядом с ней на съезде в Кремле сидела и вдвоем они одну и ту же думку думали. Но разве одна только Варвара эту думку думает?

«Огонек» отвечает

Девятый номер

Юр. ВАНЬЯТ

Группа наших читателей обратилась в редакцию с просьбой рассказать об одной из самых интересных фигур в том ансамбле, который называется футбольной командой, — центре нападения. Удовлетворяя просьбу наших читателей, мы публикуем эту статью.

Спорт — это стремление к победе, а победить, не нападая, не атакуя ворота противника, нельзя. И если вратарь и центральный защитник являются ведущими фигурами в линии обороны, то в линии атаки важнейшая роль принадлежит центру нападения. Это не значит, что центральный нападающий должен быть самым «результативным» игроком в команде (хотя, как правило, это именно так). Он может быть и организатором штурма.

Вспомним заслуженного мастера спорта Петра Исакова из московского «Спартака». Он не отличался физическими данными: по росту в тогдашней команде атлетов «Спартака» (Старостины, Путилин, Канунников, Леута, Егоров и другие) он стоял последним. Но Исаков умел блестяще «выкладывать» мяч то Павлу Канунникову с его страшным ударом, то стремительному Николаю Старостину, то могучему Гавриилу Путилину. В московском «Динамо» примерно в те же тридцатые годы в центре нападения играл Сергей Иванов, который составлял как бы единое целое с левым полусредним Василием Павловым, «королем мяча», как прозвала его скандинавская печать. В Ленинграде с каждым сезоном росло мастерство Михаила Бутусова — одного из тех центральных нападающих таранного типа, которых ныне в зарубежной прессе именуют «танками» или «бульдозерами».

Бутусов, обладая исключительным по силе и точности ударом и превосходно ориентируясь у ворот противника, долгое время был классическим образцом центрального нападающего. Затем заговорили о москвиче Василии Смирнове из «Динамо» и о тбилисце Борисе Пайчадзе, который сочетал филигранную технику и абсолютную корректность со стремительным темпом, умением точно бить по воротам и маневренностью.

Но вот в 1938 году тогдашний тренер команды ЦДСА Михаил Рущинский переставил с левого края в центр нападения Григория Федотова, и у нас появился игрок, который до сих пор остается «эталоном» центра нападения.

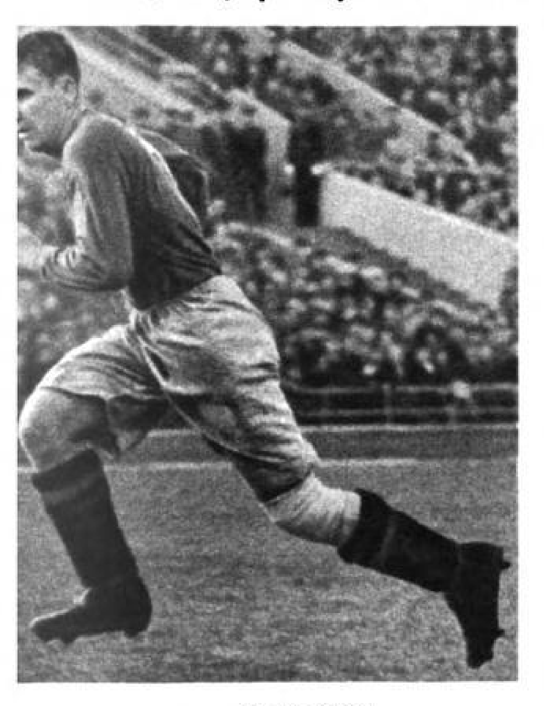
В чем же «секрет» Григория Федотова? В его технической оснащенности, гибкой тактике, в огромной скорости, сочетавшейся с неиссякаемой выносливостью и со все пополняющимся запасом комбинационных новинок. Федотов, как никто, умел произвести стремительный рывок, заканчивавшийся, как правило, либо голом, либо острейшей передачей мяча партнеру.

В те годы, когда играл Федотов, появился еще один замечательный нападающий, Всеволод Бобров. Он обладал редким умением предугадать главное направление атаки и в нужную долю секунды оказаться именно в той части поля, откуда удобней всего было принять мяч и пробить по воротам. Но если Бобров относился к тем нападающим, на которых работали полусредние и полузащитники, то с появлением в центре нападения московского «Динамо» Константина Бескова

В. Бобров.

мы получили подлинного дирижера атаки. Не случайно после поездки в Англию в 1945 году Бесков озаглавил свою статью «Голы забиваются сообща». Такой же тактики придерживается сейчас девятый номер «Спартака» Никита Симонян. Он почти беспрерывно маневрирует то на флангах, то в центре, то в глубине поля, организуя атаки своих товарищей, готовый сам в удобный момент пробить по воротам.

Г. Федотов.

Н. Симонян.

Э. Стрельцов.

Момент игры «Спартак» — «Торпедо» 2 мая 1956 года.

Фото А. Бочинина.

Как это ни странно, но нападающему на поле действовать без мяча во много раз сложнее, чем с мячом. Для этого надо уметь «видеть поле», правильно выбирать позицию. Такой способностью отличается 19-летний Эдуард Стрельцов — центр московского «Торпедо».

Надолго запомнится любителям футбола встреча двух московских команд — «Спартака» и «Торпедо» — 2 мая 1956 года. В этой игре лидеров нынешнего всесоюзного чемпионата мы увидели действия двух сильных пятерок нападения, слаженных, стремительных, комбинационных, смело и точно завершающих штурм. К такой игре «Спартака» мы уже привыкли: ведь эта замечательная команда имеет сейчас лучшую линию нападения, составляющую ядро сборной страны. Но с удовлетворением надо сказать, что торпедовское нападение не только не уступало в мастерстве спартаковскому, но на сей раз явно превзошло его. Душой этого нападения и был Эдуард Стрельцов. Может быть, впервые после Федотова и Боброва увидели мы действия центра атаки во всем его блеске. Молодой игрок наглядно демонстрировал комплекс тех качеств, о которых мы писали выше. Он использовал каждый благоприятный момент, чтобы пробить по воротам, и отлично маневрировал без мяча, отвлекая на себя внимание спартаковской защиты.

Тут надо сразу же оговориться. Действовать без мяча — вовсе не значит бесплодно блуждать на флангах, по существу, уклоняясь от силовой, мужественной борьбы, избегая ответственности за успех атаки. Совершенно ясно, что в пределах штрафной площадки игра должна основываться на резком завершающем ударе. Так играл в прошлом году Николай Паршин — временный центр нападения «Спартака». Этого качества, к сожалению, не хватает обоим нынешним центрам московского «Динамо», Ю. Кузнецову и А. Мамедову, что, конечно, обедняет игру и их самих и всей этой славной команды.

Надо надеяться, что молодежь, появившаяся в этом году на наших стадионах (такие, например, как ленинградец В. Чеповский из «Трудовых резервов»), при помощи тренеров и старших товарищей сумеет усвоить все лучшее из опыта советских и зарубежных форвардов.

Каким же в конце концов должен быть девятый номер? Он обязан совмещать стремительность крайнего нападающего и неутомимость полусреднего: он должен маневрировать и нападать, быть и организатором и завершителем атак, душой всего нападения. Трудная, но почетная задача.

СПОРТ ЗА РУБЕЖОМ

«ЖЕРТВОПРИНОШЕНИЕ АЦТЕКОВ»

Такое название можно увидеть в программе спортивных соревнований. Казалось бы, что общего между спортом и обрядами ацтеков — индейской народности, проживающей в Мексике? Но в той же программе встречаются еще более экзотические названия: «Золотое танго», «Багдадский вор», «Богиня пламени», «Лебединая симфония» и т. д.

Все это названия номеров, показанных участниками первенства США по фигурному, или, как его называют американцы, синхронному, плаванию.

За последнее время фигурное плавание стало распространяться и во многих других странах, в частности в Австралии, Японии, Латинской Америке, Федеративной Республике Германии, Австрии, Франции. Интересные упражнения в фигурном плавании были продемонстрированы во время олимпийских игр 1952 года в Хельсинки.

Фигурное плавание в своем простейшем, первоначальном виде представляет собой гимнастические упражнения на воде. Во Франции их так и называют: «водная гимнастика». Она включает в себя всевозможные движения — «кувырки», перевороты и повороты, плавание с поднятой рукой или ногой, с различными предметами, ныряние и т. п. Если эти упражнения одновременно выполняют несколько человек, получается действительно эффектное зрелище, особенно когда спортсмены и спортсменки образуют на воде различные фигуры — звезду, круг, цветок, веер, стрелу и т. п.

Ежегодно в США проводятся официальные чемпионаты по одиночному, парному и командному синхронному плаванию для мужчин, женщин, юношей и девушек. Однако в США фигурное плавание переживает кризис. Известно, что в Америке на основе фигурного катания и танцев на льду быстро стали развиваться всевозможные «ледяные ревю» — театрализованные аттракционы-балеты на искусственных катках с участием бывших «звезд» фигурного катания, ставших артистами-профессионалами. Такая же тенденция наблюдается и в синхронном плавании. Предприимчивые антрепренеры стали устраивать «водные ревю», в которых соединены элементы балета, акробатики, гимнастики и плавания. Иногда это целые спектакли с декорациями, бутафорией, яркими костюмами, музыкальным сопровождением и световыми эффектами.

Превращение плавания в «мюзик-холл» встречает все растущую оппозицию. Так, например, решено не включать в программу XVI олимпийских игр показательные выступления по синхронному плаванию. Это решение вызвало оживленную дискуссию на страницах зарубежной печати. Приводим мнение, высказанное по этому поводу специалистом в области спортивного плавания французским журналистом Ф. Оппенгеймом: «Я не против мюзик-холла, но я против проникновения мюзик-холла в наши спортивные соревнования. Вот почему я против водных балетов в их мюзик-холльном варианте. Но я сторонник фигурного плавания как одного из средств подготовки пловцов, которое прививает им любовь к плавательному спорту».

БЫСТРЕЙШИЙ В МИРЕ

Чем короче дистанция, тем труднее бегуну установить новый рекорд. Двадцать лет назад знаменитый спринтер негр Джеси Оуэнс внес две поправки в таблицу мировых рекордов. Он пробежал 100 метров за 10,2 секунды и 200 метров — за 20,3 секунды. С тех пор кое-кто сумел повторить результат Оуэнса в беге на 100 метров, но превзойти его никому не удалось и поныне. Менее долговечным оказался рекорд на 200 метров. В 1949 году американец Мэльвин Паттон сбросил с него одну десятую секунды.

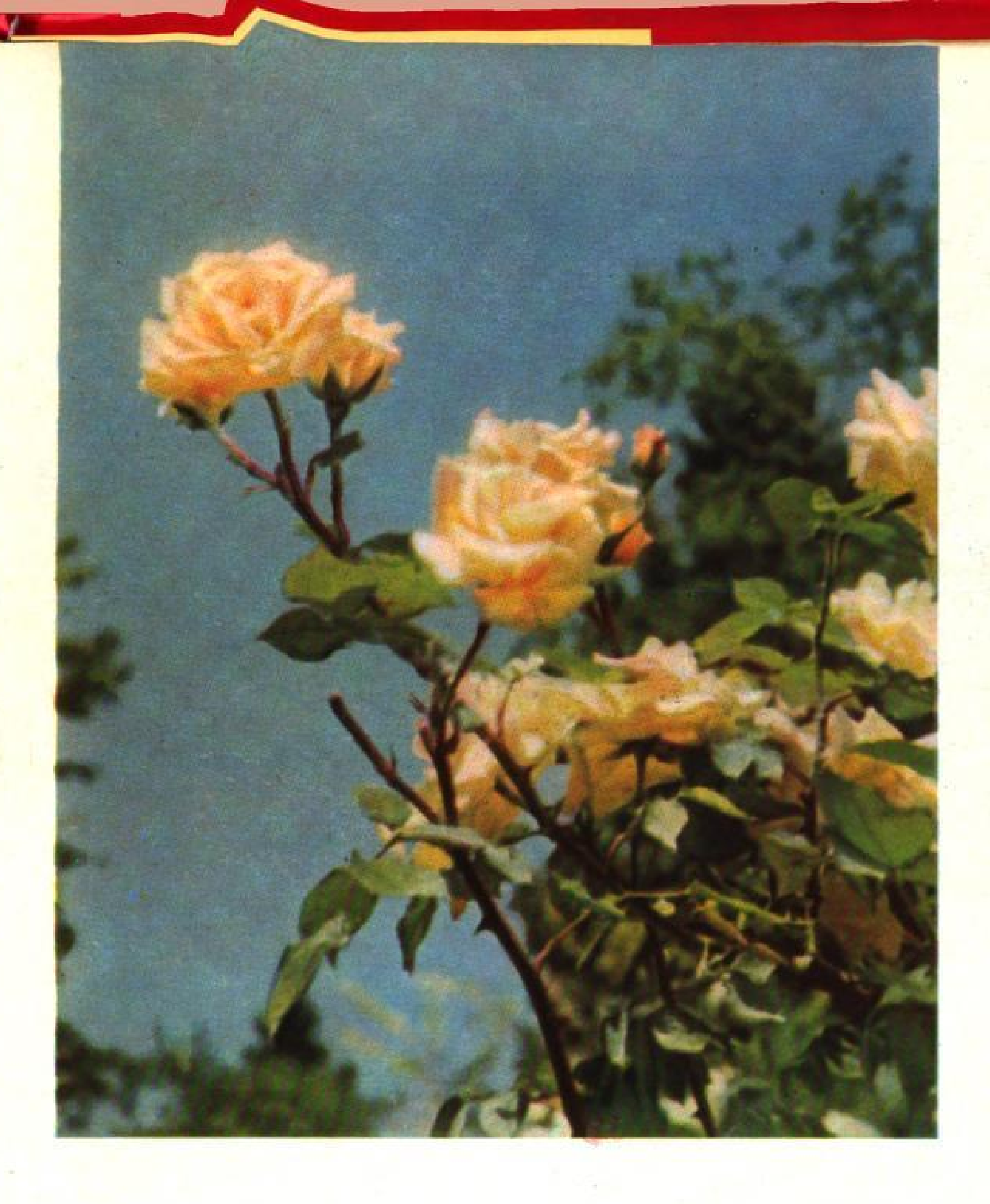
Чтобы улучшить результат Паттона, понадобилось еще семь лет. Недавно Микаэль Агостини, португалец с острова Тринидад, выступая в американском спортивном центре Бекерсфилд (Калифорния), пробежал 200 метров за 20,1 секунды. Собственно говоря, он показал это время на принятой в США дистанции 220 ярдов (201 метр 18 сантиметров), так что прежний рекорд перекрыт с лихвой.

Очень интересна спортивная биография нового рекордсмена мира. Он родился в семье, где буквально все увлекались спортом, а его отец был даже тренером сборной футбольной команды Тринидада. Девятилетний Микаэлито все свободное время проводил на стадионе и, пока его отец тренировал футболистов, бегал по гаревой дорожке. Постепенно он все больше увлекался легкой атлетикой, хотя тренера не имел и занимался бегом, руководствуясь лишь спортивной литературой.

Затем Агостини поступил в колледж Вилланова (США), где оказался хороший тренер, и в 1955 году занял второе место на Панамериканских играх в Мексико. Вскоре о «маленьком Майке» (как его окрестила американская пресса) стали говорить как об одном из лучших мастеров бега.

Молодой рекордсмен (ему сейчас 21 год) собирается в Мельбурн, где, несомненно, будет одним из первых кандидатов на олимпийские медали. Он заявил, что на олимпийских играх будет выступать за свой родной Тринидад.

СПОРТИВНЫЙ ОБОЗРЕВАТЕЛЬ

Город роз

Фото А. Бочинина.

Каждое растение имеет свои неповторимые особенности, почти у каждого свои поклонники. Но есть цветок, красотой которого восхищаются все. Это роза. Природа, словно желая блеснуть своим искусством, наделила ее разнообразными, изысканными формами, бесконечным богатством красок, тончайшим ароматом, необычайной способностью роста в различных природных условиях.

Роза всегда олицетворяла все самое чистое и прекрасное. О ней создавались сказания и легенды, ее воспевали в песнях. Человек тысячелетиями совершенствовал свой любимый цветок. Появлялись все новые и новые сорта — от самых нежных до самых ярких тонов, то с контрастными, то с еле уловимыми переходами. Царица цветов получила целую гамму новых тончайших ароматов. Ее сорта стали исчисляться тысячами.

На одной из окраин Сочи создан совхоз цветов «Южные культуры». Наряду с луковичными и другими цветочными культурами он выращивает до 25 тысяч саженцев, готовит тысячи букетов роз для курорта и многих городов страны, куда они отправляются на самолетах.

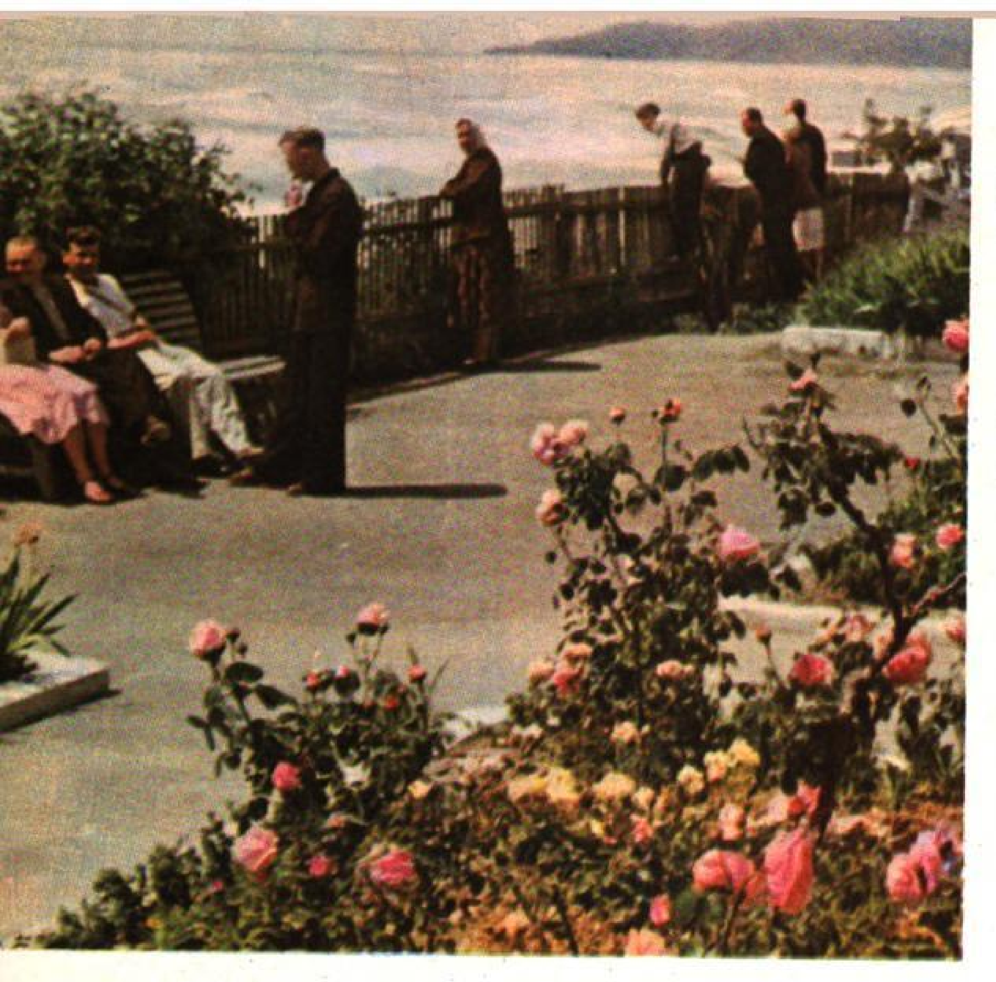
Во всех санаториях Сочи есть насаждения роз. В парке санатория имени Ворошилова их насчитывается свыше 20 тысяч.

В Сочи есть государственные цветоводческие организации — Курзеленстрой и Зелентрест, а также общество друзей зеленых насаждений. Оно ежегодно проводит весенние и осен-

Красные розы на цветочной клумбе в санаторном парке.

Набережная сочинского парка «Ривьера». Солнечный день, шумит прибой, воздух насыщен ароматом цветущих роз.

— Как хорошо пахнет этот цветок!..

Научный сотрудник Сочинской опытной станции субтропических культур П. Д. Юрченко защитил в Ленинграде диссертацию. Ему присудили ученую степень кандидата сельскохозяйственных наук. Когда он вернулся в родной город, сотрудники станции поздравили его и преподнесли букеты роз.

ние выставки цветов, которые обычно превращаются в праздники роз. Выращиванием роз на своих улицах, у своих домов занимается все большее и большее число жителей.

Сочи сегодня — город роз. Здесь они представлены во всем своем многообразии: кустовые и штамбовые, стелющиеся ковром по земле и лианообразные — поднимающиеся на вершины деревьев, на крыши беседок, на балконы домов, вьющиеся — образующие в аллеях сплошные туннели.

Роза имеет и важное хозяйственное значение. Из ее лепестков добывают высокоценные эфирные масла, идущие в парфюмерную и пищевую промышленность.

Советские цветоводы работают над дальнейшим совершенствованием розы. Путем гибридизации и отбора они создают все новые и новые сорта. На опытной станции субтропических и южных плодовых культур в Сочи практикуется способ хирургического воздействия на растения. Созданы оригинальные розы-букеты: на одном штамбе можно видеть одновременно красные, желтые, белые, оранжевые, малиновые цветы. Разные сорта, произрастая в одной кроне, взаимно влияют друг на друга и иногда вызывают в цветах новые признаки.

Кропотливый труд сочинских селекционеров поможет украсить парки, сады и скверы города-курорта новыми великолепными сортами роз.

Сочи.

И. ЗАЙЦЕВ,
Ф. ЗОРИН,
кандидат сельскохозяйственных наук

На одном штамбе выращены розы разных сортов.

АЛЕКСАНДР АЛЕКСАНДРОВИЧ ФАДЕЕВ

Александр Фадеев неотделим от того большого революционного явления культуры, которое мы зовем советской художественной прозой.

Когда тридцать лет назад появилась его повесть «Разгром»,— и литература и новый наш читатель сразу признали в ее авторе талант свежий и многообещающий. Фадеев выступил в этой повести писателем, отчетливо сознающим, насколько велико значение традиции русской литературной классики для воплощения в художественный образ человека социалистической эпохи, борца за народный советский строй.

Редко в каком другом писателе так тесно сплетены жизнь художника и жизнь революционера. Почти мальчиком, беззаветно бросившись в битву с врагами коммунизма, он уже двадцати лет от роду по-рабочему, всерьез взялся за перо. С того момента весь добытый в огне опыт своей борьбы, все выстраданное знание жизни он стремился перелить в пластические фигуры рабочих, партизан, юношей и девушек, которые мы знаем по его ярким книгам.

Это талант трезвый, ясный, талант думающий, рассуждающий. И вместе с тем это талант воодушевленный, приподнятый, певучий.

Юность мира — вот основная тема самых живых страниц фадеевской лирики и революционной романтики. А он был лиричен, когда писал о своих малых по возрасту, больших по чувству героях. Он был романтичен, когда мечтал о будущем своих героев, реально изображая тяжесть их жертв ради победы революции.

Трезвость и восторг — приметы писательского голоса Александра Фадеева.

Я говорю о восторге писателя, открывающего новую тему. Я помню, как — тоже около тридцати лет назад — он смело развертывал мне свой замысел дальневосточного романа, который затем, извилистыми путями, превращался в эпопею «Последний из Удэге». Помню его рассказы времен бурного, по-военному наступательного, как прорыв, создания романа «Молодая гвардия», когда он пылал восхищением от удач и мужественно ломал, гнул препятствия, помехи горячей работе.

Такая самоотдача труду писателя, такая восторженная пылкость немыслимы только по любви к своему собственному искусству,— для этого нужна любовь к искусству всей литературы, любовь, которой не подделаешь, если ее нет.

Александр Фадеев был богато наделен чуткостью к искусству. Он ненасытно любил театр, музыку, живопись, любил человеческое и человечное слово.

И я уверен — не ошибусь, если скажу, что больше и нежнее всего он любил поэзию. Не столь уж часто встречаешь у прозаиков страсть к чтению стихов. Фадеев читал их именно со страстью, слушал, как музыкант слушает оркестр, ценил, как поэт ценит поэтов.

У него была редкостная память на прекрасное: он держал в ней песни, стихи, прозу, он слово в слово мог повторять целые страницы из великих писателей, философов, политиков. Он знал множество книг по содержанию, толпы героев по именам, десятки литератур по их важным представителям.

Весь этот мир его памяти не был библиотекой, из которой не берут книг, не был каталогом, затянутым паутиной. Этот мир был деятельной душой художника, живущей для своего народа.

Фадеев умел завоевывать друзей и умел быть другом. Друзья его живут во всех наших братских советских республиках, живут повсюду в зарубежных странах — в среде писателей, ученых, художников, артистов. Кто помнит многолюдные международные встречи послевоенного десятилетия, тот знает эти дни и ночи, напролет отданные Александром Фадеевым вдохновенной и трудной работе по приобретению, по завоеванию новых и новых друзей нашему великому трудолюбивому, труженическому советскому народу. Этой заслуги Фадеева ни мы, его товарищи, ни деятели культуры всех других стран не позабудем.

Но Фадеев сумел завоевать друзей, исчисляемых не тысячами среди интеллигенции, а миллионами среди народных масс. Эти друзья — читатели его произведений, отличных, страстных, учащих борьбе за счастье всех народов. Вместе с нами друзья-читатели отдают Александру Фадееву долг благодарности и прощания.

За трагической чертой, которая безжалостно и жутко отделила Александра Фадеева от нас, он остается в нашем сознании прежним веселым, красивым, пышущим красками жизни, со своими незабываемыми россыпями пронзительно-звонкого смеха, другом, товарищем, прекрасным талантливым писателем, певцом отважных и богатых душой советских людей.

Конст. ФЕДИН.

Рассказы Према Чанда

«У богатых людей — деньги, у бедных — сердце». У богача Кубер Даса много рупий, и он любит прикинуться «благодетелем», этаким «добряком». Но его очерствевшее сердце глухо к мольбам бедной вдовы Сушилы, чей дом он купил за бесценок, а ее с двумя детьми выбросил на улицу. Чужих, обездоленных детей и их мать пригрела старуха, сама кое-как сводившая концы с концами. У этой женщины, с виду злой и сварливой, оказалось доброе сердце. Когда умерла Сушила, дети остались на руках у старухи. «Она не была их матерью, она была для них больше, чем мать».

Этот трогательный рассказ «Поминки», как и все свое творчество, Прем Чанд, выдающийся индийский писатель начала нынешнего века, посвятил людям с большим сердцем — простым крестьянам, батракам, представителям самых низших и угнетенных каст старой, колониальной Индии.

Голос трудового народа впервые в индийской литературе зазвучал в полную силу со страниц книг Према Чанда. Выступив как суровый обличитель произвола и реакции, религиозных кастовых предрассудков, писатель вместе с тем вдохновенно воспел великое будущее Индии.

Према Чанда больше всего привлекают люди гордые и мужественные, не отступающие перед любыми невзгодами, способные на подвиг и самопожертвование во имя родины.

Мужеством овеян образ простой индийской женщины Каруны из рассказа «Отступник». Ее муж Адитья, вернувшийся из тюрьмы, умирает. Каруна хочет, чтобы и ее сын пошел дорогой отца — борца за народное счастье. Но сын — отступник. Он едет в Англию, чтобы стать судьей — одним из тех, кто бросил в тюрьму Адитья. В душе матери происходит мучительная борьба. Она умирает, отрекшись от любимого сына, с портретом мужа в руках.

Прем Чанд — мастер короткого рассказа. Его творческий почерк отличается строгой простотой и вместе с тем яркой, колоритной живописью, словно излучающей все ослепительные краски природы Индии.

Сборник рассказов Према Чанда займет свое место на книжных полках советских читателей рядом с произведениями Рабиндраната Тагора, Кришана Чандара, Мульк Радж Ананда и других писателей великой дружественной Индии.

Вл. КУЗНЕЦОВ

Прем Чанд. Колодец Тхакура. Рассказы. Изд-во иностранной литературы. Москва. 1955. 250 стр.

«Комде и Модан»

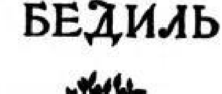
Гослитиздат выпустил в свет произведение известного поэта и мыслителя Бедиля (1644—1720) «Комде и Модан». Поэма переведена Львом Пеньковским с языка фарси, который на протяжении нескольких веков был общим литературным языком многих народов Индии и Средней Азии.

«Поэма преданности двух сердец» — восхитительной танцовщицы Комде и талантливого певца Модана — повествует о торжествующей любви, преодолевшей все препятствия, любви, способной на самоотвержение. Когда по воле злого шаха Модан вынужден покинуть любимую девушку, она говорит ему на прощание:

А если встретишь розу на пути,
С которой можешь счастье ты найти,
То вспоминай хоть изредка и ту,
Что пожелтела, будучи в цвету.

Бедиль воспел глубокие чувства и «чистоту сердец» простых людей из народа, прославившихся своим искусством. Героев Бедиля отличают сильная воля, решительность, столь несвойственные традиционным образам восточной поэзии.

В. ГАЛИН

Бедиль. Комде и Модан. Поэма. Перевод с таджикского (фарси) Льва Пеньковского. Гослитиздат. Москва. 1955. 88 стр.

ПЕНСИЯ И ПЕНСИОНЕРЫ

Т. П. Силакова разносит деньги по квартирам.

В семье Паськовых. Идут подсчеты...

Я. МИЛЕЦКИЙ

Фото Е. Тиханова.

В 88-м столичном отделении связи Таисия Прокофьевна Силакова занимает должность деньгоносца: она разносит деньги по квартирам. Клиентами ее являются главным образом пенсионеры.

Все пожилые люди в округе хорошо знают Силакову, а она осведомлена о жизни каждого из своих подопечных, вероятно, лучше, чем районный собес.

Мы идем с ней по улице. Путь ее недалек — вот эти соседние дома. За день ей придется подняться чуть ли не на сто этажей: дома все пятиэтажные, и лифтов в них нет.

Встречные здороваются с ней запросто:

— Здравствуй, Тася, к нам не зайдешь сегодня?

— Обязательно, но позднее.

— А когда по новому закону придется носить, хватит ли сумки? — смеется старичок.

— Хватит, Иван Иванович, сумка, как гармошка, растягивается,— в тон ему отвечает Силакова.— Можете смело уходить на пенсию.

— Где он работает? — спрашиваем ее.

— На «Шарике»!

— В каком доме живет?

— «Шарика»!

— На этой улице?

— Да, на улице «Шарика». Только вы не понимаете, наверно: так мы называем Шарикоподшипниковскую улицу и наш завод шарикоподшипников, вернее, 1-й ГПЗ имени Кагановича.

Просто, понятно и даже ласково: «Шарик».

Рядом с заводом раскинулись десятки его жилых корпусов. Часть этих домов и обслуживает Тася.

В эти дни ей особенно приятно разносить пенсию. Встречают ее, как доброго друга, и сразу же заводят речь о проекте нового закона, о том, какой она будет, эта пенсия, после октября. Тася знала, что ей зададут много вопросов, словно она в самом деле специалист по пенсиям, и внимательно прочитала проект, а один экземпляр газеты на всякий случай носит с собой.

В семье Паськовых пенсию получают двое: бывший мастер Петр Васильевич — по увечью и жена его, Елена Яковлевна, работница,— по старости. Петр Васильевич показывает нам бумажку, испещренную цифрами. Это он подсчитывал новые пенсии себе и жене.

— Ну и как же?

— Вдвое больше, чем теперь! А нам еще дети помогают: сын — архитектор, дочь — инженер-конструктор. Но, знаете, все же своя копейка дороже...

Мы идем из подъезда в подъезд. На улице беседуют двое мастеровых. Это жестянщик Лазарь Егорович Козлов и его друг, маляр Филипп Алексеевич Гришаев. Ну, конечно, беседа все о том же — о пенсии. Козлову семьдесят лет.

— На покой уйдете, Лазарь Егорович? — спрашивает Тася.

— Еще подумаю, хотя пенсии мне положено больше пятисот рублей.

— Чего же?

— Боюсь, скучно будет без работы. Привык.

Вот мы снова на четвертом этаже.

— Сразу двоим пенсию вручу,— говорит Тася.

— Мужу и жене?

— Нет, матери и дочери, вернее, прабабушке и бабушке...

Прабабушке Евдокии Филипповне Шибаевой семьдесят семь лет. Дочери ее, Марии Ивановне Бабковой, пошел пятьдесят шестой год, она недавно вышла на пенсию. Ее дети тоже работают на заводе, и у них уже тоже есть дети. У прабабушки и бабушки пенсия возрастет намного, и хотя они уверяют, что еще не подсчитали, но даже маленький правнук сказал нам:

— Бабуси получат большую песню!

— Пенсию, а не песню.

— И я говорю: песню...

Людям пожилого возраста, которых Тася еще не числила среди своих клиентов, мы задавали вопрос:

— Думаете продолжать работу или перейти на пенсию?

Ответы были различные. Инженер-строитель Иван Иванович Степанов взял в руки счеты и еще раз убедился, что он с женой должен будет получать больше тысячи.

— Уйду! — заключил он.— Семья у меня большая, внуки есть. Сын получил участок для сада, буду в земле копаться...

— Что я, старик, что ли! — возмутился Владимир Васильевич Коршунов, обучающий молодежь в техническом училище № 12. Это по паспорту мне шестьдесят четыре года, а в жизни я молодой. Кто же их учить-то будет? Ведь они заменят тех, кто уйдет на пенсию после принятия нового закона. Нет, я еще поучу молодежь.

И он действительно по-молодому зашагал со своими воспитанниками.

Старый кадровый рабочий Иван Федорович Аникин, мастер цеха, собирается оставить работу.

— Отдохнуть пора. Пенсия мне теперь положена большая, семьсот с лишним, вроде денег этих хватит, ни от кого зависеть не буду. Уйду, дам дорогу молодежи. Разве только заскучаю без завода, на котором провел всю жизнь... Ну, ничего, приходить буду, авось, пропустят по знакомству...

У каждого свои расчеты, свои желания, свои планы. Но у всех твердая уверенность в завтрашнем дне, все глубоко благодарны Коммунистической партии и Советскому правительству за великую заботу о людях труда.

В. В. Коршунов: — Нет, я еще поучу молодежь...

Инженер И. И. Степанов: — Вместе с женой получим больше тысячи!

Намного возрастет пенсия и у бабушки М. И. Бабковой и у прабабушки Е. Ф. Шибаевой.

Обмен картинами Рембрандта

В Ленинград прилетел специальный самолет голландской Королевской авиалинии «Летучий голландец». На фюзеляже своеобразный герб — палитра, обрамленная надписями: «Рембрандтовский год», «Голландия»,— и цифры «1606—1956».

На борту самолета находились бесценные картины Рембрандта.

В Государственном Эрмитаже состоялась церемония приемки картин для показа в СССР и передача картин Рембрандта из коллекции Эрмитажа для показа их на родине художника.

Вскрываются ящики — и перед глазами присутствующих появляются шедевры великого художника: "Урок анатомии доктора Деймана», «Евангелист», «Пейзаж с каменным мостом», «Портрет Эфраима Бонуса», «Автопортрет», «Натюрморт с мертвыми павлинами».

Из богатейших коллекций Эрмитажа в порядке временного обмена в Голландию отправлены широко известные во всем мире шедевры: «Прощание Давида с Ионафаном», «Флора», «Портрет поэта Иеремиаса Деккера», «Портрет Бартье Доомер», «Портрет старушки» и «Святое семейство».

— В Голландии,— сказал директор Королевского музея в Гааге г-н де-Фриз,— выставка откроется в конце мая и продлится четыре месяца. Картины, которые советские музеи любезно нам передают во временное пользование, будут демонстрироваться в Амстердаме и Роттердаме. Я счастлив встретиться воочию с великими творениями художника, чье имя прославило мою родину. До сих пор я и мои соотечественники знали эти картины только по репродукциям.

Выставка картин Рембрандта, его предшественников и учеников будет показана в Москве и Ленинграде.

Б. ТОЛЧИНСКИЙ

Вскрыта первая посылка из Голландии. Работники Эрмитажа рассматривают картину Рембрандта «Автопортрет».
Фото В. Самойлова.

КАК БЫЛО РАСКРЫТО ПРЕСТУПЛЕНИЕ

Что-то тяжелое ударилось о край лодки. Рыбаки, плававшие в Финском заливе, вгляделись и обнаружили, что на волнах покачивается тело утопленника. Мужской труп был настолько обезображен, что опознать его оказалось невозможным.

Судебный эксперт установил, что человек погиб насильственной смертью: тело его было скручено морскими канатами, а к ногам привязана лебедка. Если бы не шторм, разыгравшийся накануне, труп не выплыл бы с таким тяжелым грузом.

Точно определив время нахождения трупа в воде, следственные работники ленинградской милиции выяснили, что в этот период пропало без вести трое мужчин. Фамилии их были известны. Но как узнать, кто из них лежит сейчас в морге?

Обратились за помощью к адъюнкту Военно-медицинской академии имени Кирова В. П. Петрову, ученику известного антрополога М. М. Герасимова, занимающегося восстановлением человеческого лица по черепу. Петров взялся помочь экспертам.

Вскоре им было сделано несколько слепков предполагаемого внешнего облика жертвы неизвестного преступника. Полученные слепки сфотографировали. Гример завершил эту работу, поразному «одевая» слепок. Со всех снимков глядело примерно одно и то же молодое лицо. Эти снимки и, для более тщательной проверки, еще 50 фотографий людей, пропавших в разные периоды, послали родственникам трех мужчин, исчезнувших в одно и то же время.

И вот в ходе расследования загадочного убийства блестяще подтвердилась теория и практика пытливого советского ученого Герасимова и его учеников. Было получено письмо от Пелагеи Ивановны Семеновой.

— На нескольких фотографиях,— писала она,— я узнала своего сына Леонида. Напишите мне, где он, что с ним.

Фотографии оказались теми самыми, которые были сделаны со слепков.

Когда эксперты получили подлинную фотографию Семенова, сделанную незадолго до его гибели, нетрудно было убедиться, что характерный рисунок носа, рта, подбородка на фотографии совпадают с рисунком на слепке.

Тем не менее эксперты продолжали искать подтверждения личности Семенова. На канате, туго стягивавшем тело мертвого, была найдена прядь волос. Невеста Леонида Семенова принесла работникам милиции единственное, что осталось у нее на память о пропавшем женихе: светлую прядь волос в медальоне. Биологическая экспертиза подтвердила, что волосы, найденные на трупе, и волосы в медальоне принадлежат одному и тому же человеку.

Фотография Л. Семенова, сделанная незадолго до его гибели.

Слепки лица, восстановленного по черепу.

В челюсти покойного был обнаружен незапломбированный зуб. Врач, лечивший Леонида, подтвердил, что юноша не успел запломбировать последний зуб, потому что срочно уходил в плавание.

Одновременно было установлено, что Леонида Семенова убили тупым режущим орудием.

Теперь, когда картина убийства была ясна, оставалось выяснить главное: кто убил, почему?

Все знали и любили в пароходстве Леонида Семенова, всегда веселого, отличного товарища, комсомольца, прекрасного производственника. Друзья собирались отпраздновать его свадьбу, и вдруг он пропал...

Следователи пришли на баржу, где работал старший шкипер Федор Ратников, в подчинении у которого находился Леонид.

— Труп опознали? — спросил шкипер.— Не может быть. Ведь он, говорят, изуродован. Может, ошиблись?

Долго и упорно собирал следователь А. Караваев улики.

Просматривая ведомости, он выяснил, что Ратников получил деньги на выплату зарплаты Семенову в то время, когда тот уже погиб. Это насторожило следователя. Значит, Ратников элементарно бесчестен? Подозрительно было и другое обстоятельство: о недисциплинированности своего напарника в городе Ломоносове, где якобы Семенов сошел с баржи и откуда уже не вернулся, Ратников сообщил спустя... три недели.

Вскоре было установлено, что у Ратникова в различных местах имеются весьма подозрительные друзья, матерые спекулянты, обделывавшие с ним какие-то темные дела.

Постепенно выяснилась вся картина. Семенов мешал шкиперу заниматься спекуляцией, чем и вызвал его озлобление. А когда комсомолец заявил, что, вернувшись из рейса, расскажет о преступлениях шкипера, тот зверски расправился с честным моряком.

Под тяжестью улик Ратников вынужден был признаться в убийстве.

Так два года спустя было раскрыто это преступление. На помощь советским следователям пришел замечательный метод советских антропологов.

Я. МАРГУНОВ

ГЕРОИ ВЕЛОГОНКИ

Отдых во Вроцлаве совпал с воскресным днем. У отеля «Монополь» толпы людей, ожидающих появления спортсменов. Особой популярностью пользуются советские гонщики: ведь они лидеры соревнования.

— Посмотрим, кто будет первым в Герлице,— говорят болельщики,— на ровной дороге все равны, а вот в горах...

Предстоит первый горный этап с затяжными подъемами до шести километров, с длинными спиральными спусками. Серьезное испытание!

Наши велосипедисты выходят на старт в голубых рубашках лидеров гонки, но удастся ли сохранить их на следующем финише: ведь интервалы, отделяющие команды друг от друга, весьма невелики. Вот и река Нейсе, разделяющая территорию Польши и Германской Демократической Республики. По обе стороны реки несметные толпы соседей-друзей. Польская речь сливается с немецкой. Первым появляется на стадионе в Герлице русоволосый гонщик под номером 66. Это самый популярный спортсмен в Германской Демократической Республике, Густав Адольф Шур. После пяти этапов советская команда сохраняет лидерство гонки. Первый «горный» экзамен выдержан. Кто же придет победителем в Берлин?

Впереди 228 километров — самый длинный этап. Экспансивный тренер итальянцев свистками дает указания своим велосипедистам, подают сигналы руководители и польской команды. Идет напряженная тактическая борьба, которая завершается новым успехом велосипедистов ГДР: видимо, на своей земле и побеждать легче. Но по сумме шести этапов лидерство в гонке, и личное и командное, остается за советскими спортсменами.

Если в прошлом году команде Чехословакии, четырежды выигрывавшей велопробег мира, удалось только на одном этапе сразу опередить соперников на 30 минут, то теперь решает буквально каждая минута, а то и секунда. Достаточно было на этапе Берлин — Лейпциг Вершинину, ведущему гонку на протяжении почти 90 километров, остановиться из-за прокола, и лидерство уже у польских гонщиков. Жаль, голубые рубашки лидеров придется убирать в чемоданы. Поляки опередили нас на 1 минуту 45 секунд. Колумбет сохранил звание лидера гонки, но у него в запасе всего 7 секунд,— не много, учитывая сложность предстоящего восьмого этапа: Лейпциг — Карл-Маркс-Штадт.

В Карл-Маркс-Штадте лидером гонки стал Крулак, а Колумбет должен был спрятать в чемодан свою желтую рубашку. В командном зачете велосипедисты СССР оказались на втором месте. Чтобы снова стать лидерами, им нужно отыграть у польских спортсменов 2 минуты 13 секунд.

— Вы, ребята, орлы! — сказал один немецкий болельщик капитану нашей команды Вершинину.

— Орлы-то мы, может быть, и орлы,— ответил улыбающийся Вершинин,— да только в гонке ворон теперь не осталось...

Эта фраза облетела многие газеты. Действительно, предстоит острейшая борьба, на сей раз на территории Чехословакии. Впереди снова горы, да такие, что та команда, которая первой придет в Карловы Вары, почти наверняка обеспечит себе победу. Герои гор будут героями гонки.

Когда советские спортсмены финишировали в Карловых Варах, они снова получили право надеть голубые рубашки, однако судьба командного первенства осталась такой же неясной, как и раньше. Попрежнему считанные минуты отделяли польских спортсменов от лидеров гонки.

На этапе Карловы Вары — Табор борьба между двумя командами развернулась с новой силой, но только после финиша в Брно советским велосипедистам удалось оторваться на 11 минут. Зато польский гонщик Крулак прочно закрепил за собой личное лидерство. И вот, наконец, позади последний этап — Табор — Прага. Участники велогонки мира закончили многодневное состязание, проходившее по территории трех дружественных республик. Личное первенство завоевал Крулак, командную победу одержали гонщики СССР.

Это большой успех наших велосипедистов.

Юрий ГАЛЬПЕРИН

Вроцлав — Прага.

Дела СУДЕБНЫЕ...

Олег КНОРРИНГ

Именем РСФСР... Этими словами начинается приговор или решение, завершающее судебное заседание.

Наш фотоаппарат «подсмотрел» несколько сцен в народном суде Свердловского района города Москвы.

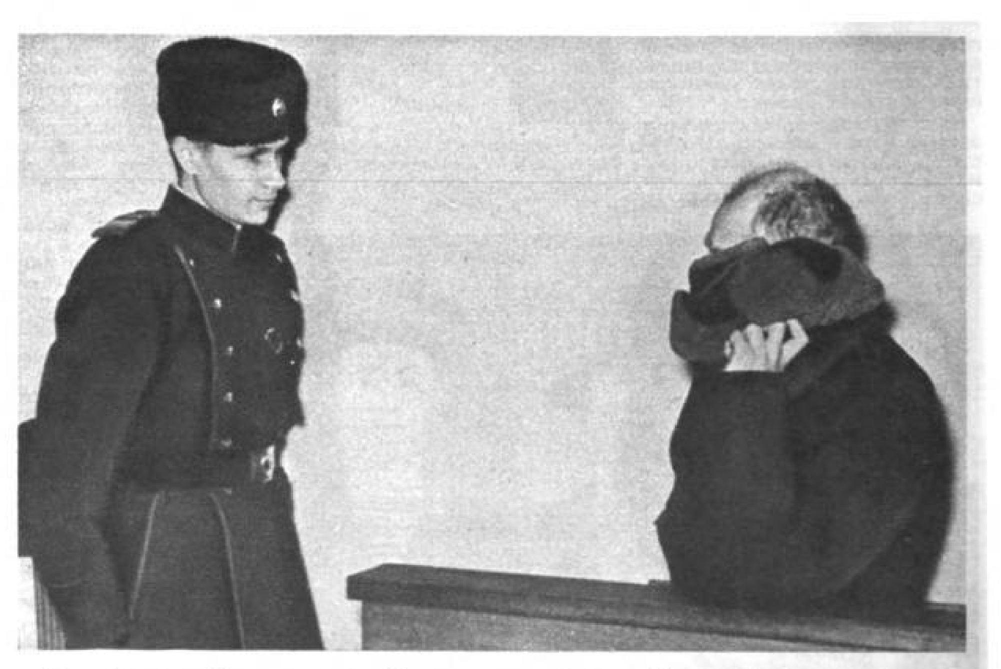
Разные люди оказываются на скамье подсудимых. В самых разных делах приходится разбираться народным судам.

Первая судимость. Напился и нахулиганил. Стыдно, но ничего не поделаешь. Придется отвечать.

Это — дело ясное. В пьяном виде шофер сбил женщину и, не оказав ей помощи, пытался скрыться. Улики настолько очевидны, что адвокат явно в затруднительном положении...

И этому как будто стыдно. Он даже закрылся от фотографа. Но не очень-то верьте ему: за его плечами несколько судимостей.

→ Вещественное доказательство: эту шубу спекулянт продавал по повышенной цене.

Предыдущие снимки сделаны во время судебных заседаний. А теперь посмотрим, что происходит в кабинете судьи в его приемные часы.

← Очередное квартирное дело.

— Я на требования соседей согласна,— говорит «истица»,—но и они должны уступить хотя бы на столько...

Отец недоволен, что сына его... освободили из тюрьмы. Ведь придется материально помогать ему! Вот каких отцов иной раз встретишь в суде!

Он хочет доказать недоказуемое.

← Не будьте слишком уж сердобольны, взглянув на эту старушку. Она оспаривает право на алименты за воспитание ребенка. Но ее меньше всего интересует ребенок. Он давно уже забыт и ею и всеми родичами...

→ — Я этого дела так не оставлю! До Верховного суда дойду!

И дойдет! И будет инстанция за инстанцией разбирать «дело», которое не следовало даже и затевать...

Об этом человеке придется сказать подробней и даже назвать его по фамилии: Грек В. И. Это сутяжник. Жалуется Грек на все и всех. Слева вы видите груду дел, заведенных по кляузам Грека лишь за последние полтора месяца. Здесь нет еще одного дела, которое, надо полагать, появится в ближайшее время: жалоба на «Огонек». Еще не были напечатаны эти фотографии, а В. И. Грек уже подал два заявления на фотокорреспондента, который запечатлел его во время одного из посещений суда.

Скольким честным людям портит жизнь этот благообразный на вид человек!

→

Весенний шум

Ольга ПОЗДНЕВА

Рисунки Е. ВЕДЕРНИКОВА.

Ранней весной областная филармония после долгих просьб направила в село Воронково актерскую бригаду.

— Я никому не отказываю, — объяснял директор филармонии заведующему Воронковским клубом, явившемуся в качестве ходока. — Не отказываю, но даю понять. Возьмем ваш колхоз: он же дальний, у самой границы области, да еще на отшибе. До района поездом, оттуда машиной. А у меня народ нервный, щепетильный. Вот хоть бас Кусаков, заслуженный, у него всегда градусник подмышкой. Зимой он еще ни разу без скандала не выезжал.

— Вы мне не давайте понять, а скажите прямо: да или нет, — сердился заведующий, — ждали вас и зимой и летом...

— Переводи деньги.

Клуб долго мыли, чистили, истратили весь запас веников. Заменяли половицы, у крыльца сделали перила с художественной резьбой. Да что клуб! В каждом доме ждали и готовились, а девушки слезно отпрашивались в район «накрутить перманент» и удирали в машинах, возивших кирпич. Над Воронковом стоял праздничный, весенний шум.

Гости прибыли в удобном крытом грузовике, за ним шел «газик», в нем отдельно ехал бас Кусаков. Первыми выскочили из грузовика сотрудник областной газеты Савченко и фоторепортер Скок. Журналист подал руку танцовщице Инне Гороховой, за нею вышли остальные: мастер художественного слова Аркадий Кулебякин и баянист Жан Сидоров. Из «газика» с трудом вылез раскисший Кусаков, ошеломив встречающих необъятной медвежьей шубой.

Навстречу гостям шагнул взволнованный председатель колхоза Ступин и сказал приветственное слово, после чего бригада, сопровождаемая ребятами, отправилась отдыхать.

Заслуженный бас молча сунул председателю дорожные вещи. Тот покраснел, смутился, но вещи взял и повел гостя к себе домой, радуясь возможности поговорить с приезжим человеком. Но гость оказался неразговорчивым; сев за стол, он только спросил с изумлением:

— А брага? Где же знаменитая воронковская брага?

И председателев мальчишка, готовый лопнуть от гордости, побежал за брагой к плотниковой жене.

Дым стоял коромыслом над колхозными крышами. В домах, где остановились артисты, стучали посудой, из дверей рвался пар и с визгом выскакивали ребятишки, спроваженные на улицу, чтобы не лезли во время обеда и не смотрели в рот гостям.

Фоторепортер Скок еще до обеда успел снять колхозного фельдшера в кругу семьи и заведующую свинофермой с поросенком на руках. Пожелал сняться с поросенком и мастер слова Кулебякин, предварительно спросив, не кусается ли он. Кругом кричали:

— Не кусается! Он привыкший! И с шефами снимался!

Первой в клуб пришла танцовщица Инна Горохова. Ей понравился зал с портретами Чехова и Тургенева и чистенькая сцена, убранная еловыми ветками. Мальчишки сбегали за баянистом. Жан Сидоров явился вместе с журналистом, заспанный, злой, как сатана.

— У меня ваши репетиции в печенках сидят, — объявил он заносчиво. — Ну кого вы хочете удивить? Это же деревня, глушь.

— Перестань, — вмешался Савченко. — Всю дорогу проспал, хватит с тебя. Инночка, вы, крошка, что наметили на сегодня?

Танцовщица терпеть не могла Савченко. Он не давал ей проходу в городе, а сейчас вот увязался и в поездку. Но она молчала, боясь, как бы он не выругал ее в газете.

— Гопак и молдаванскую, — ответила она, робко поглядев на баяниста. — А на бис можно шуточную польку.

— Видали? — негодовал Жан. — Вы же сто раз это плясали. А я вам не верблюд день и ночь репетировать.

У танцовщицы задрожали худенькие, цыплячьи плечи, но она сдержалась и старательно повторила свои танцы. Забежал Скок, сфотографировавший в библиотеке очередь за книгами.

— Просто беда! — пожаловался он. — Мне красавица нужна для фотоэтюда «У калитки», а все на работе да и в платках по брови. Поди разберись. Зато тракториста нашел — это же Аполлон местного значения!

В зал, осторожно кашляя и скрипя новыми ботинками, входили первые зрители. На сцене дали занавес.

— Дальний колхоз, — кисло ворчал за кулисами мастер слова, костлявый брюнет с бакенбардами, как будто вырезанными из наждачной бумаги. — Хотите, сделаю эксперимент? Прочту вот монолог Чацкого и вместо «Карету мне, карету» подброшу что-нибудь другое, например, «Победу» мне, «Победу». И сойдет. Здесь все сойдет.

— Ну уж это — озорство, — отозвался утробным басом Кусаков.

Скоро в зале стало тесно и жарко. Творческая бригада с интересом рассматривала публику через щелочку в занавесе. Сияющий завклубом давал пояснения.

— А кто эта дама, в первом ряду? — спрашивал мастер слова. — Вот эта — в черном вечернем платье?

— Это наша агрономша Валя Кокорина.

— Она что же, городская? Приезжая?

— Зачем городская? Наша колхозница. Она и пастушкой была и дояркой. В городе, конечно, училась, а так, обыкновенно, деревенская.

— А председатель колхоза!.. Посмотри, Жан, ведь он здорово похож на нашего секретаря обкома.

— Это брат его родной, — шептал завклубом. — Они и в Тимирязевке вместе были; тот постарше, но наш, гляди, как бы не шагнул дальше брата. Он и в заочной аспирантуре и книжку пишет, жене моей он племянник.

Рядом с председателем сидел красавец парень в морской тужурке без погон, накинутой на одно плечо.

— Это просто демон с картины Врубеля, — сказала Горохова, заглянув в зал. — А глаза-то какие, а нос!

— Сережка Досекин, тракторист, — зашептал завклубом. — Большой живописец насчет девчонок, только они бракуют его: красивый, говорят, чересчур, какой из него муж!

Концерт открыл Кулебякин. Он пригладил свои наждачные бакенбарды, медленно оглядел затихший зал и вполголоса, небрежно (дальний колхоз!) прочел обещанный монолог. В зале вежливо, но неохотно захлопали. Агроном Кокорина в упор глядела на Кулебякина серыми, откровенно злыми глазами. Мастер удалился и ждал вызовов, но их не было. Впрочем, смутить Кулебякина было трудно: выждав несколько секунд, он появился на сцене и объявил холодно молчавшему залу:

— Александр Твардовский.

И так прочитал «Василия Теркина», что зал ожил, потеплел, повеселел. С мест закричали:

— Еще! Пушкина давай, Есенина Сергея. Просим!!

Кулебякина отпустили, когда у него в голосе послышались пету-

шиные ноты. За кулисами издевались.

— Вот они, дальние-то колхозы! — хохотал Савченко.— Вас, Кулебякин, чуть не освистали. Вот была бы потеха!

После молдаванской пляски колхозные парни отбили руки, а красивый тракторист исчез, но через минуту вернулся, растолкал облепивших сцену ребят и поставил к ногам Гороховой жестяную банку, из которой тянулся куст китайской розы весь в мелких цветочках.

Девчонки хихикали, но публика громко одобряла тракториста. В зале слышалось:

— Ну и шельма! Подход у него богатый! Старайся, Досекин! Баянист, русского...

Концерт нравился. Раззадоренный Кусаков решил всех перекрыть и пел так душевно, что многих довел до слез. Он спел и про утес и про Стеньку Разина. А когда раскрасневшаяся агрономша бросила записку: «Умоляю, «Ноченьку!»,— он исполнение «Ноченьки» посвятил ей, чем очень польстил не только ей, но и всей публике.

Потом он запел «Широка страна моя родная», удивляясь тому, что в этакой-то духоте голос звучит молодо и легко, а зал истово подхватывал припев.

Скок облюбовал для лирического этюда хорошенькую доярку и тракториста Досекина. Но дояркин муж сорвал эти планы и увел красавицу, сказав:

— Еще чего не хватало! От живого мужа с чужими парнями у калиток околачиваться. Нам такие этюды без надобности.

Творческая бригада вышла из клуба очень поздно, но у крыльца ее поджидали девушки и парни. Послышалось: «Спасибо! Приезжайте еще». А когда на крыльце показалась Инна Горохова с чемоданом и китайской розой, из толпы выступил все тот же тракторист и справился, нельзя ли проводить.

Савченко сунулся за ними, но ему было сказано:

— Не надо, Борис Иванович, этот товарищ лучше знает дорогу.

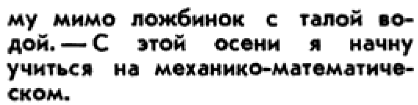
Бригада шла по селу, давясь от смеха. Очередь издеваться была за мастером слова, и он не упустил ни минуты.

— Сердце обливается кровью,— начал он глухим, страдальческим голосом. — Больно вспомнить, но ведь вы, Борис Иванович, вы, светский лев областного масштаба, стояли на крыльце, как оплеванный. И кто же навязал вам эту жалкую роль? Мальчишка, тракторист!

Журналист молчал, обдумывая месть.

А тракторист и танцовщица шли вдвоем по хрусткой дороге.

— Осенью приду опять на ваш концерт,— говорил он, обводя да-

му мимо ложбинок с талой водой. — С этой осени я начну учиться на механико-математическом.

Танцовщица зачерпнула ботиками воды и сказала:

— Это очень интересно. А слышите, как все кругом шумит? В каждой лужице весна.

Они стояли около дома учительницы, где горел свет и Горохову ждали ужинать. Но капель распевала сумбурные весенние песни, и сразу уйти было трудно, собственно говоря, просто невозможно.

— Колхоз велит учиться, — торопливо говорил тракторист, боясь, что она начнет прощаться.— Я машины люблю и сам кое-что изобретаю. Завтра можно было бы вам показать модель сенособирателя «СД» — Сергей Досекин, моей конструкции. Она, правда, пока еще не действует, но я думаю ее доделать.

— Мы рано уедем. Жаль, что я не увижу этой конструкции, а какая она?

— Сенособиратель «СД»,— с отчаянием сказал тракторист, — по идее очень прост. Это несложный агрегат: механические грабли, транспортер и деревянный кузов, поставленный на шасси полуторки.

— Это очень интересно,— кротко повторила танцовщица, постукивая ботиками, полными воды. — И что же дальше?

— Мотор включается, грабли подхватывают скошенную траву, передают ее на транспортер, а транспортер забрасывает в кузов. Ясно?

— Почти. А до осени вы в город не собираетесь? Через неделю мы празднуем юбилей Кусакова, и я готовлю к этому вечеру вариацию Авроры.

— Если так, то будет просто смешно, если я через неделю не окажусь в городе, — объявил тракторист.

Горохова подала на прощанье руку, и тут адская вспышка магния осветила их на фоне калитки, отличной калитки, с деревянными коньками.

— Привет! — крикнул Скок. — Инночка, покойной ночи! Молодой человек, проводите меня до конторы.

В конторе они нашли дежурившую ночью счетовода Дусю и Аркадия Кулебякина. Мастер слова беспрерывно звонил в город, вызывая свою квартиру, но она молчала. Так почему-то было всякий раз, когда Кулебякин уезжал с бригадой.

— Проверяете посты? — развязно пособолезновал Скок. — Ну-ка я потрезвоню. Междугородняя? Кто дежурит? Лиза? Лизочка, это Скок. Дайте мою квартиру... Раечка? Это я. Буду краток. Меду здесь нет. Куры дешевые, но мелкой породы. Брать живыми или мертвыми?

Когда Кулебякину наконец ответили, он от усталости и глубоких нравственных переживаний уже не смог говорить. Счетоводу Дусе было поручено объясниться с областным центром под диктовку.

— Они велели сказать, что они вам не мальчишка! — бойко закричала Дуся. — Они велят вам снять маску!

— ...Я растратил на тебя свой талант,— шипел Кулебякин,— растратил молодость, мечты...

— ...они все на вас растратили,— старалась Дуся.— Теперь отвечать придется,— прибавила она от себя для острастки.

Мадам Кулебякина мелодично смеялась, в телефоне что-то звякнуло.

— Обозвали вас и положили трубку, — сообщила Дуся. — Будем еще звонить? Мне все равно дежурить.

Утром бригада отбыла в районный центр.

В грузовике молчали. Кожаное пальто Жана Сидорова, обильно смазанное несвежим рыбьим жиром, вызывало у пассажиров грузовика приступы морской болезни. Все старались не глядеть на Савченко, который с мефистофельским видом набрасывал в блокнот заметку о концерте. Фоторепортер заботливо поглядывал на плетеную кошелку, где ворочались куры, и при каждом толчке машины страстно обнимал большой бидон со сметаной.

За грузовиком, как обычно, бежал «газик». В нем, укрывшись медведями, спал Кусаков, с утра «освежившийся» знаменитой воронковской брагой.

А за «газиком» шла новая зеленая «Победа», принадлежавшая Досекину-отцу, бригадиру тракторной бригады. Вел ее Досекин-младший.

То, что в «Победе» сидела Инна Горохова, читателю, разумеется, ясно, но читатель может и не знать, что вид у нее был очень грустный, а глаза заплаканы.

— Подумаешь, невидаль этот

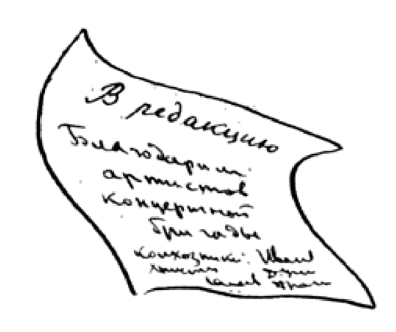

Савченко, нашли кого бояться! — убеждал ее Досекин.

— Это вам он невидаль, а мы-то знаем. Вот увидите. Так нас изобразит, что глаз никуда не покажешь. Это ужасный человек. Ему нравилась наша певица Саломея Чебутыркина, а она у нас безумно гордая и отвергла его, и что вы думаете? Он придрался и такое написал, что у нее потом был столбняк.

— Так, так, ну, что ж, посмотрим. Я оставлю сейчас машину здесь у знакомых и поеду с вами в город. У меня есть колхозное поручение к редактору областной газеты. Я, видите ли, сегодня еще затемно все село обегал, составили мы письмо в газету. Письмишко маленькое, но в нем большая благодарность от всех нас за концерт. И чтобы редактор наше колхозное мнение не уважил! Никогда этому не бывать!..

Вдали на пригорке показался районный центр.

Дональд БИССЕТ

Дональд Биссет — современный английский детский писатель и художник. Он часто выступает по телевидению с чтением своих рассказов и сам рисует к ним картинки.

Жил-был конь Рэджинальд. Он помогал своему хозяину-молочнику развозить молоко. Во время этих путешествий Рэджинальд часто встречался со своим другом — маленьким черным песиком Блэки.

Рэджи вовсе не любил развозить молоко. Он мечтал стать беговой лошадью и победить на знаменитых скачках Дерби. А коротконогому песику Блэки страшно хотелось научиться бегать быстро, быстро, как борзая.

Однажды они сидели в конюшне у Рэджи и играли в лото. Вдруг Блэки пришла в голову блестящая мысль. «Почему бы нам не поесть угля? — предложил он.— Вспомни поезда, они едят уголь и очень быстро бегают!»

Поразмыслив хорошенько, друзья решили попробовать. Они отправились в погреб и стали собирать уголь. Но тут как раз вошла хозяйка миссис Тэтчэр.

— Ах вы, такие-сякие! Уголь мой воруете! Вон пошли! — крикнула она, схватила кусок угля и запустила им в друзей.

Рэджи и Блэки опрометью бросились из погреба. Никогда в жизни не мчались они так быстро.

Мэр города в это время сидел у окна и смотрел на улицу. Его звали Вильям.

— Вот так конь! — воскликнул он.— Да он мчится, как вихрь! Уж он-то выиграл бы Дерби — готов пари держать!

А собака-то, собака! Несется не хуже борзой! Вот возьму и награжу их медалями!

Так он и сделал.

Перевод Н. ШАНЬКО.

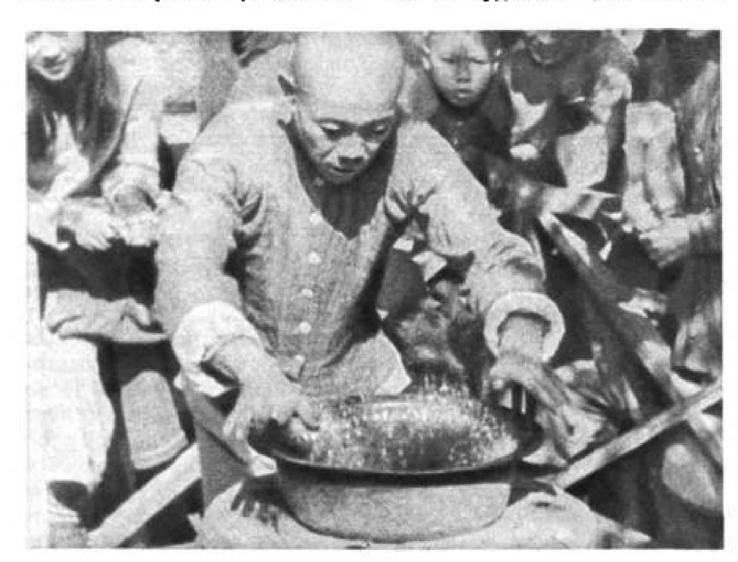
Отвечаем читателям

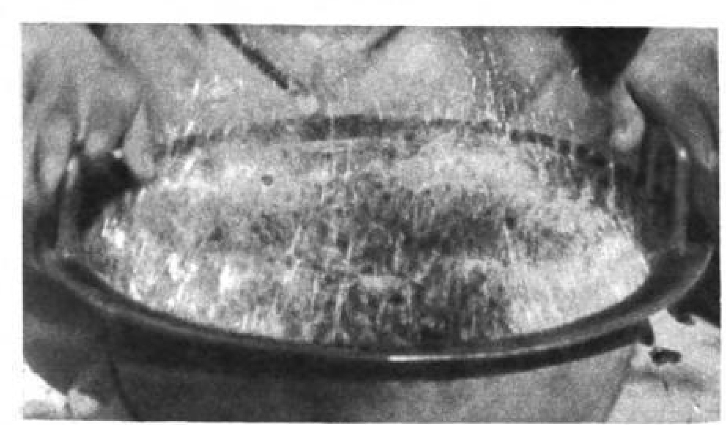
Ханчжоуский сосуд

«Я слышал, что в одном из музеев Китая хранится древний тазик. Стоит только повести ладонями по его кромке, как налитая в нем вода начинает бурлить, а выгравированные на дне его рыбки как бы шевелятся, кажутся совсем живыми.

Где сейчас находится этот уникальный сосуд и на чем основаны его изумительные свойства?» — спрашивает читатель А. Тиленин (Москва).

Возвратившийся недавно из Китайской Народной Республики журналист В. Недин по нашей просьбе рассказал.

Один из красивейших китайских городов, Ханчжоу, славится своими многочисленными историческими и культурными памятниками. Здесь и могила знаменитого национального героя Ио Фэя, и плотина, якобы воздвигнутая поэтом Су Дун-по, и грациозные пагоды, и огромные буддийские храмы.

Среди этих произведений архитектуры, скульптуры и прикладного искусства приезжий не всегда обратит внимание на скромный бронзовый сосуд с двумя ручками, находящийся в местном музее. Однако этот малозаметный сосуд, по виду напоминающий обыкновенный таз, является одной из достопримечательностей Ханчжоу. Дело в том, что если налить в этот сосуд воды, а затем начать тереть ладонями ручки сосуда, то вода в нем начинает бурлить, клокотать и тонкими струйками выплескиваться. Перестаньте тереть ладонями ручки сосуда, вода успокоится, и вы увидите сквозь ее гладкую поверхность изображенных на дне сосуда рыб.

Сосуд этот изготовлен китайскими мастерами много веков назад. В старину такое «закипание» воды в нем казалось чудом. Секрет же этого действительно оригинального явления заключается в том, что сосуд обладает свойством развивать при натирании его ручек сложную вибрацию стенок и дна, которая передается воде, отчего и получается ее «закипание». Причины такого необычного вибрирования еще не изучены до конца, но оно, несомненно, вызывается, во-первых, специальным подбором металлов, вошедших в сплав, из которого изготовлен сосуд, и, во-вторых, его формой.

Нужны были огромный опыт и недюжинное мастерство для того, чтобы изготовить такой сосуд.

Памятник на стене

На стене серого здания, выходящей в сад Всесоюзного научно-исследовательского института метрологии в Ленинграде, сверкает золотом красочная таблица периодической системы элементов Д. И. Менделеева. Любуясь этим необычным памятником, многие удивляются: «Какие прочные краски! Ни дождь, ни солнце, ни мороз — ничто не влияет на них». Однако знаменитая таблица не нарисована, а набрана из мозаики.

Эта сложная работа выполнена под руководством одного из первых советских мозаичистов — заведующего мастерской Академии художеств В. А. Фролова. Высота таблицы — девять метров.

Прошло двадцать лет, как таблица была выложена на стене дома, но выглядит она так, точно сделана сегодня.

К. ЧЕРЕВКОВ

Из почты «Огонька»

ИНТЕРЕСНАЯ МОРКОВЬ

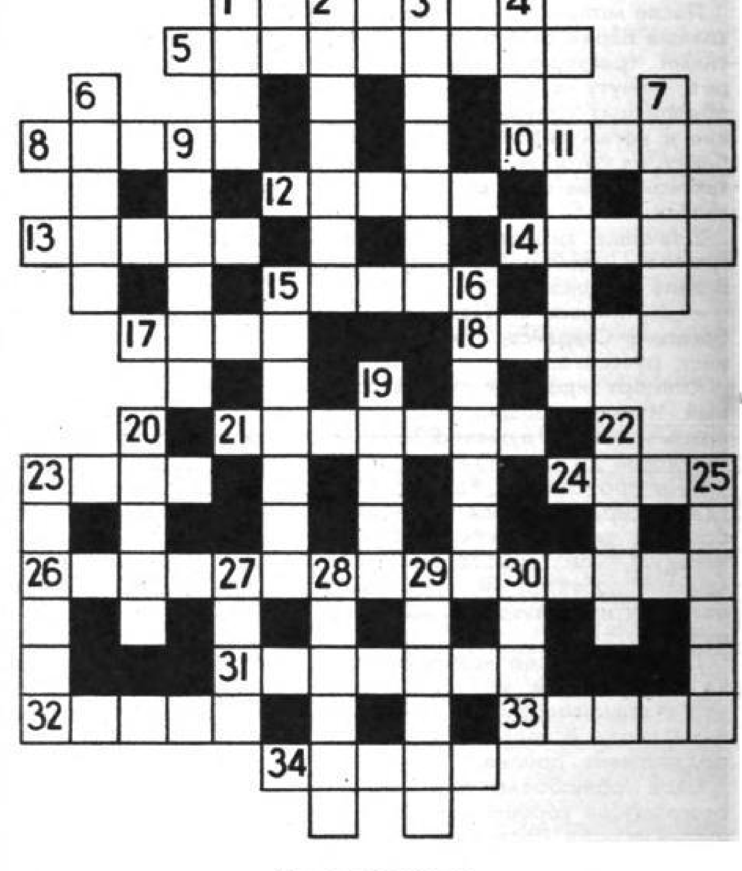

Я купил на рынке овощи, среди них попалась оригинальная морковь, мне даже жаль было ее резать. Наверное, такая забавная встречается не часто. Я сфотографировал ее.

И. ШАНИНСКИЙ

Киев.

КРОССВОРД

По горизонтали:

5. Республика в составе Югославии. 8. Порт на побережье Адриатического моря. 10. Деталь приспособления металлорежущих станков. 12. Горная антилопа. 13. Кожа. 14. Отверстие в улье. 15. Драматическое произведение. 17. Музыкальное произведение. 18. Пьеса В. Маяковского. 21. Областной центр Узбекской ССР. 23. Химический элемент. 24. Возвышенность. 26. Самопроизвольное разложение атомных ядер. 31. Парниковое растение для пересадки в грунт. 32. Река в Великобритании. 33. Роман М. Ю. Лермонтова. 34. Горячая обработка металлов.

По вертикали:

1. Приток Дуная. 2. Горная порода, применяемая для изготовления цемента. 3. Травянистое вьющееся растение. 4. Металл. 6. Денежная единица некоторых стран. 7. Цитрус. 9. Плод. 11. Спутник Урана. 15. Хлебный злак. 16. Русский писатель. 19. Сторожевой отряд. 20. Линия. 22. Дорога. 23. Представитель южнославянского народа. 25. Тетрадь специального назначения. 27. Краска. 28. Сорт сукна. 29. Город на Крайнем Севере СССР. 30. Характер.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 20

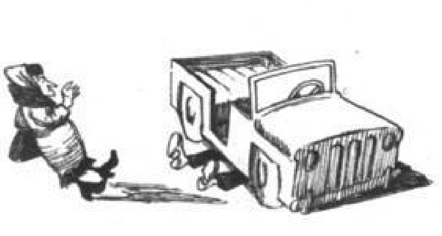
По горизонтали:

5. Шпалера. 7. Крайова. 9. Паганини. 11. Колосник. 12. Астров. 13. Фаянс. 15. Бизон. 16. Севооборот. 18. Литература. 21. Пиния. 22. Овчар. 24. Почерк. 27. Творение. 28. Аванпорт. 29. Клиринг. 30. Аэролит.

По вертикали:

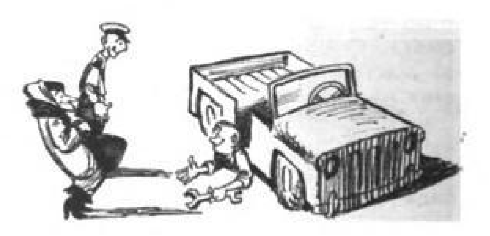
1. Параграф. 2. Резонанс. 3. Карболит. 4. Комендор. 5. Шляпа. 6. Анона. 7. Кузов. 8. Апекс. 10. Ископаемое. 11. Колоратура. 14. Сербия. 15. Болеро. 17. Питомник. 18. Литейщик. 19. Авангард. 20. Кароталь. 23. Отсек. 24. Пирог. 25. Квота. 26. Старт.

В этом номере на вкладках: две страницы акварелей О. Верейского, репродукции картин И. С. Остроухова «Сиверко», В. И. Сурикова «Боярыня Морозова», И. Е. Репина «Вечорниці» и две страницы цветных фотографий.

— ЧЕЛОВЕК ПОД МАШИНОЙ!..

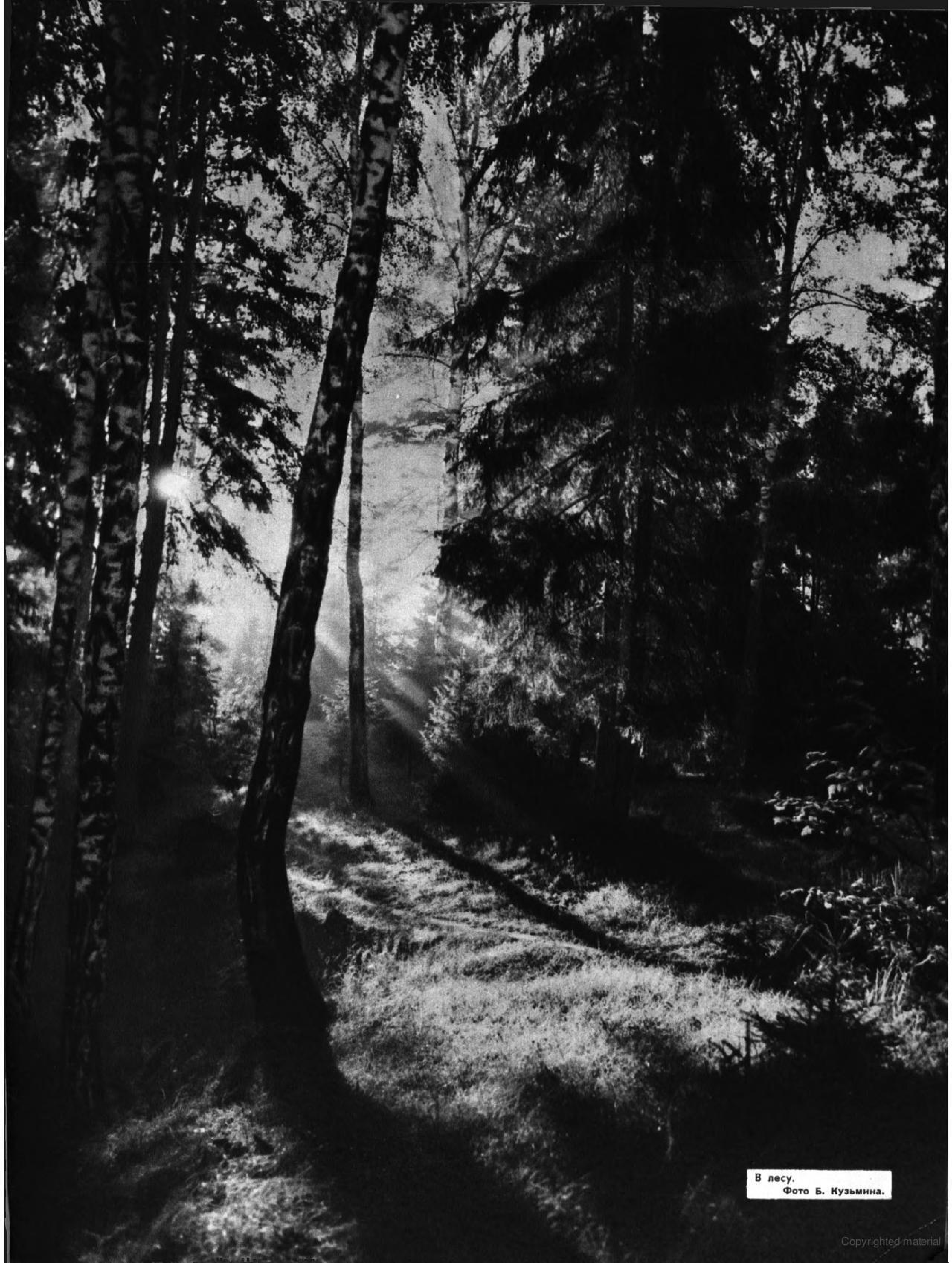
Рисунки В. ЧИЖИКОВА.

Главный редактор — А. В. СОФРОНОВ. Редакционная коллегия: В. Ф. БАРЫКИН, А. С. ВАРШАВСКИЙ, И. П. ГОРЕЛОВ, В. С. КЛИМАШИН (зам. главного редактора), Л. А. КУДРЕВАТЫХ (зам. главного редактора), Е. Н. ЛОГИНОВА, Т. З. СЕМУШКИН, Н. С. ЩЕРБИНОВСКИЙ.

Адрес редакции: Москва, Д-47, ул. «Правды», 24. Тел. Д 3-38-61. Оформление И. Уразова.

А 05830. Подп. к печ. 16/V 1956 г. Формат бум. 70 × 108⅛. 2,5 бум. л. — 6,85 печ. л. Тираж 1 000 000. Изд. № 445. Заказ № 1306. Рукописи не возвращаются.

Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени И. В. Сталина. Москва, Д-47, ул. «Правды», 24.

В лесу.
Фото Б. Кузьмина.

Цена номера 3 руб.